

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МЕДИЦИНСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АБУАЛИ ИБНИ СИНО**

*На правах рукописи*

Махмудова Сайёра Сафаровна

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЕДИНИЧНОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ В  
ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ:  
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

**Специальности:** 5.9.6. Языки народов зарубежных стран  
(таджикский язык); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-  
сопоставительная лингвистика

**Диссертация  
на соискание учёной степени кандидата  
филологических наук**

**Научный руководитель:  
доктор филологических наук,  
профессор Джабборова М.Т.**

**Душанбе -2023**

**ОГЛАВЛЕНИЕ**

<b>Введение .....</b>	<b>4</b>
<b>Глава I. Лексико-семантические средства выражения категории единичности и множественности в таджикском и немецком языках.....</b>	<b>15</b>
1.1. Существительные со значением собирательности как средство выражения категории единичности и множественности в таджикском и немецком языках.....	15
1.1.1 Вещественные имена существительные при выражении категории единичности и множественности в сопоставляемых языках.....	37
1.2. Употребление категории единичности и множественности во фразеологических сочетаниях.....	41
<b>Выводы по первой главе.....</b>	<b>64</b>
<b>Глава II. Функционально-грамматические средства выражения категории единичности и множественности в сравниваемых языках.....</b>	<b>66</b>
2.1. Словообразовательные средства выражения категории единичности и множественности в таджикском и немецком языках.....	66
2.2. Прономинальные средства выражения категории единичности в немецком языке.....	93
2.3. Функциональные (синтаксические) средства выражения категории единичности и множественности в сопоставляемых языках.....	107
<b>Выводы по второй главе.....</b>	<b>120</b>
<b>Глава III. Функционально-семантическое поле количественности в системе разноструктурных языков.....</b>	<b>122</b>
3.1. Полевой анализ категории квантитативности в таджикском и немецком языках.....	122

<b>3.2. Полевой анализ категории определённости в таджикском и немецком языках.....</b>	<b>141</b>
<b>Выводы по третьей главе.....</b>	<b>157</b>
<b>Заключение.....</b>	<b>158</b>
<b>Список использованной литературы .....</b>	<b>164</b>
<b>Литературные источники .....</b>	<b>183</b>
<b>Словари .....</b>	<b>186</b>
<b>Принятые сокращения.....</b>	<b>186</b>

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность темы исследования.** В настоящее время исследование разносистемных языков, в частности таджикского и немецкого, в сопоставительном аспекте достигло значительных результатов. Тем не менее, отдельные вопросы грамматических категорий в данных языках все ещё остаются вне поля зрения учёных-лингвистов. Так, средства выражения категории единичности и множественности, с точки зрения выражения количественности является не исследованной в плане межъязыковых связей разноструктурных таджикского и немецкого языков. Кроме того, в грамматиках сравниваемых языков одним из недостаточно изученных считается вопрос о количественных характеристиках в системе имени, в связи, с чем вызывает особый интерес у лингвистов, типологов, переводчиков, а также методистов.

Исследование специфических особенностей разноструктурных языков во взаимосвязи с общими чертами позволяет выделить уникальные и универсальные языковые признаки и классифицировать характеризующие их свойства, семантику и функции. Изучение категории единичности и множественности как семантически универсального компонента языковой структуры имеет существенную значимость, так как данное понятие отображает одно из основных и неотъемлемых свойств предметов и явлений объективной действительности. Количественные отношения, пронизывающие и организующие язык как систему, представляют собой крайне многоплановое явление. Несмотря на то, что их определенные стороны освещались, в общем, и частном языкознании, проблема числа, оставаясь актуальной в лингвистике, обнаруживает проблемы, не нашедшие еще своего решения. Средства выражения категории единичности /множественности в таджикском и немецком языках до настоящего времени остаются малоизученными.

В последние десятилетия современная лингвистическая наука проявляет все больший интерес не только к проблемам сопоставительного исследования языков, связанный с успехами, достигнутыми в контрастивной и функциональной лингвистике, большой интерес также вызывают проблемы, связанные с переводами и с обучением языков. В связи с этим, рассмотрение количественной семантики числовых форм имен существительных таджикского и немецкого языков представляется важным как с теоретической, так и практической точки зрения, поскольку это необходимо не только для лингвистического анализа языка и практики перевода с одного языка на другой или наоборот, но и для обучения таджикскому и немецкому языкам.

**Степень изученности темы исследования.** В связи с бурным развитием функционально-когнитивных исследований изучение традиционных грамматических понятий с новых позиций становится важной частью современной лингвистики. Категория числа как одна из важнейших характеристик имени существительного, давно привлекает внимание исследователей различных лингвистических направлений. Теоретическая ценность сопоставительно-типологических исследований проявляется, прежде всего, в том, что строй основного изучаемого языка открывает новые качества и свойства при взгляде на него «с точки зрения» или «через призму» разноструктурных языков; чем отдалённее сопоставляемые языки, тем больше вероятности приблизиться к глубинным лингвистическим категориям.

Как в таджикском, так и в немецком языке категории числа посвящены отдельные разделы лингвистики, а также специальные сопоставительные исследования сравниваемых таджикского и немецкого языков. Характерная противоречивость числовых значений исследуемой категории вызывает значительный интерес ученых-лингвистов.

В настоящее время в науке о языке достигнуты определенные результаты в разработке понятийного аппарата категории числа. Они

проявляются, прежде всего, в интерпретации явлений категоризации и концептуализации мира человеком, в освещении сложнейших проблем семантики языковых форм (в исследованиях А.А. Потебни, Е. Куриловича, О. Есперсена, С.Д. Кацнельсона, А.А. Зализняка, В.А. Звегинцева и др.).

Однако в отечественном и зарубежном языкознании недостаточно исследована именная количественность, как одна из подсистем функционально-семантического поля квантитативности. До сих пор не существует специальных теоретических исследований, посвященных вопросам категориальной семантики количества в сравниваемых таджикском и немецком языках.

Большой вклад в исследовании категории числа в современном литературном таджикском языке внесли такие таджиковеды, как В.С. Расторгуева, Н. Маъсуми, Р. Гаффоров, Т. Зехни, Б.Ниязмухамедов, Ш.Рустамов, С. Арзуманов, а также ученые-типологи М.Н. Абдуллаева, М.Б. Шахобова, И.Б.Мошеев, М.Н. Джалилова, Р.А. Самадова, Р.А. Шарипова, К. Усманов, Л.Ш. Малыхина и др.

Особый интерес представляет исследование М.Н. Абдуллаевой «Категория числа в русском и таджикском языках (именные части речи)». М.Н. Абдуллаева считает, что количество соответствующих предметов или явлений выражается в таджикском и других индоевропейских языках категорией числа, а «совокупность является одной из основных морфологических категорий в языке», а [Абдуллаева, Мавлюда Наджмиддиновна. Категория числа в русском и таджикском языках : (Учеб. пособие по спецкурсу) / М. Н. Абдуллаева. - Душанбе : ТГУ, 1980. - 87 с.. - с.18].

В этой связи особую актуальность приобретают исследования, проведенные в морфологическом срезе сопоставляемых языков, направленные на детальное изучение категории числа.

**Цель и задачи исследования.** Цель диссертационного исследования – диагностировать средства выражения категории единичности и

множественности на лексическом и грамматическом уровнях, сравнение и определение сходств и различий слов, относящихся к *singularia tantum* (имеющим только формы единственного числа) в сопоставляемых языках и *pluralia tantum* (имеющим только формы множественного числа) в немецком языке.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи:**

- изучить теоретический материал по теме исследования в таджикском и немецком языках, систематизировать существующую информацию по категории числа в сравниваемых языках;
- исследовать лексико-семантические средства выражения имен существительных *singularia tantum* в сопоставляемых языках (имен существительных собирательных, вещественных, абстрактных, собственных) и *pluralia tantum* в немецком языке;
- исследовать функционально-грамматические средства выражения категории единичности/множественности в таджикском и немецком языках (словообразовательные, прономинальные и синтаксические средства);
- анализировать употребление форм единственного и множественного числа в фразеологических сочетаниях таджикского и немецкого языков;
- выявить общее и специфическое в наименовании множества в таджикском и немецком языках;
- установить тенденции объективации термина квантитативность на материале таджикского и немецкого языков;
- подобрать, систематизировать и создать картографию иллюстративного материала по теме исследования из словарей, художественных произведений на таджикском и немецком языках;

– произвести сравнительно-сопоставительный анализ средств выражения единичности/множественности в таджикском и немецком языках.

**Объектом диссертационного исследования** является категории числа имен существительных в таджикском и немецком языках.

**Предмет исследования** - характеристика семантических и грамматических средств выражения категории единичности и множественности в пределах таджикского и немецкого языков и художественном дискурсе.

**Научная новизна** заключается в том, что в диссертационном исследовании впервые проводится комплексное изучение средств выражения категории единичности/множественности, а именно: форм *singularia tantum* в таджикском и немецком языках и *pluralia tantum* в немецком языке на основе сопоставительно-типологического анализа. Впервые средства выражения единичности и множественности исследуются на лексическом и грамматическом уровнях, и предпринимается описание категории количественности в расширенном понимании данных терминов. Кроме того, в диссертационной работе приводятся новые наблюдения в сфере функционирования грамматической категории числа в исследуемых таджикском и немецком языках.

**Практическая значимость** диссертационной работы заключается в том, что её результаты и выводы могут быть использованы в дальнейшем освоении лингвистических проблем категории числа в сравниваемых таджикском и немецком языках. Материалы исследования, его теоретические и прагматические показатели могут быть использованы при создании сопоставительной грамматики таджикского и немецкого языков, при составлении словарей и лексикографических трудов, в переводческой практике, которая требует правильное употребление таджикских и немецких средств выражения форм количественности в текстах разных стилей, также при чтении курсов и спецсеминаров по



сопоставительной типологии, лексикологии, грамматики таджикского и немецкого языков, при создании учебно-методических пособий, а также в научно-исследовательских работах аспирантами и соискателями.

**Теоретическая значимость диссертационного исследования** заключается в углублении представления о семантической категории количественности. Диссертационная работа служит основанием для дальнейших научных исследований не только именных средств выражения, но и обозначения единичности/множественности другими частями речи в области сопоставительно-типологической грамматики и семантики. Данное исследование может представить основу сопоставительно-типологического описания семантики языковой категории и совокупности средств её выражения с целью выявления национальной специфики каждого из сопоставляемых языков, как таджикского, так и немецкого. В диссертационной работе дальнейшее развитие получает концепция сравнения языков на основе языкового поля квантитативности.

**Методологическую базу диссертационной работы** составили исследования по грамматике русского, таджикского и немецкого языков, контрастивной лингвистике, лингвистической типологии, функциональной семантике и грамматике, представленные научными трудами отечественных и зарубежных, в частности, немецких, ученых, таких как А.А. Шахматова, А.А. Реформатского, В.В. Виноградова, А.М. Пешковского, Л.В. Щербы, Р.И. Аванесова, П.П. Потебни, А.В. Бондарко, А.В. Исаченко, С.Д. Кацнельсона, И.А. Трубициной, В.Г. Адмони, Л. Бузургзода, Т. Зехни, Б. Ниязмухамедова, Ш. Ниязи, С.Д. Арзуманова, Н. Маъсуми, Р. Гаффарова, Ш. Рустамова, А. Джумаева, О. Джалолова, М.Н. Абдуллаевой, И.Б. Мошеева, М.Н. Джалиловой, Р.А. Самадовой, Р.А. Шариповой, К. Усманова, М.Б. Шахобовой, М.Б. Нагзибековой, Л.Ш. Малыхиной, К.Е. Заммерфельд, Г. Мизель, Г. Штарке, Л.Р. Зиндера и других.

**Методы исследования.** Решению поставленной цели в значительной степени способствуют методы сравнительно-сопоставительного и описательного анализа с использованием приемов интерпретации, обобщения и классификации языкового материала, применение которых послужило основой структурного и систематизированного рассмотрения изучаемой категории в каждом из сопоставляемых языков, и были выделены общие характеристики и отличительные особенности категории единичности/множественности, в частности, форм *singularia tantum* в таджикском и немецком языках и *pluralia tantum* в немецком языке. В процессе исследования по мере необходимости применялись методы анализа в рамках исследуемой проблемы: метод компонентного и структурно-семантического анализа, метод контекстуального и переводческого анализа, для обработки результатов исследования метод количественного анализа.

**Материал исследования.** Материалом исследования послужили фактические данные, полученные методом сплошной выборки из текстов художественных произведений на таджикском и немецком языках и их переведенных версий, «Национального корпуса таджикского языка», «Мангеймского корпуса немецкого языка», а также данных лексикографических источников, паремиологического и фразеологического фондов исследуемых языков – толковых словарей современного таджикского и немецкого языков, словаря иностранных слов, а также переводческих и фразеологических словарей.

**На защиту выносятся следующие положения:**

1. Средства выражения категории единичности и множественности в сравниваемых таджикском и немецком языках характеризуются универсальностью и национальным своеобразием.

2. Сопоставляемых таджикского и немецкого языков отличает типологическая разноструктурность: таджикскому языку в связи с отсутствием флективности не свойственно явление *pluralia tantum*, тогда

как категория *pluralia tantum* в немецком языке - достаточно продуктивная числовая форма для выражения множественности.

3. Исследование категории числа имен существительных подтверждает, что грамматическое поведение лексических единиц является семантически мотивированным. Лексическое значение выступает позиционным условием в формировании и стабильности грамматического оформления единичности и множественности.

4. Вербальные средства выражения категории *singularia tantum* в сопоставляемых языках имеют как сходные, так и отличительные структурно-семантические характеристики, что обусловлены как культурно-историческими, так и чисто языковыми причинами.

5. Репрезентацией категорий единичности и множественности выступают различные словообразовательные модели в системе разноструктурных таджикского и немецкого языков.

6. Категория единичности и множественности охватывает имена существительные всех лексико-грамматических разрядов – имена нарицательные, конкретные, вещественные, собирательные и собственные, а также отвлеченные (абстрактные).

7. Вещественные и абстрактные имена существительные как формы категории *singularia tantum* и *pluralia tantum* характеризуются специфическими особенностями в сопоставляемых языках.

8. Формы категории *singularia tantum* и *pluralia tantum* в сопоставляемых языках, употребляясь синтаксических конструкциях, обладают одинаковой синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью, что являются доказательством грамматической основы категории числа во фразеологических конструкциях. Числовой формой у большинства фразеологизмов-антропонимов в сравниваемых языках выступает единственное число.

9. Категориально-семантическое свойство имен в сравниваемых таджикском и немецком языках может меняться в зависимости от дистрибуции или от компонентов сложного слова.

10. Средства выражения категории единичности и множественности на лексическом и грамматическом уровнях, выявление сходств и различий в средствах выражения количественных признаков в сопоставляемых языках рассматривается как отображение понятийной универсальности и языковой разноструктурности.

**Соответствие диссертации паспорту специальности.**

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности:

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык).

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика, а именно следующим пунктам:

- Теоретическая лингвистика;
- язык и мышление, их взаимодействие;
- когнитивный подход в современной лингвистике;
- необходимость обращения к исследованию целостного речевого акта при
- построении грамматических моделей;
- формулировке инвариантного грамматического значения и правил его
- контекстуальной модификации;
- корпусной лингвистики.

**Степень достоверности результатов проведенного исследования.**

Достоверность полученных выводов, сформулированных в диссертационной работе, обусловлена постановкой исследовательских задач, комплексным использованием различных подходов, применением апробированных методов и приемов анализа, соответствующих объекту, целям и задачам исследования, высокой репрезентативностью эмпирической базы и ее количественным и качественным анализами, а также глубоким изучением научной литературы по проблеме диссертации.

**Личный вклад автора** состоит в том, что данная диссертационная работа представляет собой самостоятельное исследование, посвященное изучению средств выражения категории единичности/множественности, в частности, имен существительных *singularia tantum* в сопоставляемых языках и *pluralia tantum* в немецком языке на материале художественных произведений таджикских и немецких писателей и их переведенных версий, данных лексикографических источников, «Национального корпуса таджикского языка» и «Мангеймского корпуса немецкого языка», а также паремиологического и фразеологического фондов исследуемых языков. В диссертации определены цель и задачи исследования, использованы соответствующие поставленной задаче методы исследования, осуществлен полный комплекс необходимого анализа по всем разделам диссертационной работы, обработаны полученные данные, проанализированы и обобщены результаты исследования, сформулированы выводы и представлены конкретные рекомендации.

**Апробация работы.** Основные положения и результаты диссертационного исследования, его теоретические и практические аспекты обсуждались на научно-теоретических семинарах кафедры иностранных языков Медицинского университета имени Абуали Ибн Сина и были представлены в докладах и опубликованы в сборниках материалов научных конференций разного уровня: ежегодной международной научно-теоретической конференции, посвященной "Году развития туризма и народных ремёсел", «Шёлковый путь и Евразийские межкультурные отношения - Silk road and Eurasian transcultural relations» (Душанбе – Бухоро, 2012-2018 гг.), первой международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы науки и практики» (Россия, Анапа, 05 марта 2022 г.), IX международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург 2022 г.), II международной научно-практической

конференции: «Актуальные вопросы науки и практики» (Россия, Анапа, 08 апреля 2022 г.), международном научно-исследовательском конкурсе (от 10.05.22 в г. Петрозаводск).

По теме исследования опубликовано 25 статей, 6 из них в журналах, входящих в перечень ВАК РФ.

**Структура и объём диссертации.** В соответствии с поставленной целью и задачами диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и источников иллюстративного материала.

**ГЛАВА I.**  
**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ**  
**КАТЕГОРИИ ЕДИНИЧНОСТИ И МНОЖЕСТВЕННОСТИ В**  
**ТАДЖИКСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

**1.1. Существительные со значением собирательности и**  
**вещественности как средство выражения категории *единичности и***  
***множественности* в сопоставляемых языках**

При сравнительно-сопоставительном исследовании языков используются такие теоретические методы, как сравнительно-исторический и сопоставительный. Особое внимание в последнее время уделяется как сравнительно-историческому, так и сопоставительному анализу разноструктурных языков.

Сопоставительно-типологическое направление языкознания, которое возникло на базе исследования разноструктурных языков, решает следующие задачи: установить соотношение систем и подсистем различных разноструктурных языков; выявить специфические свойства в системе данных языков.

Сопоставительно-типологический анализ языков имеет не только общелингвистическую ценность, но он также важен при обучении иностранному языку, так как сопоставительное исследование языков позволяет диагностировать трудности, возникающие в процессе обучения иностранным языкам. Сопоставительный метод, характеризующийся исследованием и описанием языков через системное сравнение с другими языками, ставит главную задачу – устанавливать типологическое сходство разносистемных языков. Общие задачи сопоставительного исследования языков можно сформулировать следующим образом:

- установить базу сопоставления;

- выявить основные моменты при построении классификационных схем;

- установить универсальные и специфические свойства.

Сопоставительное исследование разноструктурных языков в первую очередь характеризуется выявлением общего признака в структуре языков. Исходя из того, что типологическое исследование языков основано на выявлении функционального тождества отдельных языковых фактов, основным критерием сопоставительного исследования принято считать функциональное тождество сравниваемых языковых явлений. Сравнимые языковые единицы обладают не только универсальными свойствами, но и специфическими особенностями.

Следовательно, языковую категорию следует рассматривать в двух аспектах – как языковое явление, обладающее общим признаком или свойством, и как признак специфический из большого числа одинаковых языковых единиц.

Грамматическая категория, будучи замкнутой системой противопоставленных грамматических значений, характеризуется делением лексических единиц на отдельные классы, расхождения которых влияют определённым образом на грамматическую правильность высказывания.

Грамматическая категория также рассматривается, как:

- понятие, свойственное данному языку, обладающее характерными универсальными свойствами, а также признаками конкретного языка как особой системы;

- группа слов, которые обладают теми или иными грамматическими свойствами и признаками.

Так, в частности, грамматическая категория числа представляет собой не только общеграмматическое понятие, но и класс именных частей речи, которые обладают способностью репрезентовать числовые отношения [Мещанинов 1987: 78].



С исторической точки зрения типология характеризуется классификацией языков с позиции определённой специфики их внутренней структуры. В настоящее время типология как лингвистическая дисциплина значительно расширилась, она занимается не только классификацией языков, но также изучает принципы обоснования классификаций, исследования которых развились в самостоятельные разделы типологии. Другими словами, современная типология характеризуется множеством целей и определённой сложностью строения. Основным источником современной типологии – это морфологическая классификация языков.

Общеизвестно, что любая классификация, предполагающая разделение множества реальных или объектов (в данном случае языков) на подмножества, подразумевает в первую очередь выявление в объектах общего и специфического. Универсалия языков представляет собой общую черту, расхождение – специфические свойства, или уникалии.

Сравнительная типология рассматривает эти два объективных свойства языков как универсалию и уникалию. При этом следует отметить, что универсалии и уникалии обладают свойствами, которые присущи многочисленным группам языков. Благодаря такой последовательности специфики языков появилась возможность их исследования в типологии.

Осознание разных языков, исходя из степени распространённости языковых особенностей в свете философской категории общего, специфического и единичного, требует учёта всех свойств отдельных языков, только в этом случае можно получить правильное представление о структуре конкретного языка и решить вопрос его принадлежности тому или иному классу [Зеленецкий 1997: 13]. Исходя из этого, универсологию следует включать в состав типологии, учитывая при этом, что её выводы используются также и при построении общелингвистической теории.

При этом следует заметить, что понятие «всеобщее и единичное» в лингвистической науке не является идентичным. Согласно точке зрения А.П. Зеленецкого, установить универсальную закономерность объекта можно лишь исходя из обобщающего характера теоретического исследования реальной действительности [Зеленецкий 1997: 13].

Исследование уникалий (в данном случае специфичности языков) характеризуется относительной научной ценностью. «Специфическое не может существовать без связи, которая в итоге приведёт к общему. Специфическое необходимо рассматривать как основной момент для дальнейшего анализа и синтеза» [Гулыга, Шендельс 1987: 45]. Исходя из данного положения, специфику тех или иных языков необходимо рассматривать как репрезентацию всеобщих закономерностей. Данный подход к языку, который дополняет также универсальное исследование и показывает, каким образом всеобщее свойство языков проявляется в их специфическом многообразии, в лингвистической науке называют характерологией.

Общеизвестно, что основой последовательного типологического разделения языков являются универсология и характерология.

Следовательно, логическим основанием научной системы, которая выступает единственно возможной при учёте не только всеобщего, но также специфического и единичного, являются универсологический и характерологический подходы в типологии.

Как известно, основными факторами, которые определяют особенность того или иного лингвистического метода, выступают объект и цель исследования. Следовательно, именно объект и цель, в конечном итоге, определяют выбор основного приёма анализа.

Цель любого типологического метода заключается в анализе языковых типов, репрезентирующих универсальные в специфические особенности структуры языка (в лингвистике характеризуемое как – изо – алломорфизм языков), что в конечном итоге приведёт к построению типологической классификации языков.

Исходя из вышеизложенного, сравнение описаний языковых систем выступает как основной приём типологического метода, который сближает его с другими методами в лингвистической науке. Принимая во внимание это, многие лингвисты отмечают необходимость демонстрации особенностей типологического сравнения.

Основной целью контрастивного сравнения является прикладная, которая также характеризуется выделением в системе разноструктурных языков контраста – расхождения. В подобных случаях указывают на отсутствие у типологического сравнения пространственной и временной ориентированности [Реформатский 1987: 76-87].

Более сложным является соотношение типологического сравнения с контрастивным и конфронтативным сравнением языков. Спецификой контрастивного сравнения является то, что оно выявляет не только расхождение, но и общие сходства языков, используя в качестве метаязыка категориальные понятия общего языкознания.

Однако и в этом случае специфика типологического сравнения оказывается достаточно очевидной. При конфронтативном сравнении строя отдельных языков их черты, как общие, так и особенные, вне связи с всеобщим не могут быть представлены как различные проявления мирового языка. Иначе говоря, конфронтативное описание уступает типологическому, в особенности при выявлении фундаментальных, глубинных сходств и различий языков.

Таким образом, типологическое сравнение языков находится на более высоком уровне, чем контрастивное и конфронтативное. Оно включает их в себя и, по сути дела, предполагает их, тогда как обратного соотношения не существует: контрастивное и конфронтативное сравнения могут не достигать типологического уровня.

Важнейшим средством, обеспечивающим типологическому сравнению его специфику, является язык-эталон. Основной элемент любого типологического метода – это язык-эталон. Данный термин был разработан на основе строгой чёткости построения современной

типологии, которая обусловила последовательное расхождение языков, а также метаязык, на основе которого проводится изучение и описание разноструктурных языков.

В рамках сравнительного исследования таджикского и немецкого языков проблему языка-эталона следует решать исходя из постановки следующих вопросов: 1) какое место занимает язык-эталон в сопоставительной типологии; 2) необходимость выбора различных типов языка-эталона для сопоставительной типологии.

Чтобы ответить на первый вопрос, необходимо установить, какое место занимает язык-эталон в рамках сравнительной типологии. Будучи основным элементом типологического метода, язык-эталон рассматривается многими лингвистами как способ разработки многих направлений в типологии, таких как: универсология, характерология и систематология.

Здесь важно отметить, что универсалии как всеобщее свойство языков, наряду с языком-эталонem выступают базой не только построения характерологии, но также способствуют выявлению, как языковых типов, так и их систематизации в классы и подклассы. В рамках сравнительной типологии язык-эталон можно рассматривать как гарант единства приёмов исследования сопоставляемых языков, обеспечивающий при этом одинаковые термины.

Для таджикского и немецкого языков, обладающих генетической и значительной типологической близостью, необходимо создать так называемый конкретизированный язык-эталон. Отнесение отдельно взятой типологической специфики таджикского и немецкого языков к универсальным эталонам является недостаточно экономной процедурой и при этом может затмить их специфическую близость.

Критерии, которые необходимы для языка-эталона, следующие:

1. Язык необходимо рассматривать как систему, единицы которой выступают как двусторонние знаки.

2. Для каждой стороны знака характерна своя собственная системность, создающая план содержания и план выражения языка, единицы, которой находятся в отношениях асимметрического соотношения.

3. Единицы языка характеризуются разной степенью многообразности и связаны различными отношениями, которые образуют в общей сложности структуру языка. Основные типы отношений – это парадигматика и синтагматика, с одной стороны, а с другой – иерархические отношения. Исходя из вышеуказанных отношений, в системе таджикского и немецкого языков можно выделить четыре предельные классы единиц, которые являются основными подсистемами данных языков, или так называемыми языковыми уровнями.

4. В рамках уровней выделяют дробную классификацию единиц, а также категории и субкатегории.

5. Контенсивный характер типологического сравнения таджикского и немецкого языков требует учёта возможностей проявления одного значения на различных ярусах языка и, исходя из этого, взаимосвязь разных ярусов при репрезентации подобных значений.

Поскольку объектом нашего исследования является категория числа в таджикском и немецком языках, рассмотрим основные принципы описания категориальных значений.

Понятие категориального значения является исходным при построении контенсивной типологии языков. В силу значительной близости планов содержания сопоставляемых языков, присущие им семантические категории могут быть признаны практически универсальными. Однако необходимость реализации значения в единицах плана выражения обуславливает специфическое отражение семантических категорий в языковых категориях, различающихся как

характером проявления в языке, так и преимущественной связью с теми или иными уровнями языковой системы.

Отражая различие одного и более чем одного предметов в реальной действительности, категориальное значение числа оказывается достаточно чётко определимым; в таджикском и немецком языках оно реализуется в противопоставлении двух сем, которые соответственно могут быть названы единичностью и множественностью. Вследствие семантической прозрачности категории числа для неё нет необходимости строить язык-эталон типа обоснованного для падежного поля в языках.

По своей природе значение числа специфично для существительного, то есть категория числа имён существительных лексико-грамматическая. Прилагательное и глагол обладают словоизменительной категорией числа, то есть имеют согласовательные формы числа, вследствие чего наличие числа у прилагательного и глагола считается достаточным для имплицирования грамматической категории у существительного. Значения числа у всех местоимений, кроме местоимений первого и второго лица, не отличаются от соответствующих значений заменяемых ими слов. Формы множественного числа личных местоимений первого и второго лица передают разнообразные значения, при этом форма «*мо*» - «*wir*» вообще не способна передавать значения подлинной множественности «*ман*» - «*ich*» («я» - всегда уникально), но интерпретируется семантически как «*ман*» + «*шумо*» («я» + «вы») или «*ман*» + «*онҳо*» («я» + «они») Форма «*шумо*» – «*ihr*» передает либо значение подлинной множественности (много лиц, к каждому из которых обращаются на «*ту*» – «*du*»), либо значение, аналогичное передаваемому формой «*мо*» - «*wir*» («ту» + «онҳо» – «*du*» + «*sie*» ).

Расхождение форм и частных значений числа также зависит от лексического значения слов в таджикском и немецком языках. Способность образовывать соответствующие формы единичности и множественности, а именно: *singularia tantum* в сопоставляемых языках и

pluralia tantum в немецком языке является основой субкатегоризации существительных.

Все вышеизложенное рассмотрим более подробно.

Исходя из цели исследования, в данной диссертационной работе мы предлагаем общепринятую семантическую классификацию имён существительных. Данная классификация, на наш взгляд, представляется удобной, позволяющей систематизировать большой класс существительных, с учётом не только семантического значения, но и значения грамматического. Здесь уместно процитировать А.В. Бондарко: «Грамматическое значение является универсальным. Нет языка, в котором механизм выражения грамматической категории числа не был бы связан с лексическими группами, посредством которых данный механизм функционирует» [Бондарко 1996: 46, с.161]. 161]. Согласно точке зрения А. Вежбицкой, семантически немотивированные грамматические значения не существуют в языке [Вежбицкая 1999: 56, с.64].

Необходимо отметить, что в лингвистике выделяют не только лексическую семантику, но и грамматическую. Данное абстрактное, универсальное значение свойственно не только словам, словоформам, но также и синтаксическим категориям. В частности, грамматическую семантику имеют падежные формы имён существительных, времена глагола. В каждом языке грамматическое значение сопровождается лексическим значением, накладывается на него. Любое грамматическое значение обладает специальным формальным показателем – маркёром, формантом.

Идея единства лексической и грамматической семантики была выдвинута немецким лингвистом, компаративистом Гуго Шухардтом [Шухардт 1986: 207, с.87]. 87]. Если лексическая семантика связана с планом содержания лексической единицы, то грамматическая – непосредственно связана с планом выражения данного содержания.

Семантика категории единичности / множественности в сопоставляемых языках связана с формами единственного и множественного числа исчисляемых существительных. Определённые сложности возникают при анализе неисчисляемых существительных, исходя из того, что данная группа слов обладает немотивированной семантикой. Так, в частности, «*надару модар*», «*волидайн*» - «*Die Eltern*» («*родители*») не имеют формы единственного числа, обозначая парный денотат, значит, являются формами *pluralia tantum*. Или, например, слова со значением «множественность» – «*пул*» - «*Das Geld*» («*деньги*»); «*мебел*» - «*Das Möbel*» («*мебель*»), употребляются либо только в единственном числе *da ajhvt singularia tantum*, либо только во множественном числе - *pluralia tantum*, на первый взгляд представляются семантически немотивированными.

Приведем примеры из таджикского и немецкого языков: «*Пули сафед барои рӯзи сиёҳ*». - «*Белые деньги на чёрный день*»; «*Пул шуд, гум шуд*». - «*Богатство – вода: пришла и ушла*»; «*Пул бошад, дар ҷангал шӯрбо*» - «*Есть деньги, так и в лесу суп сварить можно*» [Калонтаров, 273, с. 233]. - «*Geld allein macht nicht glücklich*». - «*Бо пул хушбахтиро харида намешавад*», («*Одни деньги счастливым не сделают*»). Приведем пример:

«*Sie sprachen ungefähr anderthalb Tage, bevor die Amerikaner Bonn eroberten*» [Böll, Heinrich. Ansichten eines Clowns, Seite 89]. – «*Тақрибан якуним рӯз пеш аз он, ки амрикоӣҳо Боннро забт кунанд, сухан мегуфтанд*». – («*Говорили примерно за полтора дня до того, как американцы захватили Бонн*»).

Как уже было отмечено выше, в языкознании традиционно выделяют не только лексическую семантику, но и грамматическую. Проблема выделения грамматической семантики является одной из достаточно дискуссионных в лингвистике, так как одна и та же грамматическая форма по-разному характеризуется лингвистами.



Пытаясь разрешить противоречия грамматической категории числа имён существительных, А.А. Шахматов вводит несколько других «грамматических категорий», которые, по его мнению, выражают «отношение» существительных к категории числа [Шахматов 1986: 198,с, 45].

К ним автор относит: категорию «считаемости», категорию «единственности», категорию «единичности», «категию парности» и «категию совокупности» [Шахматов 2021: 198,с, 56].

Позиция А.А. Шахматова была поддержана Е.И. Шендельсом, который, в частности, отмечал: «Категории имён существительных в своих грамматических значениях противопоставляются друг другу, репрезентируя числовые отношения, такие, как единичность и множественность. Данная полярность, однако, снимается в определённых ситуациях, например, в контексте [Шендельс 1988: 200, с, 75].

Ряд учёных пытается решить проблему категории числа введением системы полярности, что позволяет сохранить оппозицию единственность/ множественность. При этом необходимо выйти за рамки собственно грамматики. Например, И.И. Ревзином вводится бинарное противопоставление: а) множество / единичность; б) определённая / неопределённая [Ревзин 1978: 157, с.78].

В тех случаях, когда по условиям контекста противопоставление по множественности – немножественности становится несущественным, то есть когда число объектов абсолютно неважно для говорящего, остаётся противопоставление по неопределённости – определённости.

Неопределённая

Pluralis +

Singularis –

А.В. Исаченко рассматривает понятие «множественность» как дифференцированную форму, в то время как «единственность» –

недифференцированная форма. «Единственное число, - продолжает автор, - легко заменяется формой множественного числа, смысл высказывания при этом сохраняется: «Ребёнка не следует наказывать за пустяки», «Детей не следует наказывать за пустяки». В форме единственного числа признаки расчленённость / нерасчленённость остаются невыраженными, так как представляют собой слабый компонент оппозиции [Исаченко 1986: 100, с, 58].

Исследователь считает также, что «инвариантным признаком, на основании которого в языке противопоставляются такие формы, как «моя книга»и «мои книги», является не признак «единичности»и «множественности», а признак «выраженной расчленённости и невыраженной расчленённости» [Исаченко 1986: 105, с.58].

Лингвистические работы по проблеме грамматического числа показывают, что однозначного решения данного вопроса не существует. С целью разрешения противоречий категории числа, лингвисты вводят кроме оппозиции «единственность – множественность»(Р.И. Аванесов, В.И. Сидоров, В.М. Никитевич, Г. Глинц, Г. Брикманн, О.И. Москальская, Е.И. Шендельс и др.), категорию количества.

Что касается соотношения грамматической категории числа и категории количества, то оно является весьма сложным.

В плане содержания категория числа не всегда репрезентирует значение «единичность»и «множественность», исходя из того, что главной смысловой функцией числа выступает «квантитативная репрезентация», давшая название данной категории. Необходимо отметить, что несмотря на то, что она является важной в плане содержания, она не выполняет категориальную функцию, которая охватывает все формы числа. Функция актуализации свойственна главным образом нарицательным именам существительным [Кашина 2003: 206].

Категории числа свойственны также другие содержательные функции. Согласно точке зрения С.Д. Кацнельсон, функция, которая

объединяет все без исключения формы числа – согласование в числе, не зависящая от содержательной функции числа [Кацнельсон 2001:123].

Функцией квантитативной актуализации обладают, кроме форм числа исчисляемых имён, и другие языковые средства, которые представляют собой единицы разных уровней языка, например, в немецком языке: «zwei», «vier», «einige», «die Million», «die Geschwister», «vierteln»; «ду», «чор», «баъзеҳо», «миллион», «бародарон ва хоҳарон», «чоряк» - «два», «четыре», «некоторые», «миллион», «братья и сестры», «четверть».

Следовательно, количественное значение образуется в результате сложения лексического, грамматического и словообразовательного значений. Данные виды значений находят своё отражение в мышлении – через познание реальной действительности.

Первой ступенью языкового отображения и абстрагирования действительности, а также материалом языковой абстракции является лексическое значение. Второй ступенью языкового отображения и абстрагирования действительности выступает словообразовательное значение. И, наконец, третью ступень образует грамматическое значение [Головин 1987: 23].

Таким образом, количественные числительные, будучи лексическим средством с семантикой «количества», выполняют номинативную функцию, называя при этом конкретное количественное отношение между предметами и явлениями реальной действительности. Следовательно, квантитативная актуализация у количественных числительных коррелирует с назывной функцией.

Другие лексические единицы, которые также обладают функцией количества, репрезентируют количественное отношение, при этом с различной степенью конкретности. Их можно объединить, исходя из общности семантики в структуре функционально-семантического количества.

Итак, грамматическая категория числа находит отражение в функционально-семантическом поле количества лишь в форме единственного и множественного числа исчисляемых существительных.

В таджикском и немецком языках имена существительные разделяются на две большие группы или лексико-грамматические разряды – конкретные и абстрактные. Имена конкретные, в свою очередь, разделяются на имена собирательные, нарицательные, вещественные, собственные.

Имена собирательные характеризуются тем, что анумеральная семантика их колеблется между единичностью и множественностью. Семантическая структура имён собирательных включает сему «множественность». Данная категория слов рассматривается как лексические единицы в форме *singularia tantum* со значением «множественность». При этом им свойственно грамматическое значение «единичность». Анализируя имена собирательные, А.А. Реформатский вводит понятие «грамматический парадокс», суть которого заключается в том, что семантика множественности передаётся формой единственного числа. По мнению ученого, «с позиции взаимодействия языка и мышления – это парадокс – каким образом множественность передаётся формой единственного числа» [Реформатский 1987: 67].

Рассмотрим более детально имена собирательные в системе таджикского языка.

В таджикском языке форма единственного числа может обозначать реальное множество как нерасчленённую комплексность: «пул» - «*das Geld*» («деньги») и, наоборот, форма множественного числа может указать на предмет в единственном числе: «аслиҳа» - «*Waffe*» («вооружение») - «яроқ» - «*Waffe*» («оружие») [Малыхина с.19].

В «Грамматике современного таджикского языка» имена собирательные именуются «исмҳои чомаъ», также в языке употребляется термин. Данная группа слов в форме единственного числа обозначает «множественность» однородных предметов, другими словами, имена

собирательные в таджикском языке – это лексические единицы, которые обозначают однородные предметы как неделимое целое.

Слова типа «чуфт» – «пара», «оила» – «семья» по своим синтаксическим связям и лексическим значениям могут соответствовать как единственному, так и множественному числу.

В таджикском языке значение «собирательность» репрезентируется главным образом лексически, например: «халк», «мардум» («народ»), «аҳолӣ» («население»), «лашкар» («войско»), или с помощью суффиксов: «хӯрокворӣ» («продукты»), «кабудӣ» («зелень»), «инсоният» («человечество») и т.д.

Имена собирательные выражаются формами *singularia tantum*, имеющими только единственное число в обоих языках, и формами *pluralia tantum* - в немецком языке.

Рассмотрим употребление собирательных существительных в примерах из художественных текстов.

*«Занаи дар бозор нишааста, меваву сабзавоти боғчаашонро мефурӯхт... Вай зане буд озодаву покизакор... Аз ин рӯ харидоронаш ҳам хеле зиёд буданд»* (Аҳмадзода Юсуфҷон. Ишқи духтари кулаҳпӯш, саҳ 2). - *««Seine Frau verkaufte **Gemüse und Früchte**, die sie in einem kleinen Gärtchen vor dem Tore pflanzte und viele Leute kauften gerne bei ihr, weil sie reinlich und sauber gekleidet war «Ju. Ahmadsoda, Seite 71). - («Жена его сидела на рынке и продавала фрукты и овощи из их огорода... Она была аккуратной и чистоплотной женщиной... Поэтому у нее было много клиентов»).*

*«Рӯзе Раҳими Қанд аз бетамизиҳои замона ва аз санъатношиносӣҳои мардум шикоят карда гуфт: - «Агар дар мардум тамиз мебуд ва санъатро мешинохтанд ...»* (Марғи Судхур С.А, саҳ 21). - *«Eines Tages jammerte Rahimi-Kand über die schlechten Zeiten und beklagte sich bei mir darüber, daß die Leute neuerdings ihren guten Geschmack verlören und aufhörten, die wahre Kunst zu schätzen. Besäßen die Menschen Geschmack und verstünden sie? Die Kunst gebührend zu würdigen, sagte er...»* (S.A. Der Tod des Wucherers., Seite

30). – («Однажды Рахими-Канд посетовал на плохие времена и пожаловался мне, что люди в последнее время потеряли хороший вкус и перестали ценить настоящее искусство. Есть ли у людей вкус и понимание? Чтобы отдать должное искусству, сказал он...»).

В данных предложениях наблюдается описываемое языковое явление, когда формы «*меваву сабзавот*» («*фрукты и овощи*») и «*мардум*» («*народ*»), выражаясь в форме единственного числа, обозначают множественность. А теперь сравним следующие примеры:

«... *тоқифуруи ба зери пардае, ки дар пеши рафчаҳои дӯкон кашида шуда буд, даст дароварда аз он ҷо як даста тоқии дарун ба дарун гузошташударо баровард ...*»[Марги Судхур С.А, саҳ324, с.17]. - «... *der Händler holte aus einem verhangenen Regal einen Stapel Tjubetekas heraus*»(Der Tod des Wucherers, Seite 324,с 20-18). – («*Торговец вытащил стопку тюбетеек с занавешенной полки*»).

«*Тоқифуруи як дастаи тоқиҳои Қоришикамбаро ба дастии ман дода: - Яке аз инҳоро хоста гиред! – гуфт*»(Марги Судхур С.А, саҳ 18-20). - «*Der Händler reichte mir den Stoß Tjubetekas von Kori-Ischkamba und sagte: «Wählen Sie eine von diesen!»* (Der Tod des Wucherers, Seite 21). - («*Продавец протянул мне стопку Тюбетеек, принадлежащих Кори-Ишкамбы и сказал: «Выбирай одну из этих*»).

Анализ данных примеров показывает, что таджикские словосочетания «*як даста тоқӣ*» и «*як даста тоқиҳо*» («*стопка тюбетеек*») в немецком языке также имеет два варианта-эквивалента – «*Stoß Tjubetekas*» и «*der Stapel Tjubetekas*».

Примеры из Национального корпуса таджикского языка:

«*Чун онҳо офтобзард ба он мавзеъ расиданд, аз таҷаллии қуллаҳои зиррину симини бурҷҳои маъбад ақл гум карданд. Чунон манзараҳои, ки ба ҳеҷ манзараву маъвои то ин вақт дидаи сарбозони сипоҳи Искандар ва сардорони лашкар ҳаммонанд набуданд*»[Национальный корпус таджикского языка, 316 2009]. – («*Когда они достигли того места под*

*солнцем, они потеряли рассудок от славы золотых и бетонных башен храма. Такие сцены, не похожие ни на одну сцену и пейзаж, виденные ранее солдатами армии Искандара и командирами армии»).*

*«Дар маркази маданияти маҳаллаи номбурда вохӯрии раиси Сенат бо **аҳолӣ** баргузор гардид. Чор нафар занон барои машғул шудан ба чорвопарварӣ ва моҳипарварӣ воми имтиёзнок дархост карданд». [316]. – («Они работают в вязальном цехе. Встреча председателя Сената с населением прошла в культурном центре указанного микрорайона. Четыре женщины обратились за льготным кредитом для занятия животноводством и рыбоводством»).*

В данных предложениях использованы собирательные имена существительные таджикского языка **«лашкар»** («войско») и **«аҳолӣ»** («население»).

Количественные отношения в таджикском языке могут выражаться следующими способами:

а). Употреблением сочетаний, обе части которых имеют определенные лексические значения, а употребляясь вместе в форме единственного числа, выражают множественность с собирательным значением, например: *«рӯзу шаб»*– «сутки», *«надару модар»*– «родители», *«зану шавҳар»*– «супруги». *«хешу табор»*– «родственники».

б). Путем повтора одного и того же слова, выступающего в роли определения и перед существительным: *«гала-гала»*– «много», *«гурӯҳ-гурӯҳ»* – «группами», *«тӯда-тӯда»*– «кучками». [Абдуллаева М.Н. Сопоставительная характеристика имен существительных в русском и таджикском языках. – Душанбе, 1989. – 58с. , с.38].

Большинство существительных в таджикском языке со значением совокупности однородных предметов или лиц, т.е. собирательных существительных может употребляться в форме множественного числа, подчеркивая тем самым множество: *«мардум»*- *«мардумон»* («народ»), *«халқ»*- *«халқҳо»* («народ»), *«маълумот»*- *«маълумотҳо»* («сведения»).

В современном таджикском языке только в единственном числе употребляются определённые группы названий болезней, сезонов, месяцев, наук, видов ветров, некоторых игр и т.д. Стало быть, при обозначении следующих болезней использованы имена существительные *singularia tantum*, например: «шамолкашӣ», «шамолхурӣ»– «простуда», «зуком» – «грипп», «домана» – «брюшной тиф.», «сурхча»– «корь» и пр.

Названия наук и школьных дисциплин также выражаются в таджикском языке существительными в форме только единственного числа: «адабиет»–«литература», «таърих»– «история», «расмкашӣ»– «рисование», «табиатиносӣ»– «природоведение», «хукуқиносӣ»– «правоведение», «забониносӣ»– «лингвистика» и др. Некоторые названия игр выражаются формами единственного числа «футбол», «волейбол», «баскетбол», «теннис», «шоҳмот»– «шахматы» [Малыхина, с. 21].

**Малыхина Л.Ш. Способы выражения категории количества (единичности/множественности) в русском, английском и таджикском языках (сравнительно-сопоставительный анализ): Автореф. дис. к. ф. н. Душанбе, 2011. - 25 с.**

В немецком языке собирательные существительные выражаются реже формами существительных *singularia tantum* «*die Milch*» («молоко»), «*das Gold*» («золото»), *das Silber* («серебро»), «*das Leder*» («кожа»), «*das Eisen*» («железо»), «*das Kupfer*» («медь») и чаще формами *pluralia tantum*, например: «*die Leute*» («народ»), «*die Menschen*» («люди»), «*die Ferien*» («каникулы»), «*die Massern*» («корь») и т.п.

Рассмотрим примеры с собирательными существительными в немецком языке:

«... *befand er sich schon auf einem großen Marktplatz, wo viele Buden aufgeschlagen waren und unähliche Menschen geschäftig hin und her liefen*»(Н.М., сах 108). – «... он дар майдони серғалогулаи як бозор, ки дӯкончаҳои бисъёре дар он боз буданд ва издиҳоми бешумори мардум рафтуо мекарданд, меистод»(Б.Ҳ- Ҳауф В. Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В.



Хауф. Д.: Маориф, - 1978,, сах 15). – («Он уже был на большой рыночной площади, где были расставлены прилавки и бесчисленное количество людей бегало туда-сюда»).

«**Die Gruppe** ist nur dadurch eine Gruppe, dass in ihr eine Anzahl einzelner versammelt ist, die sich mehr oder weniger voneinander abheben» (Barz. Ellynor. Selbstbegegnung im Spiel. Einführung in das Psychodrama) – «**Гурӯҳ** чунин мешавад, агар ҳайати он аз одамоне иборат бошад, аз ҳам каму беш фарқ мекардагӣ бошанд». – («Группа является таковой, если в её состав входят люди, которые более или менее различаются между собой»).

В немецком языке собирательные существительные образуют две подгруппы: 1) конкретно-предметные лексические единицы и 2) количественные слова, которые передают понятие собирательности без учёта характера единиц, образующих множество.

Существительные второй подгруппы дают лишь количественное описание предметов, характеризуют количественную сторону называемых предметов. Лексическое значение существительных первой группы намного богаче, у них выделяют несколько сем: предмет или лицо, множественность, совокупность, родство или общность.

Приведем примеры, в которых обнаруживаются следующие собирательные существительные немецкого языка: «**Die Flotte**» – «**флот**», «**Die Armee**» – «**армия**», «**Die Gruppe**» – «**группа**». Рассмотрим примеры:

«*Bis zur Mitte des Tages waren die Veteranen der Gepanzerten hartnäckig gegen die Taenia angestürmt, um in den Hafen zu dringen und die Flotte zu*» (Flaubert. Gustave. Salambo). – «*Ветеранҳои гоплит ба мақсади ба бандар даромадану хароб кардани киштиҳо то нисфирӯзи истодагарӣ ва Тенияро ба муҳосира гирифтанд*». – («До полудня ветераны гоплитов упорно осаждали Тению, чтобы проникнуть в порт и разрушить корабли»).

«In höchster Alarmbereitschaft wachte die **Flotte** über die Ekti-Fabriken, und einige Tage lang ging alles gut. Doch dann kamen Kugelschiffe aus den Tiefen von Jupiters Atmosphäre und verwickelten die TVF in einen heftigen Kampf» (Flaubert. Gustave. Salambo). – «Тӯли якчанд рӯз ҳама ором буд, вале баъдан флоти калони ҷангӣ аз абрҳо болотар парвоз намуда, бо EDF ба муҳорибаи беамон пардохт». – («В течение нескольких дней всё было спокойно, но затем большой флот боевых сфер поднялся из облаков и схватился с EDF в жестоком бою»).

«Er brachte die Einziehungsbefehle **der Armee** und **die** gefürchteten amtlichen Kuverts mit dem Inhalt: «Auf dem Felde der Ehre gefallen», und je länger der Krieg dauerte, um so öfter brachte er sie, und sein Kommen weckte Jammer, Flüche und Tränen» (Remarque. Erich Maria. Der schwarze Obelisk). – «Рот даъватнома барои даъват ба хизмати ҳарбӣ ва огоҳиномаи расмии «Дар майдони ҷанг шаҳид шуд» меовард. Ҷанг ҳар қадар тӯл мекашид, ӯ ҳамон қадар даъватномаву огоҳиномаҳоро беитар меовард, дар ҳар кучо пайдо шудани ӯ ба мардум дард, гам оварда, сабаби нолаву шеван, ашки талху лаънати зиёд мегардид». – («Рот приносил повестки призванным в армию и конверты с официальным извещением: «Пал на поле брани». Чем дольше тянулась война, тем чаще он приносил их, и его появление вызывало горе, проклятия и слёзы»).

«Er wird eine **Armee** von Feinden bezwingen, während eine Schar von Kranichen über ihm kreist» [Cornelia Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres Lebens». - München: Franz Schneekluth Verlag, 1996Seite 321]. - «**ӯ қушунӣ** душманро торумор мекунад ва болои сари онҳо селани лошахӯрон чарх хоҳад зад». – («Он победит армию врагов, пока над головой кружит стая грифов»).

«Dann braucht es für **die Gruppe** Entschlossenheit, Liebe und Mut, ihn anzunehmen - und damit einen solchen Schatten auch in sich selbst für möglich zu halten» (Barz. Ellynor. Selbstbegegnung im Spiel. Einführung in das Psychodrama). – «Барои он ки чунин шабаҳ пайдо кунеду онро барои худ

*имконпазир ҳисобед, аз гурӯҳ қатъият, мардонагӣ ва шавқу ҳавас тақозо мешавад». – («Чтобы принять такую тень и счесть её для себя возможной, группе потребуется решительность, мужество и любовь»).*

Названия болезней в немецком языке, в отличие от таджикского языка, чаще относятся к группе существительных *pluralia tantum*. Об этом свидетельствуют следующие соотношения: «*Die Blättern*» – «чёрная оспа», «*Die Rotern*» – «краснуха», «*Die Pocken*» – «оспа» и т.д. Приведем примеры:

*«Röteln: Röteln gehören zu den Kinderkrankheiten, die auch Erwachsene betreffen können» (Das Grimmsche Wörterbuch). – «Бемории сурхак ин беморие ҳаст, ки калонсолон ҳам метавонанд гирифтадор шаванд».*  
– («Краснуха - одна из детских болезней, которая может поражать и взрослых»).

*«Die Rötelnimpfung sollte während der Schwangerschaft nicht verabreicht werden» ( Das Grimmsche Wörterbuch). – «Ҳангоми ҳомиладорӣ эмкунӣ манъ аст».* – («Прививку от краснухи нельзя делать во время беременности»).

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что в исследуемых таджикском и немецком языках часто обнаруживаются имена существительные с неполной парадигмой числа, относящиеся к формам *singularia tantum* в обоих языках и частое употребление форм *pluralia tantum* только в немецком языке, которые обозначают собирательность.

### **1.1.1. Вещественные имена существительные как средство выражения категории единичности и множественности в сопоставляемых языках.**

К вещественным именам существительным в сопоставляемых таджикском и немецком языках относятся лексические единицы, которые называют массу или материал. Референт данной группы слов лишён

внутренней структуры и формы; денотат, обозначаемый ими, – не дискритен.

Спецификой вещественных существительных в таджикском языке является то, что они обозначают однородные по составу вещества, значение вещественности у них передается лексически и употребляются они, главным образом, в единственном числе, т.е. могут выражаться формами *singularia tantum*.

В таджикском языке к вещественным относятся существительные, обозначающие плоды и овощи: «ангур»– «виноград», «зардолу»– «абрикос», «карам»– «капуста»; злаки: «гандум» – «пшеница», «биринч» – «рис»; продукцию животноводства: «гӯшт»– «мясо», «шир»– «молоко»; материалы: «тилло» –«золото», «мармар» – «мрамор», «ангиштсанг» – «уголь» и др. [Арзуманов 1998: 134].

В данном языке встречаются вещественные имена с семантикой «собираемости». Данная группа слов имеет форму *singularia tantum*, которые имея возможность делимости на части, в то же время, не поддаются счету, не могут непосредственно сочетаться с числительными. Семантика количества передается непосредственно посредством слов-маркёров: «бисёр» – «много», «бисёртар» – «больше», «кам» – «мало», «камтар» – «меньше» или более конкретно с указанием определенного объема веса вещества.

Вещественные имена в таджикском языке могут употребляться в форме множественного числа, при этом меняется семантика данных слов. В таких случаях они обозначают уже не однородное по составу вещество, а виды и сорта вещества, сплошную массу вещества или занимаемое им пространство. Вещественные существительные при этом могут принять формообразующую морфему: «нонҳои самарқандӣ» («самаркандские лепешки»), «обҳои мусаффо» («прозрачные воды»). Например: «Себҳо пухтанд.» («Яблоки (т.е. различные его сорта)

поспели»).). *«Обҳои минералии Кавказ манфиатбахши мебошанд»*. – (*«Минеральные воды Кавказа являются полезными»*). [К.Усмонов, с.31].

Приведем пример с существительными в форме *singularia tantum*, имеющими семантику вещественности из «Национального корпуса таджикского языка».

*«Бузпарварӣ самти сердаромади чорвопарварӣ ба ҳисоб меравад. Пӯст, паши, гӯшт ва шири буз дар табобати халқӣ ба таври васеъ истифода бурда мешавад. Бо мақсади васеъ намудани хоҷагӣ парвариши 164-сар чорвои калони шохдор, сар чорвои резан шохдор, ҳазор парранда, ҳазор сар харгӯширо ба роҳ монд»*. [Национальный корпус таджикского языка 2022]. – (*«Козоводство считается наиболее прибыльным направлением животноводства. Кожа, шерсть, мясо и козье молоко широко используются в народной медицине. С целью расширения хозяйства начато разведение 164 голов крупного рогатого скота, 1000 птиц, 1000 кроликов»*).

В немецком языке вещественные существительные, характеризующие недискретные предметы, сочетаются со словами, обозначающими физические тела – «мешки», «вагоны», «чашки» и т.д. Этот процесс называется – дозификацией. При этом может исчисляться часть данной субстанции, полученная в результате её деления. То есть недискретный денотат становится дискретным. Следует также заметить, что в немецком языке вещественные существительные, имея нарицательное значение, указывают на разновидность вещества. Данные существительные в таких случаях оформляются формой множественного числа: «*Die Stähle*» – «стали», «*Die Weine*» – «вина» и пр. Приведем примеры:

*«Der Troß der Krämer, die Wein- und Ölhändler, wütend darüber, daß sie nicht bezahlt wurden, begannen sich allesamt gegen Karthago zu ereifern»*. (Flaubert. Gustave. Salambo, Seite 45). – *«Синас тӯдаи савдогарон пайдо шуданд: ҳама фурӯшандагони шаробу равгани растани дар газаб аз он*

буданд, ки ба онҳо пул надоданд, онҳо ба Ҷумҳурӣ душманона муносибат мекардагӣ шуданд».— («Затем явилась орда торговцев: все продавцы **вина** и растительного масла, взбешённые тем, что им не уплатили, стали враждебно относиться к Республике»).

«*Der Wein* roch herber und aromatischer als **die** burgundischen **Weine**» (Remarque. Erich Maria. Die Nacht von Lissabon, Seite 39) – «**Шароб** данд ва бӯяи аз **шароби** бургундӣ дида хуитар буд». – («**Вино** было терпкое и ароматнее бургундских **вин**»).

«*Mit diesem zusammen besaß Krupp die Stahl- und Eisenfabriken von Mieres im spanischen Baskenland*» (Norden. Albert . So werden Kriege gemacht, Seite 89). – «Ин ду ширкат дар Мересе якҷоя соҳиби заводи пӯлодрезӣ ва металлургӣ буданд». – («Эти две фирмы совместно владели **сталелитейными** и металлургическими заводами в Мьересе»).

В немецком языке вещественные существительные употребляются в форме множественности при помощи слов: «*arten*», «*sorten*»: «*Getreidearten*» – («хлебные злаки»).

При характеристике разных видов и сортов некоторые вещественные существительные также употребляются во множественном числе: «*Die Benzine*» – «бензины», «*Die Raffinerie*» («нефтеперерабатывающие»); «*Die Fette*» – «жиры»; «*Die Öle*» - «масла»; «*Die Holzer*» - «сорта древесины» и др. Рассмотрим примеры:

«*Seine Hände waren mit Binden umwickelt, die mit wohlriechendem Öle getränkt waren, das auf den Boden herabtropfte*» (Flaubert. Gustave. Salambo, Seite 90). – «Бандине дасти ӯро менӯшонд, ки моддаҳои чарби хушбӯйро ҷаббида буду моеъ аз он заҳида ба фари мечакид». - («Повязки, пропитанные жирными благовониями, которые просачивались наружу и капали на пол, скрывали его руки»).

«*Nicht nur Parfüms der höchsten, allerhöchsten Schule, sondern auch Cremes und Puder, Seifen, Haarlotionen, Wässer, Öle*». (Süskind. Patrick. Das Parfum: Die Geschichte Eines Morders, Seite 56) – «На танҳо афру

*олитарин, намунаи аз ҳама беҳтарин, балки крем, упо, собун, ласони барои мӯй ва молиш низ..»). - («Не только духи высочайшей, самой высочайшей пробы, но и **кремы**, и пудра, и мыло, и **лосьоны** для волос, и **протираия...**»).*

Таким образом, вещественные существительные в нашем исследовании - это существительные, называющие вещества, обозначающие однородные по составу вещества, то есть недискретные объекты, которые не утрачивают своей сущности при нарушении их целостности. От вещественных существительных мы отличаем собирательные существительные и конкретно-предметные существительные, употреблённые в собирательном значении.

## **1.2. Употребление категории единичности и множественности сопоставляемых языков во фразеологических единицах.**

Известным швейцарским лингвистом Шарлем Балли было установлено отличие фразеологических сочетаний от свободных словосочетаний. Им также была предложена классификация фразеологических единиц: обычные сочетания; фразеологические группы; фразеологические единства [Балли 2003: 67].

Исследование, проведённое Ш. Балли и рядом учёных, в частности С.И. Абакумовым, позволили установить характер фразеологизмов [Абакумов 1987: 45]. Новый этап в исследовании фразеологических единиц отражён в работах академика В.В. Виноградова [Виноградов 2001: 78].

В.В. Виноградов подробно описывает семантическую специфику фразеологических конструкций и намечает главный принцип классификации фразеологизмов. В.В. Виноградов на материале русского языка выделяет следующие типы фразеологических конструкций: А) фразеологическое сращение; Б) фразеологическое единство; В) фразеологическое сочетание.

Однако, несмотря на значительное количество исследований, появившихся после работ В.В. Виноградова, опирающихся на его концепцию и в той или иной мере развивающих её на материале различных языков, терминология, относящаяся к фразеологии, остаётся во многом двусмысленной. «Зыбкость, неопределённость и многообразие в понимании объекта фразеологических исследований», - констатировал С.И. Ожегов [Ожегов 1987: 45].

С.И. Ожегов сравнивает терминологию в книгах по общему языкознанию Л.А. Булаховского, который «под идиоматикой понимает то, что у В.В. Виноградова называется фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями, а под фразеологией ходовую цитацию, пословицы и т.д.», и А.А. Реформатского, который «в идиоматике объединяет то, что Л.А. Булаховский называет идиоматикой и фразеологией, а во фразеологию включает явления профессиональной, жаргонной, художественной речи» [Ожегов 1987: 54].

Согласно Д.Н. Шмелёву, «наиболее странное впечатление производит, однако, даже не разнобой в терминологии, относящейся к фразеологии, а то, что «фразеология» понимается некоторыми исследователями как нечто само по себе данное в языке в своих точных границах. В связи с этим то или иное определение объёма фразеологии признаётся неправильным на основании того, что в неё включаются или, наоборот, исключаются из неё какие-то явления языка, - в то время как очевидно, что можно было бы обсуждать лишь то, соответствует ли отнесение автором этих фактов к фразеологии тому определению, которое критикуемый автор даёт «фразеологии», как ценность самого данного определения [Шмелев 1986: 67]. Так, например, А.И. Ефимов, указав, что «под фразеологическим составом языка разумеется запас ходячих, метких, часто повторяемых, устойчивых в смысле порядка слов, крылатых выражений, которые бытуют в национальном языке и которые находят в художественных произведениях самое различное применение»



[Ефимов 2009: 32], считает возможным упрекнуть вслед за этим тех лингвистов, которые исходят из другого понимания «фразеологии».

Основными критериями выделения фразеологических единиц во многих работах выступают – идиоматичность, константность, неизменяемость состава элементов и образность, а также выводимость значения на основе компонентов, образующих данную конструкцию. Следовательно, несмотря на второстепенность тех или иных признаков с позиции других критериев разграничения фразеологизмов, нет основания рассматривать их как несостоятельные или ошибочные. Важно отметить, что подобного рода расхождение мнений составляет большую часть исследований по фразеологии.

Следовательно, невзирая на расхождения в определении предмета и объекта фразеологии, можно выделить положения, которые являются достаточно определёнными. В частности, фразеологические единицы рассматриваются не как отдельные слова, а как словосочетания. Исходя из этого, «метафорическое использование» отдельных лексических единиц, так же как употребление некоторых слов в переносных значениях, не рассматривается как фразеологизмы. Во-вторых, фразеологические единицы рассматриваются как устойчивые сочетания. Следовательно, разного рода образно-метафорические выражения, встречающиеся в контекстах, не рассматриваются как «фразеологические».

Здесь нет возможности и необходимости останавливаться на разнообразных случаях изменений, претерпеваемых фразеологизмами с течением времени. Необходимо заметить, что, несмотря на индивидуальность «судьбы» каждой отдельно взятой фразеологической единицы, какие бы факторы ни влияли на неё, важную роль в развитии фразеологической системы языка играет та основная движущая сила, которая определяет лексико-семантическое развитие любого языка в целом, которое рассматривается как стремление языкового знака к мотивированности, с одной стороны, и тенденция к регулярности или

автоматической воспроизводимости, с другой стороны. Поскольку на разных уровнях языковой структуры, даже в пределах одного слова, эти тенденции проявляются неодинаково, направление внешних и внутренних смыслов преобразований фразеологизма нередко зависит от сложного переплетения разнообразных факторов.

Исследование фразеологической системы разных языков важно не только для разработки общей теории фразеологии, но также и для выявления общих и специфических свойств языков.

В отечественной и зарубежной лингвистике проблеме семантической организованности фразеологизмов посвящено немало работ (Ф.А. Ахмедовой, М.Х. Ходжаевой, Т.М. Хамидова, З.М. Шариповой, М.С. Кенджаевой, М.М. Гаффарова, М.М. Имомзода, А.Д. Рейхштейн, В.М. Мокиенко и др.).

Однако категориальные признаки фразеологизмов в системе разноструктурных языков до настоящего времени не были объектом исследований. Важно заметить, что семантическую специфику фразеологических единиц конкретного языка можно выявить посредством анализа грамматической природы данных единиц.

Данный раздел нашего исследования направлен на выявление универсалий и расхождений в репрезентации категории количественной определённости фразеологизмов-антропонимов.

Главный компонент фразеологизма-антропонима, будучи грамматически самостоятельным, выражается именем существительным. Функционируя как определённый член предложения, он создаёт категориальную семантику и характеризует грамматические особенности всего фразеологизма.

Структуру фразеологизма-антропонима с семантикой «черты характера человека» образует компонент – одушевлённое существительное (наименование человека или животного). Данный компонент образует субкатегориальное значение одушевлённости: «*гургу борондид*» – («*тёртый калач*»); «*Den Augiasstall reinigen*» – «*тоза кардани*

*аспхонаи авгиев» - («вычистить авгиевы конюшни»); «Den dummen August spielen» - «Худро ба нодонӣ задан» - («Не прикидывайся дурачком»);* благодаря грамматической категории числа актуализируются «числовые отношения» между объектами: определённая / квантитативность. На основании этого выделяют категории *singularia tantum* и *pluralia tantum*.

В таджикском и немецком языках общее грамматическое значение категории числа фразеологизмов-антропонимов, семантически ориентированных на черты характера человека в сопоставляемых языках, выступает значение количественной определённости лица, обозначенной данной фразеологической единицей.

В *singularia tantum* фразеологизм-антропоним обозначает одно лицо, которому свойственны определённые черты характера, в форме *pluralia tantum* указывает на реальное множество лиц, например:

*«Одамӣ он аст ба назди харон,*

*К-ӯст чу хар бар таҳи бори гарон»* (Фарҳанги забони тоҷикӣ 1965: 2, 462). – («Они подобны ослу, навьюченному мудрыми книгами. Но разве осел может извлечь пользу из тех книг»).

*«Der getreue Eckart»– «Эккарти содиқ» - «верный Эккарт»* (Эккарт – герой немецкой мифологии, верный страж молодой Харлунги. Его имя стало синонимом «верности», «преданности», «неподкупности») [Немецко-русский словарь фразеологизмов 1995].

Средства выражения категории числа в таджикском и немецком языках характеризуются универсальностью и национальным своеобразием.

Универсальность проявляется в том, что существительные в составе фразеологизма вносят значение «единичности» или «множественности» в семантическую структуру данной единицы.

Основное сходство таджикского и немецкого языков проявляется во взаимодействии категории числа с семантикой отдельных разрядов существительных – основных элементов фразеологической единицы.

Формы единственного и множественного числа свойственны существительным, называющих предметы и явления, поддающиеся счёту.

Расхождение проявляется в том, что если таджикскому языку свойственна «лексикализованность», то немецкому – «грамматикализация». Например, в таджикском языке: «*аҳли илм* – «ученые», приведем пример:

*«Аз қабилӣ илм ба ҳақоқиқи ашӣ, ки аз он ба ҳикмат ва фалсафа таъбир намоянд ва соири улум ё донишхоро адаби динӣ номидааст, мисли ҳисобу ҳандаса ва тибу ҷузғрофӣ, ки донишмандон онҳо мустақиман дар тариқи истиқомол ва тазкияи нафси инсонӣ воқеъ намешавад, ҳарчанд ба таври ғайри мустақим ва ба қавли *аҳли илм* (сониян ва биларз) ба адаби нафс кӯмак менамояд» [Национальный корпус таджикского языка 2000]. – («Например, наука относится к истине вещей, которую можно интерпретировать как мудрость и философию, а другие науки или знания называются религиозной литературой, например, арифметика, геометрия, медицина и география, познание которых не происходит непосредственно через развитие и развитие человеческой души, хотя и опосредованно. Прямо и по мнению людей науки (во-вторых и двусторонне) оно помогает нравственности души»).*

В немецком языке данная категория представлена внешней флексией – суффиксами множественного числа (**-e; -en; er; -s**). Данные суффиксы и падежные окончания (в немецком языке только одно окончание множественного числа – **n**) представляют собой две отдельные морфемы: множественное число дательного падежа «*gutes Tier*» – «хайвони хуб» – («хорошее животное»); «*guten Tier-e-n*» - «хайвонҳои хуб» - («хорошие животные»).

У некоторых имён существительных немецкого языка различие между формой единственного и множественного числа выражается внутренней флексией – чередованием гласных по умлауту в корне слова: «*gutmutiges Haus*» – «хонаи хуб» - («добродушный дом»); «*gutmutige Häuser*» - «хонаҳои хуб» - («добродушные дома»). Приведем пример:

*«Auch für gute Tiere werden schlechte Preise geboten. Natürlich verteuert auch hier der Handel und Zwischenhandel, der während des Krieges und nachher in unserem Lande eine kaum glaubliche Ausdehnung erfuhr, das Objekt in ungehöriger Weise. Ahlers, Wilhelm, Niemand will Pferde kaufen» [Vossische Zeitung MorgenAusgabe. DWDS]. - «Барои чорвои хушзот низ нархҳои бад пешниҳод карда мешаванд. Албатта, дар ин ҷо ҷам савдо ва савдои миёнаравӣ, ки дар мамлакати мо дар солҳои ҷанг ва баъд аз он вусъати беандоза дошт, мавзӯро ба таври номутаносиб гарон мекунад» Алерс, Вилгелм, ҳеҷ кас намехоҳад аспҳоро харад».- («Для хороших животных также предлагаются плохие цены. Конечно, и здесь торговля и промежуточная торговля, которые претерпевали едва ли оправданное расширение во время войны и после неё в нашей стране, обесценивают объект неподобающим образом, Вайсе Алерс Вильгельм никто не хочет покупать лошадей»). (Материал выбран из газеты [Vossische Zeitung].)*

В немецком языке категория множественного числа может быть представлена аналитическим способом с помощью артикля. Изменение его формы сочетается с другими признаками (суффиксами, умлаутом): *«eine treue Haut»* – «одами содиқ, вафодор» – («верный, преданный человек»); – *«treuen Häute»*.

В качестве показателей множественности служат флексии согласуемых с существительным слов (грамматически подчинённых компонентов фразеологизма-антропонима): *«boshafte Frauenzimmer»* – «зани бад, шаттоҳ», («злая, сварливая женщина»); – *«boshafte Frauenzimmer»*.

*«Rachel schildert in dieser Satire sieben böse Frauenzimmer, nämlich das mürrische, schmutzige, verschmitze ...» (Richter A. Deutsche Redensarten. DWDS). – «Рахел дар ин ҳаҷв ҳафт зани шарир, хусусан шаттоҳ, ифлос ва ҷангара ...-ро тасвир кардааст» (судья А. Дойче Реденсартен. DWDS). - («Рахель изображает в этой сатире семь злых баб, а именно ворчливых, грязных, озорных...»)* (судья А. Дойче Реденсартен. DWDS).

Фразеологизмам-антропонимам свойственны те семантические признаки, какие они имеют в классе существительных. Фразеологизмы-антропонимы характеризуются тем, что главный элемент их является исчисляемым именем существительным. Он может иметь полную числовую парадигму – выступать либо в форме единственного числа, либо в форме множественного.

Имея разные числовые формы, подобные фразеологические конструкции сохраняют свою индивидуальную семантику, грамматическое значение соотносится с формой числа. Формы *singularia tantum* и *pluralia tantum* употребляются в одинаковых синтаксических конструкциях, обладают одинаковой синтаксической и лексико-семантической сочетаемостью, что является доказательством грамматической основы категории числа во фразеологических конструкциях. Числовой формой, которая выражает значение «количества» у большого числа фразеологизмов-антропонимов в сравниваемых языках, выступает единственное число. Тот факт, что среди фразеологизмов-антропонимов преобладают единицы с семантикой «единичность», говорит о вытеснении формы множественного числа. Семантика подобных фразеологических конструкций чётко выражает позицию исконности значения единственного числа [Золотова 1982: 72].

Специфика фразеологизмов-антропонимов, имеющих в семантической структуре коннотативную сему, которая выражает отношение к обозначаемому предмету – субъекту речи, ограничивает использование формы множественного числа. Исходя из этого, фразеологические единицы репрезентируют главным образом отдельное лицо, а не множество лиц [Катермина 2010: 81].

Небольшое количество имён существительных как таджикского, так и немецкого языков, обладая только формой единственного числа и характеризуясь отсутствием отношения к идее счёта, имеют ряд смысловых групп, а именно, названия предметов, единственных в своём

роде, например, «*kein grosses (Kirchen) licht*» - «одами муқаррарӣ, монанди дигарон» («заурядный человек, ничем не выделяющийся», «*trauriger Mond*» – «турирӯӣ, одамгурез» («угрюмый, нелюдимый человек»); «*der Abschaum*» - «одами оташмизоч («темпераментный, эмоциональный человек»), «*der Gesellschaft*» – «аъзоёни ахлоқашон вайронишудаи коллектив» («морально разложившиеся члены коллектива»); абстрактных понятий: «аз камоли беақлӣ» («от большого ума»); «гӯсола» («простак») - одами содда («святая простота – «наивный человек»), «булбул» («соловей – красноречивый»), например: «*Das Herz fiel [rutschte] ihm in die Hose*». - «Ҷонам дар кафи даст омад». («Душа ушла в пятки»).

В немецком языке «*heilige Einfalt*»– «содда» («простота»), «*reine Unschuld*»- «беғуноҳи пок» («невинность») – «шахси соддалавх, оддӣ» - «наивный, простодушный, бесхитростный человек».

Форму только множественного числа имеют фразеологизмы-антропонимы, содержащие в качестве стержневого компонента имени существительные со значением множественности, коллективности или парности, например, в таджикском языке: «*аҳли карам*», «*аҳли малоҳат*», «*аҳли хирад*», «*аҳли байт*», «*аҳли дарбор*», «*аҳли маҷлис*»: «*аҳли карам*» – «сахиён», «ҷавонмардон», «одамони босаховат», «кушоодадаст», «олиҳиммат» – «благородные люди»; «*аҳли малоҳат*»– «малеҳон», «зебоен», «хушрӯен», «соҳибчамолон» – «красивые (люди)»; «*аҳли дарбор*»– «дарбориён», «одамони дарбор», «мансубон ба дарбор»– «придворные». Приведем примеры:

«*Ҳангоми хӯроки пешин подшоҳ ба аҳли дарбор дар бораи намоиши аҷоибу ғароиб, ки онҳоро беғохирӯзӣ интизор аст, нақл намуданд*» (Б. Ҳ. - Ҳауф В. Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978, саҳ 17). – «*Während des Mittagessens erzählte der König den Höflingen von der wunderbaren und interessanten Show, die sie am Abend erwarte.*». - («Во время обеда король рассказал придворным о чудесном и интересном шоу, которое ждет их в вечером»).

«**Аҳли дарбор** ба якдигар низ бо ҳайрат ва даҳшат нигоҳ мекарданд» (Б.Ҳ., Ҳауф В. Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978, саҳ 28). - «*Alle waren mehr oder minder mit dem sonderbaren Kopfpfutz geschmückt*». – («Придворные тоже смотрели друг на друга с удивлением и ужасом»).

«*Вақте ки маҷлисӣ зиёфат ба поён расид, аҳли маҷлис пароканда шуданд ...*» (Марғи судхӯр А.С саҳ ,25). - «*Als sich die Feier dem Ende näherte und sich alle nacheinander verabschiedeten ...*» (S.A. Der Tod des Wucherers, Seite 28). – («Как праздник подошел к концу, все попрощались один за другим»).

«*Er befahl ihm, auf einer großen Wiese hinter dem Schloß Anstalten zu treffen, daß das Wettlaufen mit Bequemlichkeiten von seinem ganzen Hofstaat könnte gesehen werden ...*» (Н.М., –Seite. 109). – «*Вай ба ӯ фармон дод, ки дар як майдони калони паси қалъа чамъ ояд, то тамоми дарбориёни ӯ мусобиқаро бо шароити мусоид тамошо кунанд*». - («Он приказал ему устроить на большом лугу за замком так, чтобы за скачками мог с удобством наблюдать весь его двор»).

«*Alle waren mehr oder minder mit dem sonderbaren Kopfpfutz geschmückt*». – «*Ҳамаи онҳо то андозае бо сарпӯши аҷиб оро дода шуда буданд*». – («Все были более или менее украшены странным головным убором»).

В таджикских примерах сочетания «**аҳли дарбор**» и «**аҳли маҷлис**» были переведены на немецкий язык местоимением «*все*» – «*alle*». В немецком языке фразеологизированных единиц с подобным компонентом не обнаружено, лишь выражение «**аҳли дарбор**» – «**придворные**» было переведено как «*ganze Hofstaat*».

Таким образом, расхождение в образовании категории количественной определённости в таджикском и немецком языках выявляется в процессах лексикализации и грамматикализации. В немецком языке, помимо внешней флексии, есть внутренняя – умлаут, и



ещё дополнительно употребляются суффиксы множественного числа, артикль. Количественное значение фразеологизмов в обоих языках представлено преимущественно формой единственного числа либо без числовой соотнесённости. Кроме того, выявлены фразеологизмы-антропонимы, имеющие только форму единственного или только множественного числа.

Анализ фактического материала позволил нам выделить следующие типы фразеологизмов в таджикском и немецком языках, включающих существительные со значением множественности.

В первую группу вошли номинативные фразеологические единицы с семантикой «состояния», «свойства», а также номинативные стереотипы. К номинативным стереотипам относятся словосочетания, семантика которых определяется значением композитов, образующих данное сочетание. Например, в немецком языке:

«*David und Goliath*» – «хурду калон» - («большой и маленький»); «*David und Jonathan*» – «ҷӯраҳои ҷонӣ»– «закадычные друзья»); «*Eine Krankhiet davontragen*» – «бемор шудан»– («подцепить болезнь»); «*Den Preis davontragen*» – «мукофот гирифтан»– («получить награду»); «*Schaden davontragen*» – «зарар дидан»– («понести убытки»); «*Den Sieg davontragen*» – «голиб омадан»– («одержать победу»); «*Nicht auf Deck sein*» – «нотоб шудан»- («чувствовать себя неважно»); «*wieder auf Deck sein*» – «сиҳат ёфтан»– («выздороветь»); «*Ein niedriges Dach*» – «манзили хоксорона», («скромное жилище»); «*Ein wirtlich Dach*» – «манзили хоксорона»– («гостеприимный кров»). Приведем пример:

«*Zu äussers am offnen heerweg stechts , ein wirtlich Dach für alle Wandrer, die das Weges fahren*». – «Манзили меҳмонпазир дар сари роҳи калон қарор дошта, мусофиронро сарпоноҳ буд.»– («У большой дороги стоит для путников открытый гостеприимный кров») (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 134); «*Bei Adam und Eva anfangen*» – «аз Одам то ин дам»– («начинать от Адама и Евы»); «*Der alte Adam*» – «хатои нахустин»– («первородный грех»); «*Den alten Adam ausziehen*» -

*«ба одами дигар табдил ёфтан»*– («стать новым человеком») (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 124).

В таджикском языке в данную группу вошли главным образом номинативные стереотипы:

*«Бача дар камар (сафар) номаи Музаффар»*– «ба бачаи нозода ном мондан», «*пеи аз руй додани коре, ҷанҷолу муноқишаи онро кардан*», «*пеи аз ба вучуд омадани чизе дар хусуси он гап задан ё таърифи онро кардан*», напиме: *«Бача дар камар, номаи Музаффар»*гуфтагӣ барин, ту аз ҳозир дар гами номмонӣ нашав»(А. Дехотӣ. Паёмҳои дустӣ, сах 78). – («Ребенок еще не родился, чтобы дать ему уже имя, прежде чем что-то произойдет, устроить из-за этого ссору и конфликт, поговорить об этом до того, как что-то произойдет, как говорится, «делить шкуру неубитого медведя»); *«Бача дар сафар, номаи Музаффар. Шафтолу ҳанӯз калон нашуда ва напухта аз ҳоло гавгои онро карда истодаед»*(Ш. Қиёмов, Талоши бахт, сах 12). – («Дерево еще не выросло, а вы устаиваете из-за этого сканчал»); *«Бача-кача»*– «фарзанд», «аҳли оила», «бачагони гуногун»: *«Бача-качаи бешуморе ҷамъ шуда буданд»*(Ҷ. Икромӣ, Духтари оташ, сах 89);

*«Беша бе шер нест, дарё бе моҳӣ (бе наҳанг)»* «– «дунё аз одамони хуб холӣ нест», «одамон ҳар гунаанд», «дар байни бадон хубон ҳам ҳастанд»: *«Вай донист, ки аз аҳли замона ва мардуми Бухоро ин қадар нафрат кардан ва ноумед шудан намешоистааст. Маълум мешавад, ки беша бе шер набудааст»*(Ҷ. Икромӣ, Духтари оташ, сах 34) – («Мир не лишен хороших людей, есть всякие люди, есть среди них хорошие люди: «Он знал, что неприлично так сильно ненавидеть и отчаиваться в отношении людей того времени и людей Бухары. Оказывается, «лес – не без львов»);

*«Бинӣ дар осмон»*– «ҳама вақт ба ҳар ҷо ки равад, аз думаш дугсе дум-равак овезону бинаш дар осмон»(Р. Ҷалил, Одамони ҷовид, сах 12). – («*Всюду он ходит, задрав нос*»).

Во вторую группу группу мы включили так называемые «коммуникативные» фразеологические единицы с семантикой «комментария, угрозы, требования». По своей структуре данные фразеологизмы соответствуют предложениям, то есть предикативным синтаксическим единицам. Существительные, образующие данную группу, имеют форму единственного числа. Например, в немецком языке:

*«Ich bin doch nicht dein Affe»*– «ақлам дар ҷояи, бе ту ҳам қорам буд мешавад»– («у меня свой ум есть и без тебя обойдусь»); *«Ich dachte, mich kratzt der Affe»*– «ман аз фарти ҳайрату ногаҳонӣ будани ҳолати мазкур дар ҷоям шах шуда мондам», «олами рӯшан дар назарам тира метофт», «аз дард дида варам беитар буд»– («я остолбонел от изумления, от неожиданности», «я света белого не взвидел», «мне небо с овчинку показалось»).

*«Nach Hause zu kommen, war keine Kleinigkeit, und wie ich da bin, da denke ich erst recht, mich laust der Affe. Eisbeine, wissen Sie, kalter Schweiß... leinenweiß das Gesicht»*. – «Ба хона расиданам осон нест ва вақте ки мерасам, ин мурда кирои гирифтан намекунад дигар. Пойҳоям қарахт шудаанд, арақи сардро дар тамоми бадан, ранги монанди пахта кандаро дидаед» - («Домой добраться нелегко было, и когда я добирюсь, наконец, тут мне небо и начинает казаться с овчинку. Ноги, как лёд, знаете ли, холодный пот по всему телу, лицо белое, как полотно»).

В таджикском языке: *«Биниаширо доред, ҷонаш мебарояд»*– («еле-еле душа в теле»); *«ниҳояд лозар, тован: «Хуш, гуфтам, ки падарсаг худаш гурба барин модар надораду биниаширо доред, ҷонаш мебарояду ба чӣ қорҳо машгул мебошад?»*(Ф. Муҳаммадиев, Тири хокхӯрда, сах 56). – («Хорошо, - говорю: «Сам, словно котенок, не имеет родителей, как говорится «еле-еле душа в теле»и умудряется заниматься такими делами»);

*«Ба болиште, ки сар гузоштан ҷоиз нест, сар нагузор* «– «қасеро таърифу тавсиф қардан»; *«мартабаи қасеро зиёд қардан»: «Баъзеҳо*

*баромада ўро чунон боло мебардошанд, ки ҳатто худаи ҳам тасаввур карда наметавонист»*(Ҷ. Икромӣ, Муҳаббат, сах 45). – («Восхвалять кого-либо»; «повысить чей-либо статус»: «Некоторые так его возвысили, что даже он не мог себе представить»).

В следующую группу вошли фразеологические шаблоны, представляющие собой конструкции, семантика которых непостоянна, но с элементом синтаксической идиоматичности. Существительные, прилагательные в данных конструкциях повторяются, редуцируются, усиливая лексическое значение.

Например, в таджикском языке: «**багал ба багал дарафтидан**» – «*гуштин гирифтанд*», «*зурозмоӣ кардан*» – («**соствязаться**»: «*Ба ман муборизае даркор аст, мардинавор багал ба багал дарафтед*». – («Мне нужен мужской бой»)(Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 1. Саҳ 87); «**бахс-мабахс**»– («спор- «диспут»); «**тараф ба тараф**»– («бок о бок»); «**қасд ба қасд**»– («месть»): «*Гӯе ки бо онҳо баҳс-мабахс мехонда бошанд*». – («Как будто они спорили с ними») (С. Айнӣ, Марги судхур, сах 28); «**даркору нодаркор**»– («нужное и ненужное»): «*Не бошад, хал дар хона шинад. Баҳудаю беҳуда ба куча набарояд*». – («Нет, сиди дома тихо. Не выходи на улицу без надобности») (К. Наимӣ, Рӯзи равшан, сах 10); «**беш аз беш**» – («более чем»); «**зиедтар**» – («больше»); «**беитар**», «**рӯз ба рӯз зиедтар**» – («с каждым разом все больше и больше»); «*Аз ин сабаб ба ободонӣ ва марказият додани қувваҳои адабӣ, илмӣ беш аз беш менамояд*» (А. Мирзоев, Биноӣ, сах 24). – («По этой причине более важно совершенствовать и централизовать литературные и научные силы»); «**Бачаи мор мор аст**» - «*аз бад бад мерӯяд*»– («яблоко от яблони недалеко падает»); «*Бобою бобокалонаи хӯҷа буданд. Падараи колхозчӣ шуда кор мекунад. Худаи ҳам баъд аз тамом кардани мактаби миёна ба колхоз аъзо шуда меҳнат мекунад – гуфт Азимҷон гӯё худро муҳофизакунон. Ҳоло ту бача. Кай медонӣ, ки аз дунё чӣ мегузарад. «Бачаи мор мор аст»*»(Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963, 1.сах 84). –

(«Его дед и прадеды были земледельцами. Его отец работает колхозником. После окончания средней школы он пошел в колхоз и работал, - как бы защищаясь, сказал Азимжон. Теперь ты мальчик. Никогда не знаешь, что происходит в мире: «Яблоко от яблони недалеко падает»).

В немецком языке: «*Ein Ding ein Ding sein lassen*» – «бе тагийрот гузоштан» - («оставить как есть»); (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 147); «*Brust an Brust*» – «сина ба сина» («зич», «чавс») - («грудь с грудью»); («вплотную», «близко»). «*Auge um Auge*», «*Zahn um Zahn*» – «чаим ба ивази чаим дандон ба ивази дандон» – («око за око, зуб за зуб»).

На материале немецкого языка, с учётом коммуникативного значения, нами также были выделены следующие виды фразеологизмов:

Пословицы (общеупотребительные): «*Das Ansehen hat man umsonst*» – «тамошоюи бе пул аст» – («загляденье (просмотр) денег не берут»); «*Von bloßen Ansehen wird man nicht satt*» - «бо тамошо кардан сер намешавӣ» – («с погляденья сыт не будешь»); (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 38). «*Aus den Augen – aus dem Sinn*» – «мехр дар чаим аст» – «с глаз долой – из сердца вон»; «*Man lernt nie aus*» – «илм дарёст» - («век живи – век учись»).

Немецкий учёный Г. Бургер, исходя из роли фразеологизмов в процессе общения, выделяет также референциальные фразеологические единицы. Существительные, входящие в данную группу фразеологизмов, употребляются в форме *singularia tantum*: «*Sein sicheres Auskommen haben* иметь верный кусок хлеба»; «*Seinen Zorn (Unmut) an j-n auslassen*» – «алам гирифтан», «қаҳру газаб (алам, хаим)-ро ба сари касе рехтан» - («выместить, сорвать свой гнев (досаду, злость) на ком-либо»): «*Damit geht sie in die Küche und laßt ihren Zorn über diese Verbannung an den Goren aus*». – «Бо чунин ҳарфҳо ба оишона рафта, қаҳру газабаширо бар рӯйи сабуксариш худ мерезад». – («С этими словами она уходит на кухню и срывает там злость за своё изгнание на шалунах»); (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 65).

Общеизвестно, что система языка, культурно-исторические события оказывают воздействие не только на формирование фразеологических единиц, но и равным образом на их функционирование.

Согласно позиции немецкого учёного Т. Шиппан, фразеологические единицы следует рассматривать как эквиваленты слов [Шиппан 1986: 45]. Как и лексическим единицам, им присущи стилистические, семантические и грамматические признаки. Грамматическая сторона фразеологических единиц находит отражение в репрезентации грамматических категорий.

Многие работы в области фразеологии на материале разных языков направлены главным образом на исследование семантических свойств фразеологических единиц. Формам реализации грамматических категорий, в частности *singularia tantum* в структуре фразеологических единиц, посвящено мало исследований.

Грамматические категории фразеологических единиц тесно связаны с морфолого-синтаксическими видами фразеологических единиц.

Морфолого-синтаксические виды фразеологических единиц включают именные, глагольные, адъективные, а также адвербиальные фразеологические единицы. Специфика данных типов фразеологизмов заключается в том, что доминанты данных типов по своим морфолого-грамматическим категориям совпадают с грамматическими категориями слов, которые организуют функционирование фразеологизмов в предложении. Немецкий учёный В. Флейшер данный феномен рассматривает как свидетельство грамматического соответствия между словом и фразеологизмом [Флейшер 1987: 67].

Грамматическая категория наиболее ярко выражена у существительных. Основным компонентом у именных фразеологических единиц (ФЕ) выступает изменяемое, склоняемое существительное, в котором сосредоточены категории числа, рода и падежа. В таджикском

языке категория числа является функционирующей, а категории падежа и рода отсутствуют.

Например: «*Ба доманаи намоз хондан мумкин аст*»– «ишора ба одами пок, ҳалол, хушаҳлоқ будани касе»– («намек на порядочного человека»); (Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 1, 417); «*Доғи касе, чизе дар дил мондан*»– «алам, гам, андӯҳ, ҳасрати касе, чизе дар хотир мондан», «дар ҳасрати чизе мондан»– («печаль, горе, скучать по кому-то, что-то помнить, что-то упускать»); (Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 1, 420) (Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 1, 421); «*На сих сӯзад на кабоб*»– «дар коре манфиати ҳар ду тарафро дар назар доштан», «дар ҳалли масъалае ҳаққонӣ ва бетарафона рафтор кардан»– («живи по закону»; «живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы»).

В данных примерах существительные в составе фразеологизмов употребляются в форме *singularia tantum*.

При сравнении данных ФЕ таджикского языка с немецким были выявлены следующие расхождения: категория падежа в немецком языке является потенциально реализуемой, а категории числа и рода полностью закрепившимися.

В немецком языке категория определённости и неопределённости выражается посредством определённого или неопределённого артикля.

Например: «*Ein Gedanken schoß mir durch den Kopf*»– «дар сарам фикре пайдо шуд»– «в голове у меня промелькнула мысль»; «*Ein gutes Gefalle haben*»– «арақхӯри гузаро» (дар бораи одаме, ки бисёр менӯшад) - («иметь лужёную глотку») (о человеке, который может много выпить спиртного или без устали долго кричать, петь); «*Ein öffentliches Geheimnis*»– «асрори ба ҳама маълум»; «*сирри ошкоршуда*»- («по секрету всему свету»); «*Der Gefahr ins Auge sehen*»– «аз марг наҳаросидан»– «смотреть в лицо смерти»; «*hinter ein Geheimnis kommen*»– «аз сирри касе (чизе) огаҳ шудан»– («проникнуть в какую-то тайну»).

«*Er vermochte aber nie hinter dieses Geheimnis zu kommen, so sehr er sich auch Muhe gab*». – «*Ў ҳарчанд сайъ карда бошад ҳам, ҳеҷ аз ин сир оғаҳ нашуд*». – («*Он, однако, никогда не мог проникнуть в эту тайну, как он ни старался*»); (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 123).

В приведённых выше фразеологизмах немецкого языка главным компонентом являются существительные, которые выражают все грамматические категории, а именно: род, число, падеж. Определённый артикль выражает категорию определённости и неопределённости. Следует заметить, что в данных фразеологизмах категория единственного числа остаётся неизменной, меняется только падеж. Согласно грамматическому строю немецкого языка, единственные в своём роде явления употребляются только с определённым артиклем, например, «*Der blaue Planet*» – «*сайёраи кабуд*» – («голубая планета») (Земля).

Таким образом, в немецком языке категория определённости и неопределённости репрезентируется в структуре многих фразеологических единиц: «*Die goldene Regel*» – «*қоидаи тиллои*» – («золотое правило»); «*Der goldene Schnitt*» – «*буриши зарин*» – («золотое сечение»); «*Die goldene Mitte*» – «*васати заррин*» (панди шоири римӣ Горатсий) – («золотая середина») (изречение римского поэта Горация); «*Ein Bild für Götter*» – «*манзаргоҳи худоён*» – «*манзараи боҳашамат*» – («зрелище для богов», «великолепное зрелище»); «*Der Atem bleibt ihm aus*» – «*дамаи намегирад*» – («дыхание у него замирает»):

«*Einer der Schutzleute stieß diderich vor die brust, daß ihm der Atem ausblieb*». – «*Яке аз политсайҳо Дидрихро чунон ба қафаси синааш зада тела дод, ки нафасаш ба дарун зад*». – («Один из полицейских так толкнул Дидриха в грудь, что у него замерло дыхание»). (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 56).

Употребление артиклей в структуре фразеологизмов подчиняется правилам использования артиклей в немецком языке. Артикли в



структуре фразеологизмов немецкого языка употребляются в типичных для них случаях:

Конкретизация понятия: «*Das Grüne Gewolbe*» – «Анбори сабзавотфурӯшӣ» - («Зелёная кладовая») (название Дрезденского музея художественной промышленности); «*Das grüne Herz Deutschlands*» – «Қалби сабзи Олмон» - («Зелёное сердце Германии») (перифрастическое название Тюрингии) [Немецко-русский фразеологический словарь 1995: 267].

Самым распространённым в словарной форме фразеологизмов немецкого языка является нулевой артикль, репрезентирующий одну из категорий определённости / неопределённости:

«*Geschwister von beiden Banden*» – «бародару хоҳари угай» – «сводные братья и сёстры»; «*Handel und Wandel*» – «ғавзои зиндагӣ» – «суета жизни»: «*Im Handel und Wandel des Lebens blieben ihm die hohen ideale seiner Mitmenschen versagt*». – «Ғавзои ҳаёти ҳаррӯза ӯро комилан фаро гирифта, барои идеалҳои воло, ки дар атрофи ӯ зиндагӣ мекарданд, ҷой намемонд». – («Суета будничной жизни захватила его целиком, не оставив места высоким идеалам, которыми жили окружающие его люди»); «*Haut und Leben dagelassen haben*» – «шаҳид шудан» - («сложить свою голову»); «*Hein und Herd*» – «хонавода» - («домашний очаг»); «*Hochzeit halten*» – «тӯй кардан» - («справлять свадьбу»); «*Frau Holle schittelt ihre Betten aus*» – «бистари пари қуи худро меафионад» - («валит снег») (букв. «Фрау Холле выбивает свои перины» – немецкий фольклор); «*Hose wie Jacke*» – «ду понздаҳ як сӣ» - («что в лоб, что по лбу»); «*Hunger und Not*» – «қашшоқии беохир» - («беспросветная нищета»); «*Kaviar für das Volk*» – «хӯроқи бениҳоят хуштаъм барои бесалиқ» («ба гӯши ҳар азон гуфтан») – («слишком тонкое блюдо для грубого вкуса» (шекспировское выражение – «метать бисер перед свиньями»); «*Keck holt die Braut weg*» – «Майдон аз далер аст» – («Смелость города берёт»).

Нулевой артикль не рассматривается как неизменяемая форма репрезентации категории определённости или неопределённости в

рамках фразеологизмов. В определённых контекстах именные фразеологизмы в форме *singularia tantum* употребляются либо с определённым / неопределённым, либо с нулевым артиклем. Например, во фразеологической конструкции «*Blonds Gift*» – «*vasvasai малламуй*» – («*белокурая обольстительница*»), употребляется нулевой артикль, однако, если данная конструкция имеет функцию уточнения, то употребляется определённый артикль – «*Das blonde Gift*».

Далее рассмотрим глагольно-пропозициональные фразеологические единицы. В данных конструкциях ведущим являются глагольные категории числа, лица и времени.

В таджикском языке глагольная категория лица ограничивается третьим лицом единственного числа. Например, «*Набурда ранч ганч муяссар намешавад*» – «*то меҳнат накунӣ, роҳат намебинӣ*», «*бе меҳнат роҳат нест*» – («*Без труда не вынешь рыбку из пруда*»); «*Навбати лайлӣ гузашту навбати Маҷнун расид*» – «*даври каси дигар сар шуд*», «*гузаштани навбати касе ва сар шудани навбати каси дигар*» (Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳазираи тоҷик 1963: 1, 577) – («*либо одно либо другое*»).

В немецком языке также глагольная категория лица ограничивается третьим лицом единственного и множественного числа. При этом преобладает форма *singularia tantum* (глагольное лицо согласуется с подлежащим, выраженным единственным числом):

«*Er ist nicht von heute*». – «*Ў имрӯз ба дунё наомадааст, пухта аст*», «*ӯро гӯл зада намешавад*». - («*Он не сегодня родился*»). («*Он человек бывалый*», «*Его не проведёшь*»); «*Das ist die ganze Hexerei*» – «*ана, тамоми хирадмандиат ҳамин*», («*вот и вся премудрость*»); «*Das ist keine Hexerei*» – «*чандон сарбаста нест*», «*ақлаш ҳам расо не*» - («*нехитрая штука*», «*не велика премудрость*»); «*Sein Wille ist sein Himmelreich*» – «*хоҳишаи барои ӯ қонун аст*» - («*Его желание для него закон*»); «*Hanz hin sein*» – «*тамоман беҳол шудан*», «*бениҳоят хаста шудан*» - («*быть в полном изнеможении*», «*смертельно устать*»).

Следующие фразеологические конструкции немецкого языка: «*j-m zu tief ins Auge geschaut haben*»-- «дил бохтан» - («влюбиться в кого-либо»); «*Auf etw. Aus sein*» - «नियाти кореро анҷом додан», «кӯишиши чизе кардан» - («намереваться сделать что-либо», «стремиться к чему-либо»); «*J-m das Licht ausblasen*» – «ҷони касеро гирифтан» - («отправить кого-либо на тот свет»); «*Er ist darauf aus, ihn zu betrogen*». – «Ўро фиреб додан мехоҳад». - («Он хочет его обмануть»); «*J-m etw. in Aussicht stellen*» – «домани касеро бо чормағзи пуч пур кардан», «касеро ба чизе умедвор кардан», «ба касе пешниҳод кардан» (кор, вазифа) – («обнадёживать кого-либо чем-либо», «обещать кому-либо что-либо, предложить кому-либо») (работу, должность): «*Die Partei hatte dem Dr. Geyer ein reichstagsmandat in Aussicht gestellt*». – «Ҳизб ба Гайер ваколати депутатиро дар рейхстаг пешниҳод намуд». (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: стр 278). – («Партия предлагала Гейеру мандат депутата в рейхстаг») (Немецко-русский фразеологический словарь 1995: стр 278). включают зафиксированные в форме *singularia tantum* именные слова, влияющие на категорию числа глагола также в форме единственного числа – «*ist*», «*haben*».

В таджикском языке наблюдается аналогичное: «**Аз назари касе гузаронидан**» - увидеть что-то с чьей-то точки зрения – показать что-то кому-то, показать что-то кому-то, попросить его совета, согласия: «*Шоҳин саргузашти пурфоҷиаи худро дар эҷодиети гуногуни худ ва ҳатто дар ҳамон шеърҳое, ки ба номи амир, гӯе дар мадҳи ӯ навишта аз назари вай гузаронидааст, низ бошуурона акс кунонда, бо ин роҳ ҷавононро метарсонд, ки аз доми амир гурезанд*»(Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 1, 697). – («Свою трагическую историю Шахин написал в своих произведениях и даже в тех же стихах, написанных под псевдонимом Амир, как бы в его похвалу, чтобы повлиять на молодых людей и помочь им вырваться из ловушки эмира»); «**Ба тағи чизе санг бастан**»(Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 2, 150) –

в этом случае говорят, что работа не выполнена вовремя; опоздать, задержаться: «Подложишь камень под чайник?» ; *Касе, чизеро таги чаим карда мондан* – выбор кого-то, чего-либо; привлечь внимание к чему-либо раньше других: «Ин нозаниро кай таги чаим карда монда будед?»- (Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик 1963: 2, 152) – («Когда ты заметил эту девушку?»).

В приведённых выше глагольно-пропозициональных фразеологических конструкциях имена существительные и местоимения, согласуясь с глаголом, употребляются также в форме *singularia tantum*.

Таким образом, можно констатировать, что грамматические категории лица, числа в таджикском и немецком языках, будучи зафиксированными в структуре фразеологических единиц, являются важными элементами их грамматической структуры, которые позволяют соотносить лексические единицы и фразеологизмы в словарном составе двух языков.

Следовательно, в лингвистике проблема фразеологических сочетаний тесно связана с лексической системой языка, с многозначностью, которая обуславливает наличие в языке различных фразеологических единиц.

Необходимость выделения фразеологических конструкций в особый тип лексических значений также связана со спецификой семантических отношений между элементами данных конструкций.

Здесь нельзя не согласиться с В.В. Виноградовым, который рассматривал фразеологические значения как особый тип значения.

[Виноградов 1986: 78]. Логическое ядро фразеологической конструкции не является «рельефным», как оно представлено у лексических единиц. Оно также не вытекает из тех компонентов, которые образуют данное сочетание. Семантику фразеологических сочетаний можно рассматривать как «рассеянное», которое может распадаться на различные оттенки, которые связаны с конкретными фразеологическими сочетаниями [Виноградов 1986: 89]. Данная специфика фразеологических

конструкций была показана ученым на примере глагола русского языка «отрасти». Данное слово сочетается с ограниченным кругом слов, как: «волосы», «усы», «ногти». Поэтому при толковании фразеологических конструкций, включающих данное слово, необходимы сведения об ограничении на выбор именно этих объектов.

Следующее утверждение, согласно которому фразеологическое значение как особый вид лексического значения лишено «устойчивого понятийного ядра», характерного для лексических единиц в свободном значении, наряду с постулатом – что значение «способно дробиться на разные оттенки, которые связаны с определёнными фразеологическими сочетаниями, предполагает следующее решение [Телия 1995: 45].

Первое – попытка описать такие значения в их оттенках, исходя из исторического развития данной фразеологической конструкции. Такое решение предполагает рассматривать связанные конструкции как «организующий» компонент фразеологической конструкции. В подобных случаях переосмысление слова вытекает из его «былого употребления» и отходит к историческим сведениям, а выделение связанного значения происходит на базе фразеологических серий [Телия 1995: 45].

Таким образом, мотив переосмысления и формирования фразеологических конструкций как исторического фактора, как данность системы-значимостей, В.Н. Телия рассматривает как противоречие концепции «связанного значения» В.В. Виноградова [Телия 1995: 67], которое оказало последующее влияние на принципы и пути исследования фразеологически связанных значений.

Следует отметить, что в итоге такой тип синтагматичности, как связанное значение, долгое время оставалось вне поля зрения учёных-лексикологов, считающих данный тип сочетаемости компетенцией фразеологов. Фразеологи, в свою очередь, связанное значение рассматривали как один из узувальных констатирующих элементов фразеологического сочетания.

Придерживаясь фразеологической концепции В.В. Виноградова, В.Н. Телия отмечает, что она не нарушает внутренней логики фразеологизма. В.В. Виноградов рассматривал связанное значение в двух аспектах: синхронии и диахронии. При этом отмечает важность исторической ретроспективы. Именно она является самой главной при анализе внутриязыковых семантических закономерностей формирования связанных значений [Телия 1995: 78]. Для исследования фразеологических сочетаний в таком аспекте, продолжает В.Н. Телия, необходимо обратить внимание на номинативную специфику фразообразования, из которой выявляется признак воспроизводимости «в готовом виде» в той или иной степени устойчивости.

### **Выводы по первой главе**

Теоретический анализ научных источников, а также языкового материала позволяет заключить следующее.

1. Основными средствами выражения категории единичности, в частности, *singularia tantum* в таджикском и немецком языках являются: а) собирательные имена существительные, вещественные имена существительные, отвлечённые имена существительные, собственные имена существительные. б) многие из слов, в составе которых имеются суффиксы, выражающие *singularia tantum*, являются заимствованными в таджикском и немецком языках; с) субстантивированные прилагательные иногда относятся к средствам выражения категории *singularia tantum* в сопоставляемых языках; в) некоторые грамматические признаки глагола указывают на категорию единичности.

2. В таджикском языке, по сравнению с немецким языком, выявляются некоторые различия, проявляющиеся в способах выражения значения собирательности.

3. Для выражения собирательного значения иногда используется и категория *pluralia tantum* в немецком языке. Многие имена вещественные и отвлечённые могут обозначать единичность и

множественность. Грамматические формы числа влияют на лексические значения слов. Следовательно, форма числа выступает как средство грамматической дифференциации различных значений слов.

4. В форме множественного числа имена существительные вещественные выражают различные виды, типы и сорта называемых веществ. Некоторые существительные, обозначающие определённые сорта или марки, могут иметь форму множественного числа.

5. Имена отвлечённые, вещественные и собирательные в сравниваемых языках не сочетаются с именами числительными. Полярность числовых форм наблюдается нечасто. Противопоставление приводит к изменению лексического значения слов, употребляющихся либо в форме единственного числа, либо в форме множественного числа.

6. Собственные имена существительные употребляются главным образом в форме единственного числа.

7. Имена существительные в форме единственного числа в таджикском языке характеризуются следующими признаками: отсутствием соотнесённости форм единственного числа с реальной единичностью; дистрибутивным употреблением; обобщённо-собирательным значением.

8. В таджикском языке собирательные существительные имеют форму единственного числа, в то время как в немецком языке употребление имён существительных с «обобщённо-собирательным» значением возможно как в форме единственного, так и множественного числа.

9. Грамматическую категорию числа следует рассматривать не только как грамматическую, но и как лексико-грамматическую категорию.

## Глава II

### Функционально-грамматические средства выражения категории *Singularia Tantum* | *Pluralia Tantum* в таджикском и немецком языках

#### 2.1. Словообразовательные средства выражения категории единичности и множественности в таджикском и немецком языках

В науке о языке к грамматическим явлениям относятся единицы речи, среди которых основными являются слово, словосочетание и предложение, а также те средства, которые используются для воплощения, организации и дифференциации этих единиц – в той мере, в какой они служат именно этой цели.

Различаются между собой единицы грамматического строя языка по признакам двух видов – по характеру выражаемых ими значений и формально-функциональным особенностям (то есть с точки зрения формы выражения этих значений и их соотношения с формами выражения других грамматических значений).

Словообразовательная морфема является мельчайшим отрезком речевой цепи, с которым связано какое-либо особое грамматическое значение и который находится в фиксированных связях с другими морфемами.

Среди многообразных единиц языкового строя грамматические единицы характеризуются двумя особенностями. От большого числа единиц языкового строя они отграничиваются тем, что, имея ту или иную звуковую форму, обладают ещё и грамматическим значением, непосредственно связанным с этой формой. Этим они отличаются от таких единиц, как фонема, слог, речевой такт и т.д., которые служат для образования значимых единиц, но сами по себе не обладают значением.



Соотношение между грамматическими единицами весьма сложно. Они образуют единую систему, но эта система не однолинейна и не симметрична. На первый взгляд может показаться, что мы имеем здесь дело с рядом последовательно усложняющихся величин, причём каждая высшая составляется из того или иного числа низших: слово - из морфем, словосочетание - из слов, предложение - из словосочетаний. Более того, при крайнем проведении принципа нулевых форм такое положение действительно имеет место: минимальный состав слова – морфема + нулевая морфема; минимальный состав словосочетания – наличное слово + нулевое слово; минимальный состав предложения – наличное словосочетание + нулевое словосочетание, причём наличное словосочетание может состоять лишь из одного наличного слова [Адмони 2003: 89].

Таким образом, система грамматических единиц образуется путём скрещивания разнородных, хотя и связанных планов – плана обеспечения номинации и плана обеспечения коммуникации. В связи с этим такая система может быть представлена как однолинейное построение, в котором каждая высшая ступень по одному и тому же принципу надстраивается над каждой низшей ступенью и анализ которой может быть произведён на основе одного единственного критерия.

Далее рассмотрим понятие «грамматическое значение».

Грамматическое значение, будучи отвлечённым языковым значением, выражает формальные грамматические признаки. Как известно, слова обладают несколькими грамматическими значениями – граммами, которые, к примеру, репрезентируют значение предметности, одушевлённости / неодушевлённости. Самым общим и важным выступает общекатегориальное значение – предметность у существительных, количественность – у числительных, признак предмета – у прилагательных, действие – у глаголов.

Частные грамматические значения дополняются и конкретизируются категориальными значениями слов.

Формам *singularia tantum* и *pluralia tantum* также свойственна оппозиция: *pluralia tantum* характеризует регулярную соотнесённость с объективной множественностью, в частности в немецком языке. Следует отметить, что форма *pluralia tantum* характеризуется значительно большей семантической конкретизацией, чем форма *singularia tantum*, которой свойственно как соотношение с реальной действительностью, так и с её отсутствием.

*Singularia tantum*, будучи словоизменительной номинативной категорией, показывает, что предмет или лицо представлены в количестве, равном одному. Грамматическими средствами выражения единственного и множественного числа в системе разноструктурных языков выступают различные аффиксы, характерные для имён, употребляющихся либо только в единственном, либо только во множественном числе. Сюда также входят сложные слова, состав которых определяется сингулятивными компонентами.

Категория *singularia tantum* является характерной чертой имени существительного, так как для остальных частей речи категория числа является факультативной.

Более подробно рассмотрим словообразовательные средства выражения категории *singularia tantum* и *pluralia tantum* в таджикском и немецком языках.

Имя существительное в таджикском языке изменяется по числам. Множественное число является маркированной формой, что характеризует язык. Категория числа - один из главных морфологических признаков имени существительного, отличающий существительное от имени прилагательного. Форма единственного числа имеет нулевой показатель.

Известный учёный-таджиковед В.С. Расторгуева, изучая особенности таджикского языка, считает, что «в таджикском языке

именные части речи отличаются малой изменяемостью и полным отсутствием у них флективных форм. Помимо общности значения (все они обозначают предметы или признаки), они объединяются также общностью морфологических и синтаксических средств, используемых ими для выражения: 1) числа (суффиксы **-он** или **-ҳо**); 2) единичности или неопределенности (суффиксальный показатель **-е**); 3) связи слов в предложении (конструкция с изафетом **-и**, сочетание с предлогами и послелогоми). Однако эти средства не в одинаковой степени используются всеми словами, относящимися к категории именных частей речи. Этот факт (наряду с семантикой слов) служит основанием для выделения нескольких групп внутри общей категории частей речи» [Расторгуева 1964: 32].

Как указывают исследователи истории таджикского языка, уже в раннем таджикском литературном языке употреблялись арабские формы образования множественного числа, которые проникли в таджикский язык вместе с лексикой арабского языка.

В таджикском языке существительные, заимствованные из арабского языка, образуют множественное число путем внутренней флексии и суффиксов **-ом** (**-ĕт, -ат, ят**), **-ин** и «ломаного множественного»: «муаллим» - «der Lehrer» («учитель») - «муаллимин» - «*Lehrerschaft*» («учительство, «учителя»), «ахбор»- «*die Neuigkeit*» («новость») - «ахборот» - «новости». В современном таджикском языке «ломаное множественное» считается архаичным и употребляется крайне редко: «уламо» - «*Wissenschaftler*» («ученые»), «мударрис» - «*Lehrkräfte*» («преподаватели»). Суффиксы множественного числа **-ом, -вом, -ҷом** могут присоединиться также к некоторым словам иранского происхождения: «боғом» - «*Gärten*» («сады»), «деҳом» - «*Dörfer*» («деревни»), *навиштаҷом*—«*Einträge*» («записи»). Данные слова подверглись семантическим изменениям и уже

рассматриваются шире как собирательные существительные [Грамматика, с. 101].

Спецификой таджикского языка является употребление арабских заимствований, множественное число которых образованы внутренней флексией, например: «мактаб, «*die Schulle*» («школа») – «макотиб», «*die Schulle*» («школы»), «олим», «*Wissenschaftler*» («ученый») - «уламо» (ученые), «илм», «*Kenntnis*» («знание») – «улум» («знания»).

В старом дореволюционном таджикском языке в словах арабского происхождения сохранялись свои особые способы образования множественного числа: 1. Присоединение арабского суффикса множественного числа – **от**, а после гласного его вариантов (возникших уже на иранской почве), **-лот** и **-вот**: «калимот» – «слова», «хаёлот» – «мечты» и т.д. 2. Присоединение арабского суффикса **-ин** (только к именам, обозначающим лиц мужского пола): «муаллимин» – «учителя», «ҳозирин» - «присутствующие»; 3. Изменение внутри самой основы (внутренняя флексия), т.е. так называемое «ломаное» (разбитое) множественное число: «кутуб» – «книги», «уламо» - «ученые», «мадорис» - «школы» [Самадова, Шарипова 2014: 56с.].

В современном таджикском языке арабские формы множественного числа имеют ограниченное использование, причем в большинстве случаев они имеют тенденцию к лексикализации, т.е. к превращению в особую категорию производных слов. Слова с суффиксами **-от**, **-вот**, **-ҷот** используются преимущественно с собирательным значением: «ҳайвонот» – «животные», «сабзавот» – «овощи», «меваҷот» – «фрукты». Некоторые из них совершенно переосмыслились и стали использоваться в значении единственного числа: «ташкилот» - «организация», «ташвиҷот» – «агитация», «маълумот» - «сведение», «ҳашарот» – «насекомое». Множественное число от слов такого рода образуется с помощью суффикса **-ҳо**: «ташкилотҳо» – «организации», «маълумотҳо» – «сведения» и т.д. Арабские слова в форме ломаного множественного числа встречаются в

настоящее время ещё более редко, причем почти все они переосмыслены, например: «асбоб» (множественное число от «сабаб» - «причина») употребляется со значением «орудие», «атроф» (множественное число от «тараф» - «сторона») имеет значение «окрестности» и т.п. [Самадова, Шарипова 2014: 56].

Следует также отметить, что употребление морфем **-ҳо** и **-он** как показателей множественного числа существительных весьма отличается. Как отмечает Ш.Рустамов, «для языка классической литературы обычно отмечается дистрибуция этих показателей, основанная на противопоставлении имен одушевленных (множественное число на **-он**) и неодушевленных (множественное число на **-ҳо**). В современном таджикском языке **-ҳо** приобретает универсальный характер употребления, хотя наряду с ним функционирует суффикс **-он** (с его алломорфами **-ён, -гон, -вон**), выступающий, как правило, при именах одушевленных и при немногих именах неодушевленных [Рустамов 1972: 35].

Следует также заметить, что некоторые существительные в таджикском языке, принимая суффикс множественного числа **-ҳо**, обозначают:

1. Приблизительность, неопределенность направления, местопребывания: «Ман тарафҳои Хуҷанд рафтани ҳастам.» - «*Ich werde nach Chudschand fahren*» («Я еду в сторонуы Худжанда»).

2. Неопределенную длительность действия: «Ман бо модарам соатҳо сӯҳбат мекардам.» - «*Ich habe stundenlang mit meiner Mutter gesprochen*» («Я с мамой беседовал часами»).

3. Постоянное время действия: «Саҳарҳо мо ҳамроҳ маиқи поғиҳирузӣ мекардем.» - «*Am Morgen haben wir gemeinsam das Morgengymnastik gemacht*» («По утрам мы вместе делали утреннюю гимнастику»).

4. Приблизительное время действия: «*Охирҳои сол мо албатта во мехӯрем*». - «*Irgendwann am Ende des Jahres werden wir uns definitiv treffen*.» («Где-то в конце года мы обязательно встретимся»).

Существительные «баҳор»– «*Frühling*» («весна»), «тирамоҳ» – «*Herbst*» («осень»), употребляясь с суффиксом **-он**, обозначает весеннюю и осеннюю пору (значение множественности здесь теряется).

Важно заметить, что в таджикском языке основное значение формы множественного числа в таджикском языке - это обозначение множественности, противопоставляемой единичности: «*китоб*»,– «*das Buch*» («книга»); «*китобҳо*», – «*die Bücher*» («книги»); «*хонанда*», – «*der Schuler*» («ученик») «*хонандагон*», – «*die Schüllern*» («ученики») и т.д. Но, кроме этого, формы множественного числа могут передать и другие значения.

Формы множественного числа, образованных от употребляемых только в единственном числе собственных имен, используются также для обозначения определенного типа людей или же одной и той же фамилии: «*Маниловҳо*» («Маниловы»), «*Каримовҳо*» («Каримовы»), «*Ивановҳо*» («Ивановы») и др.

Для существительных, обозначающих множественное число, как было отмечено выше, в таджикском языке характерны словообразовательные суффиксы **-ҳо**, **-он** (**-ён**, **-вон**, **-гон**) и др. Например: таджикский суффикс **-ён** : «*дошишҷӯён*»- «*die Studenten*» - («студенты»); тадж: «*муҳарирон*» - «*die Autorschaft*» («редакторы»).

В таджикском языке:

«*Дар ин ҷо вай тарси рӯҳониёни маҳаллиро барои гектарҳои ваҳшиёна алайҳи хориҷиён ва вайронкорӣ дастгир кард*». – «*Hier holte sie die Angst vor der örtlichen Geistlichkeit ein, weil sie Hektar an Gräueltaten gegen Ausländer und Vandalismus hatte*». – («Здесь их настиг страх перед местным духовенством из-за их гектаров, зверство по отношению к иностранцам и вандализм»);

«Вай суханро дар болои ҷанги амир Музаффар бо кӯҳистониён овард, ӯ калламанораи аз сарҳои ҳисориён ва кулобиён сохтаи амирро ... нақл намуд» (Марғи Судхӯр А.С., саҳ 29. - «Eimal war die Rede von einem Krieg des Emirs Mussafar mit den **Bergvölkern**. Nach Rahimi-Kands Worten hatt der Emir ... aus dem Schädeln der **Einwohner von Hissor und Kulob** einen Turm bauen lassen» (S.A. Der Tod des Wucherers, Seite 33). – («Поговаривали, что Эмир Музафар собирается воевать с горцами. По словам Рахими-Канда, эмир... имел башню, построенную из черепов жителей Гиссара и Куляба»);

«Азизулло дар қатори навкарони галаботури амир дар ҷанги кӯҳистон ба тарафи ҳисориён ва кӯлобиён ҳуҷум овардааст» (Марғи Судхӯр А.С., 29). - «Asisullo nahm in den Reihen auserlesener Kämpfer des Emirs an den überfälligen auf **die Kulober und Hissorer** teil» (S.A. Der Tod des Wucherers, Seite 33) – («Азизулло принимал участие в рядах избранных эмира в назревших нападениях на кулябцев и гиссарцев»).

В данных предложениях существительные таджикского языка в форме множественного числа «рӯҳониён» («духовенство», «кӯҳистониён» («горцы»)) переведены на немецкий язык как «**Geistlichkeit**», «**Bergvölkern**».

Существительные «ҳисориён» ва «кулобиён» в бессмертном произведении С. Айни были переведены двумя способами: 1) как жители Гиссара и Куляба (города Таджикистана) - «**Einwohner von Hissor und Kulob**»; 2) как кулябцы и гиссарцы – «**die Kulober und Hissorer**», что тоже вполне допустимо.

Таджикские суффиксы **-ӣ**: «камбагалӣ» - «**die Armen**» («беднота»), «муаллимӣ» - «**Lehrerschaft**» («учительство»), «батракӣ» - «**Die Knechtsarbeit**» («батрачество»); «бенадарӣ» -» **die Vaterlosigkeit**» («безотцовщина»), - вода; «хонавода» - «**die Familie**» («семейство»), -айн «волидайн» - «**die Eltern**» («родители»), -ур(а): «агентура» - «**die Agentur**»

«профессура» - «Professur», «режиссура» - «Regie» образуют существительные с собирательной семантикой.

Следует заметить, что некоторые собирательные имена существительные, обозначающие множество предметов, не имеют в таджикском языке морфологических показателей, например, «оида» -

«die Familie» («семья»), «халқ» - «das Volk» («народ»), «лашкар» - «Armee» («войско»), «тӯда» - «Menge» («куча»), «пода» - «Herde» («стадо»), «мардум» - «die Leute» («люди») и др.

В таджикском языке значение особой единичности выражают в первую очередь характеризующиеся прежде всего специфическими образованиями имена существительные с суффиксом **-ак (-як)** обозначающие единичный предмет, выделенный из однородного вещества или совокупности таких же предметов.

Например: «нахӯд»-«Erbse» («горох»); «нахӯдак»-«Tupfen» («горошек»); «барф»,- «Schnee» («снег»); «барфак» -«Schneeflocke» («снежинка»); «чормағз»-«Walnuß» («орех»); - «чормағзак»- «Nuss» («орешек»); «сӯзан»- «Nadel» («игла») - «сӯзанак», «Nadel» («иголка») и др.

В немецком языке суффиксы **-ак (-як)** передаются словом «klein» уменьшительно-ласкательными суффиксами – **-chen** и **-lein**. Например:

«Аҷуза аз кисааш магар чангаки кӯҳнаву зангхӯрдаеро берун овард ва чолок ба **сӯрохаки** даре даровард» (Ю.Ахмадзода *Ишқи духтари кулаҳпуш саҳ*, 4). – «Dort zog sie einen alten, rostigen Haken aus der Tasche fuhr damit geschickt in **ein kleines Loch** in der Türe» – ( «Там он вытащил из кармана старый ржавый крючок и ловко вставил его в маленький замок маленькой дверцы»);

«Вай муддати дароз **чашмакони** хурдакакаширо барқ занонида ...; ризои фармонфармои ошхонаро мехост» (Ю.Ахмадзода *Ишқи духтари кулаҳпуш саҳ* 19). – «Solche und ähnliche Reden führte der Kleine, und es war



*wunderlich anzuschauen, wie es dabei aus seinen kleinen Äuglein hervorblitzte». – («Его глазки загорелись...; Он хотел одобрения начальника кухни»);*

«... *sagbачае ба назди Мук омад» (Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978 саҳ 12). – «... zupfte ihn eines der **Hundlein**». – («Щенок подошел к маленькому Муку»);*

«... *шӯрбо хӯрд ва каме хобиду боз баргаишт» (Ю.Ахмадзода Ииқи духтари кулаҳнӯш саҳ 11). « ... er hatte ein Süppchen verzehrt, ein kleines **Schlüfchen gemacht** und war jetzt wieder da». – («...поел суп, поспав какое-то время, вернулся назад»).*

В последнем примере на немецком «*ein kleines Schlüfchen gemacht*» переведено на таджикский язык как – «*каме хобид*», а слово «*ein Süppchen*» - как «*шӯрбо*» («суп»), хотя должно быть «*шӯрбоча*» («супчик»).

Приведем пример:

«Ачуза *тутаке* кӯчаку нуқрафом дар лаб ниҳод ва бо як мақоми махсуси гӯшхароше овоз дод... («Ю.Ахмадзода Ииқи духтари кулаҳнӯш саҳ 5). - «*Die Alte aber og ein silbernes Pfeifchen aus der Tasche und pfiff eine Weise darauf, die gellend durch das Haus tönte*». – («Но старуха достала из кармана маленькую серебряную трубку и насвистала мелодию, которая громко разнеслась по дому»);

«... *баъд асочаширо гирифт ...* («Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978 саҳ30). – « ... *ergriff sein Stäbchen ...*» - («схватил свою палочку для еды»).

«*Як бегоҳӣ Мук тасодуфан ба гӯшаи дури боги подшоҳӣ рафт, ки аз ин пеш онро надида буд. Нохост асочаи дастаи ларзид. Бегоҳӣ тасодуф вайро ба қисми дуртари боги қаср, ба ҷое, ки хело кам мерафт, бурд ва ногаҳон ҳис кард, ки асоча дар дастаи ба ҷунбиши даромад» (Ҳауф В. Афсонаҳо. тарҷ. Н. Шозедов, М. Раҳимова / В. Ҳауф. Д.: РТСУ, -2007 саҳ 61). – «*Abends führte ihn den Zufall in einen entlegenen Teil des Schloßgartens, den er wenig besuchte, und plötzlich fühlte er das Stäblein in seiner Hand**

*zucken...»). – («Вечером случай занес его в отдаленную часть замкового сада, куда он редко бывал, и вдруг он почувствовал, как палочка дернулась в его руке...»).*

Среди вышеприведённых примеров слово – «*асоча*» – «*палочка*» особенно привлекло наше внимание, так как на немецкий язык данное слово переведено как «*Stübchen*», так и «*Stäblein*». В последнем примере таджикский перевод Н. Шозедова более точен. «Единичным» суффиксам (суффиксам единичности) – *ак (-як)* посвящены работы отечественных лингвистов Азимовой М.Н. и Тагаевой Т.М. Исследование Азимовой М.Н. посвящено истории появления суффикса – *ак (-як)*, а также его омонимии. Согласно точке зрения автора, данный суффикс был продуктивным на протяжении всей истории развития таджикского языка [Азимова М. Н. автореферат канд. диссер. – Душанбе.1997.стр45]. Работа Тагаевой Т.М. посвящена функционированию данного суффикса в таджикском языке [Тагаева 1987: 23].

Существительным с семантикой особой единичности (сингулятивности) посвящены также работы на материале других языков. В частности, работа Трубициной И.А. «Общая характеристика имён существительных со значением единичности в современном русском языке». Проанализировав единичные имена существительные в современном русском языке, автор находит их выражение не только в соотнесённости с мотивирующими вещественными и собирательными субстантивами, но и в самой их словообразовательной структуре. При этом автор отмечает, что единичные имена существительные в системе русского языка представляют довольно малочисленную группу [Трубицина 1986: 89].

В таджикском языке следующие суффиксы образуют абстрактные существительные, имеющие только единственное число и обозначают единичность, например: *-ӯ (-гӯ)*: «*осонӯ*» - «*Einfachheit*» («*простота*»), «*далерӯ*» - «*Tapferkeit*» («*мужество*»), «*боугарӯ*» - «*Reichtum*» («*богатство*»), «*мардонагӯ*»- «*Mut*» («*смелость*»), «*нирӯ*» - «*Alter*»

(«старость»); **-гарӯ:** «одамгарӯ» - «*Menschlichkeit*» («человечность»), «хеишигарӯ» - «*Verwandschaft*» («родственность»), **-ии:** «ситоии» - «*Lob*» («восхваление»), «навозии» - «*Zuneigung*» («ласка»), «бориш» - «*regnerisch*» («дождливость»), **-ор:** «гуфтор» - «*Sprechen*» («говорение»), «рафтор» - «*Verhalten*» («поведение») и пр. [Грамматика тадж.с. 115-116]. На немецкий язык данные суффиксы передаются префиксами **-mono**, **-uni** или простыми словами: «*Monogamies*», «*Uniformität*», в составе данных имён в немецком языке, не выделяя компоненты единичности.

Наиболее распространённым суффиксом со значением абстрактности в таджикском языке является суффикс – **ӯ(-гӯ)**, а в немецком - суффикс **-schaft**.

Также сюда можно отнести антонимы – «яклухт» - «*Großhandel*» («оптом») и «чакана/яккафурӯшӣ» - «*Einzelhandel*» («в розницу»). Например:

"- Охир, шумо аз ман хоҳиш карда будед, ки тоқиҳотонро ба харидорҳои беруна бо нархи яккафурӯшӣ – бо нархи баланд фурӯхта диҳам. Албатта, дар фурӯши дона-дона ва бо нархи баланд инҳо ба зудӣ фурӯш намешаванд ва дер мемонанд» (Марги судхӯр А.С., саҳ 17-18). - «*Sie selber haben mich doch gebeten ihre Tjebetekas **stückweise** zu verkaufen. Aber einzeln werde ich sie so bald nicht absetzen*» (S.A. Der Tod des Wucherers. Seite 19) – («Вы сами просили меня продать и тюбетейки поштучно. Конечно, поштучная продажа и за такую цену требует время»).

В ходе анализа языкового материала были выявлены наиболее употребительные суффиксы, перечисленные выше, используемые при образовании отвлечённых (абстрактных) имён существительных, а также рассмотрены их малопродуктивные суффиксы, как: **-о:** «гармо» - «*Hitze*», («зной»), **-ос(-ас)** : «фишиос» - «*Zisch*», («шипение»), **-гонӣ:** «зиндагонӣ» - «*Leben*» («жизнь»), **-ам(-ям):** «модалият» - «*Modalität*» («модальность»).

В работе мы не выявили чёткого соответствия суффиксов при передаче с одного языка на другой, что объясняется ощутимым расхождением грамматической системы двух языков. В то же время было установлено, что при переводе отвлечённых имён существительных таджикского языка на немецкий язык чаще используются суффиксы - *schaft, -tion*.

При исследовании абстрактных и вещественных существительных таджикского языка мы выявили, что они будучи формами *singularia tantum*, иногда могут образовать формы множественного числа. Формы множественного числа в таких случаях характеризуются конкретностью (точнее: если абстрактные существительные приобретают конкретное значение, то они могут употребляться и во множественном числе). например: «шодӣ» («радость») - «шодиҳои нахустин» («первые радости»), «зебой» («красота») - «зебоиҳои табиат» - («красоты природы»), «баландӣ» («высота») - «баландиҳои кӯҳӣ» («горные высоты»).

Приведем пример: «Раҳими Қанд боре ба ман аз қаҳрамониҳои афсонавии одамони зинда ҳикоя кард» (Марги судхӯр А.С., сах 29). – «*Manchmal erzählte Rahimi-Kand von **Heldentaten** einiger Leute, die noch lebten*» (S.A. Der Tod des Wucherers; Seite 33). – («Рахими Канд однажды рассказал мне о легендарных подвигах ныне живущих людей»).

Формы множественного числа от вещественных существительных, имеющих только формы единственного числа, обозначают различные сорта и виды предметов: «шароб» («вино») - «шаробҳои тоҷикӣ» («таджикские вина»), «намак» («соль») - «намакҳои органикӣ» («органические соли»), «об» («вода») - «обҳои минералӣ» («минеральные воды»).

Множественное число существительных, которые обозначают явления природы, подчеркивают их интенсивность, повторяемость: «Зимистони дароз хунукиҳои сахт шуда гузаит» («*Всю зиму стояли сильные морозы*»).

В таджикском языке формы множественного числа от существительных, обозначающих временные оттенки (части суток, сезоны и др.), могут выступать со значением приблизительного, неопределенного множества, например: «пагоҳиҳо», «morgens» («по утрам»), «беғоҳиҳо» «abends» («вечерами»), «зимистонҳо» «im Winter», («зимами»), «тобистонҳо», «jeden Sommer», («каждое лето») [Мошеев 1991: 30].

В таджикском языке категория числа глагола тесно связана с категорией лица. Число глагола менее «выражено материально» (вербально), чем категория имён существительных, но менее абстрактно и менее формально, чем категория имён прилагательных.

Грамматическая категория числа глагола в таджикском языке носит опосредованный характер и выражается синтетически, то есть окончаниями. Например: «Вай мактуб менависад». – «*Er schreibt einen Brief*» – («он письмо пишет»); «ӯ теннисбозӣ мекунад». – «*Er spielt Tennis*», («он играет в теннис»). В данных предложениях окончания глагольных форм «менависад» «*schreibt*» («пишет»); «мекунад» «*spielt*» («играет»); указывают на 3-е лицо единственное число.

Глаголы с семантикой «одноактный способ действия» выражают действие, совершаемое один раз, и образуются при помощи суффикса – **ид**. Например: «парид» – «*gestartet*» («взлетел»); «пӯшид» – «*angezogen*» («оделся»); «нигарид» - «*angesehen*» («взглянул»); «часпид» - «*angeklebt*» («прилип»). В данных глагольных формах суффикс **-ид-** был присоединён к основе глагола со значением действия, расчленённого на множество однородных актов. Кроме того, данный суффикс может присоединяться к основам глагола со значением нерасчленённой длительности, протяжённости действия во времени, например, «тапид» («трепыхался»).

Рассматривая категорию числа местоимений, следует отметить, что данная категория является грамматической и не всем местоимениям присуща, а кроме того, категория числа проявляется в разных

местоимениях по-разному. Некоторые местоимения таджикского языка имеют форму только единственного числа, но при этом они могут обозначать и несколько предметов. Это следующие местоимения: личное «кӣ» («кто»), отрицательное «ҳеҷ кас» («никто»), неопределенное «касе» («кто-то»), «ягон кас» («кто-либо»), «касеро» («кого-либо»).

Неопределенное местоимение «касе» («кто-либо») указывает на конкретный, но неизвестный говорящему субъект. Данное местоимение означают единичный факт. Например: «Дар рӯзҳои наздик касе ба назди мо аз Кавказ меояд». – («В ближайшее время к нам из Кавказа кое-кто придет»).

«Вай рӯзи тамом дами тиреза нишаста, кафиҳоро пина мезад. Агар касе кафии наве мефармуд, медӯхт» (Ю.Ахмадзода *Ишки духтари кулахпуш сах* 2). – «*Er saß bei Tag an der Ecke der Straße und flickte Schuhe und Pantoffeln und machte wohl auch neue, wenn ihm **einer** welche anvertrauen*». – («Днем он сидел на углу улицы и чинил туфли и тапочки и, вероятно, шил новые, когда кто-то их ему доверял»).

«Аммо зуд модарашро андеша намуд. Охир касе сирри ин каллаҳоро донаду ба оламиён бирасонад, аҳволи модараш чӣ мешуда бошад» (Ю.Ахмадзода *Ишки духтари кулахпуш сах*, 7). «... *wenn **jemand** von diesen Menschenköpfen etwas erfahren würde, dachte er bei sich, da würde man gewiß meine Mutter dafür anklagen*». – («Он тут же подумал о своей матери. Если вдруг кто-нибудь узнает, какие у них мысли и донесет до других, что станет с его матерью?»).

Имена числительные своей категориально-грамматической семантикой уже передают значение числа. В таджикском языке имена числительные не употребляются во множественном числе, за исключением тех случаев, когда они выступают в роли имён существительных, передавая при этом значение неопределённого множества. Например:

«**чанд кас** даври аспи Қоришикамбаро гирифта, вайро ором нигоҳ дошта, Қориро аз болои зин ба рӯйи дастҳо бардошта, бар болои шаҳсуфаи сарҳавз гузоштанд» (Марги судхӯр А.С., сах 94). – «*Mehrere Männer umringten Kori-Ischkamba, beruhigten das Pferd, zogen den armen Reiter herunter und trugen ihn zu der hohen Sufa vor dem Haus*» (S.A. Der Tod des Wucherers. Seite 151) – («Несколько мужчин окружили Кори-Ишкамбу, успокоили лошадь, стащили бедного всадника и отнесли его на высокую суфу перед домом»).

В отличие от немецкого языка, в таджикском языке отсутствует показатель множественного числа имён существительных, употреблённых с числительными:

«Сартарош **чор даҳон гап** зада як бор покуро ба санг зада охир тегро мувофиқи табъаи тез кард ...» (Марги судхӯр А.С., 11). – «*Während dieser Unterhaltung strich der Meister alle drei, vier Worte mit dem Rasiermesser über den Wetzstein*» (S.A. Der Tod des Wucherers. Seite 9). – («Цирюльник произнес несколько фраз, один раз ударил по камню, а затем заточил лезвие по своему вкусу»).

«Ҳанӯз **дах қадам** дур нарафта, баногоҳ дидам, ки Қоришикамба ба сари дӯкони як чинифурӯш ...нишастааст» (Марги судхӯр А.С., 14). – «*Bevor ich noch zehn Schritt gegangen war, stieß ich auf Kori-Ischkamba*» (S.A. Der Tod des Wucherers. Seite 14). – («Сделав несколько шагов, я вдруг увидел Кори-Ишкамбу, сидящего в лавке продавца- фарфора»).

«Қоришикамба ҳанӯз **бист қадам** роҳ нарафта дар назди сарои сандуқ дар пеши дӯкони як сандуқфурӯш нишаст» (Марги судхӯр А.С.,сах 15). – «*Er ging keine zwanzig Schritte, dann setzte er sich wieder und gesellte sich dismal zu einem*» (Tod des Wucharest. Seite 17). – («Коришикамба не сделал еще и двадцати шагов и сел перед лавкой продавца сундуков»).

««Танбеҳи муқаррарӣ» - **бисту панҷ зарба** буд, ки падарам ҳамеша бо диққат ҳисоб мекард» (Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978сах 4). – «*Das Gewöhnliche aber waren fünfundzwanzig Hiebe, die er nur*

*allzurichtig aufzuzählen pflegte». – ( «Обычным наказанием» было двадцать пять ударов, которые мой отец всегда тщательно считал»).*

*«Шумо албатта барои ман як-ду дона тухм, қадре орду шароб ва чошние аз доруворро дарез нахоҳед дошт» (Ю.Ахмадзода Ишқи духтари кулаҳпуш саҳ 18). - «Was liegt an **einem Ei oder zweien** an ein wenig Sirup und Wein, an Mehl und Gewürze in einem Hause, wo man diesen genug hat?» sprach er». – ( «Какой смысл в яйце-другом, немного сиропа и вина, муке и специях в доме, где их достаточно?»).*

Однако категория числа, выражающая количественные отношения, существующие в реальной действительности и отражённые в сознании носителей определённого языка, имеет морфологическое выражение в соответствующих формах как таджикского, так и немецкого языка. При этом следует заметить, что категория числа, как отражающая количественные отношения между реальными предметами, присуща главным образом именам существительным.

Далее рассмотрим грамматические средства выражения *singularia tantum* и *pluralia tantum* в немецком языке.

*Pluralia tantum*, будучи словоизменительной номинативной грамматической категорией, показывает, что предмет или лицо представлены в большем количестве, чем один. Раздельная множественность – это основное значение формы *pluralia tantum*. Форме *pluralia tantum* свойственно также обобщённо-собирательное значение, которое указывает на совокупность предметов и лиц.

В словообразовательном плане имена существительные в немецком языке – достаточно многочисленная часть речи. Самым продуктивным способом образования новых слов данной части речи является суффиксация. Благодаря суффиксации в немецком языке можно образовать имена существительные от других частей речи. Суффиксальный способ – один из самых распространённых в немецком языке.



Суффиксами немецкого языка, характеризующими абстрактные имена, которые употребляются исключительно или преимущественно в форме *singularia tantum*, являются: **-tat, -heit – keit, -te, -ie, ische – liche, -e, -isch, -tion, -en, -schaft, -heit, -ung**. Приведем примеры:

*«Jahrzehnte später, beim Klassentreffen erinnern sich Frauen selten an die rhetorische **Gewandtheit, die Forschheit oder die Bereitschaft der Mitschülerinnen, eigene Interessen zu vertreten**».* (Ehrhardt, Ute. Gute). *Mädchen kommen in den Himmel, Boese ueberall hin*. - «Пас аз гузашти солҳо, дар вохӯрии ҳамсабақон, собиқ «ҳампартаҳо» гоҳо малакаи пештараи суҳанпардозӣ, исроркорӣ ва омода будани ҳамсабақонро ба хотир меоварданд, ки чӣ тавр то охир мавқеи худро истодагарӣ менамуданд.» – («На встречах выпускников годы спустя бывшие «соседки по парте» редко вспоминают бывшие риторические **навыки, напористость** или готовность одноклассниц **отстаивать** собственную позицию»).

*«Auch die **Häßlichkeit** erfordert mehrere unschickliche Teile, die wir ebenfalls auf einmal müssen übersehen können, wenn wir dabei das Gegenteil von dem empfinden sollen, was uns die **Schönheit** empfinden läßt».* (Lessing, Gotthold Ephraim. Laokoon oder Über die Grenzen der Malerei und Poesie, Seite 89). – «Барои он ки **таассуроти** зишт ҳосил шавад, як зумра қисмҳои номувофиқ лозим ва зуд қабул кардани он низ зарур аст; фақат дар он ҳолат таассуроте ҳосил мешавад, ки хилофи асари нафосату зебоӣ». – («Для того чтобы создалось **впечатление безобразного**, требуется ряд неподходящих частей, которые также надо воспринимать сразу; только тогда получается впечатление, противоположное тому, какое производит на нас **прекрасное**»).

*«Es tat mir nicht weh; das Gefühl, »ihr« helfen zu können, machte mich so glücklich, daß jede **Empfindlichkeit** ausgelöscht war».* (Meyrink, Gustav. Der Golem, Seite 90). – «Ман аз ин чиз наранҷидам, дарк кардани он ки бояд ба «ӯ» ёрӣ расонам, маро чунон сарафроз намуд, ки ҳама **ранҷу озор**

фаромӯш шуд». – («Меня это не задело – сознание, что я должен помочь ей», наполнило меня таким счастьем, что всякая **обидчивость** исчезла»).

«An diese Traditionen anzuknüpfen, sich auf die großen Vorbilder und deren Kampf für **die Befreiung** der Ausgebeuteten zu besinnen, ist eine wichtige Seite des Ringens aller demokratischen Kräfte in Westdeutschland» (Haak, Gerda, Kessler, Horst. Politik gegen die Kultur, Seite 34). – «Давом додани анъанаҳо, дарк кардани намунаҳои бузург ва муборизаи созандагони онҳо барои **озод кардани** истисморшавандагон, қисмати муҳимтарини талоши тамоми қувваҳои демократии Олмони Фарбӣ мебошад». – («Продолжение этих традиций, осмысление великих образцов и борьбы их создателей за **освобождение** эксплуатируемых - важнейшая часть усилий всех демократических сил Западной Германии»).

Общеизвестно, что категории числа и падежа являются собственно грамматическими (словоизменительными): имя существительное в немецком языке изменяется по числам и падежам. Важным типологическим отличием немецкого языка от таджикского языка является выражение множественного числа с помощью специальных аффиксов (формантов).

В немецком языке отдельность выражения граммом числа и падежа наглядно прослеживается в форме дательного падежа множественного числа: «*Nacht-e-n*». Данное расхождение было выявлено Л.Р. Зиндером и Т.В. Строевой в книге «Современный немецкий язык» [Зиндер, Строева, 1986: 56]. Приведем пример:

«Als ihm über der zweiten Portion Feigen einfiel, ob wohl seine **Ohr-en** nicht unter seinem großen Turban Platz hätten, damit er doch nicht gar zu lächerlich aussehe, fühlte er, daß seine **Ohr-en** verschwunden seien». - «Мук баъди дубора хӯрдани мева хост, ки **гӯшҳои дарози худро** ба зери салааш руст кунад, то ки ин хел хандаовар нанамояд ва ногаҳон бо ҳайрат пайҳас кард, ки **гӯшҳои дарозаш** нест шудаанд» (Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978саҳ 27). – («Когда после второй порции инжира

ему пришло в голову, не спрятаны ли его уши под большим тюрбаном, чтобы он не выглядел слишком нелепо, он почувствовал, что его уши исчезли»).

В таджикском языке, как было указано выше, основным способом образования формы множественного числа является присоединение к основе слова формообразовательного показателя - суффиксов. В редких случаях используются аналитический и супплетивный способы.

В немецком языке для образования формы множественного числа используется комплекс средств: суффиксы, внутренняя флексия (умлауты) и артикль.

Собирательные существительные образуются в немецком языке с помощью суффиксов *-heit*, *-urn*, *-turn*, *-schaft*, *-ei*, *-volk*, *-werk*, *-ling*, *-zeug*: «*Menschheit*», «*Freundschaft*», «*Bevölkerung*», «*Nahzeug*», «*Schuhwerk*», например:

*«Aber gerade die Entstehung des Kapitalismus ist auch durch kaum vorstellbare Grausamkeit und Brutalität gekennzeichnet, sie ist, wie Marx sagte, "in die Annalen der Menschheit eingeschrieben mit Zügen von Blut und Feuer". (Soder, Gunter. Studie zur rechtssozialistischen Ideology, Seite 67). – «Пайдоиши капитализм маҳз бо бераҳмиву дағали тавсиф меёбад, ки дар тасаввур намегунҷад; ба қавли Маркс он дар «...ёддоштҳои инсоният, ки бо забони шамиеру отаи аланга гирифтааст» сабт гардидааст». - («Но возникновение капитализма характеризовалось как раз жестокостью и грубостью, которые трудно представить себе; по словам Маркса, оно вписано «...в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня»).*

*«Er rüstete die Garde mit kürzeren Schwertern und stärkerem Schuhwerk aus, beschränkte die Zahl der Burschen und das Gepäck». (Flaubert, Gustave. Salambo, Seite 23). – «Ў сарбозонро бо шамиери нисбатан кӯтоҳтар ва пойафзоли баддошттар таъмин ва миқдори бору богочро маҳдуд намуд». – («Он снабдил гвардейцев более короткими мечами и более прочной обувью, ограничил количество клади и багажа»).*

*«Ich stelle mir ein Land vor mit einer abwechslungsreichen Topographie, Hügeln, Ebenen und Seenketten, mit einer gemischten **Bevölkerung** - dort leben Deutsche, Magyaren und Slowaken, die auch unterschiedliche Berufe ausüben».* (Freud, Sigmund. Einführung in die Psychoanalyse, Seite 45). – «Ман кишвареро бо рельефи ҳархела, талу теппаҳо, ҳамвориву қаторкулҳову аҳолии гуногун тасаввур мекунам, ки дар он олмониву маҷорӣ ва словакҳо зиста, корҳои гуногунро иҷро мекунанд». – («Я представляю себе страну с разнообразным рельефом, холмами, равнинами и цепочками озёр, со смешанным **населением** - там живут немцы, мадьяры и словаки, которые к тому же выполняют разные работы»).

В немецком языке при образовании собирательных имён существительных часто используется префикс **ge-**, который сопровождается суффиксом – **e**. При этом следует заметить, что у некоторых имён собирательных отсутствуют морфологические признаки собирательности, например, «das Vieh»:

*«Er hat vielleicht durchs Telephon anfragen lassen, um welche Zeit er am leichtesten vorkommen kann, er hat sich auf ein **Gedränge** von Hilfesuchenden gefaßt gemacht, etwa wie vor einer Filiale von Julius Meinl».* (Freud, Sigmund / Einführung in die Psychoanalyse, Seite 78). – «Эҳтимол, бо телефон пурсид, ки омаданаиш кай осонтар аст, ӯ омода буд, то одамонеро бубинад, ки дар назди шуъбаи Julius Meinl ба ёрӣ муҳтоҷ буданд». – («Возможно, он спросил по телефону, в какое время ему легче всего появиться, он готов был увидеть людей, ищущих помощи, как перед отделением Julius Meinl»).

*«Doch die Söldner betrachteten **das prächtige Vieh** geringschätzig von allen Seiten, und indem sie herabsetzten, was sie beehrten, boten sie für einen Widder den Preis einer Taube, für drei Ziegen so viel, wie ein Granatapfel wert war».* (Flaubert, Gustave. Salambo, 89). – «Аммо аскарон аз ҳар тараф ба чорвои бохашамат бо нафрат нигоҳ карда, баҳои кабутарро ба як қўчқор ва нархи анорро барои се бӯз пешниҳод карданд».» – («Но солдаты с

пренебрежением смотрели со всех сторон на великолепный **скот** и предлагали цену голубя за барана и цену граната за трёх козлов»).

Следующий способ образования существительных множественного числа в немецком языке – заимствование.

Самым продуктивным суффиксом оказывается здесь для существительных всех трёх родов суффикс **-s**: «*der Bestseller*» – «*die Bestsellers*», «*der Clip*» – «*die Clips*», «*die City*» – «*die Cities*», «*die Talkshow*» – «*die Talkshows*», «*das Foto*» – «*die Fotos*»:

«*Ich habe alle Fotos von meinem Computer gelöscht*». - Ман тамоми **суратхоро** аз компютарам нест кардам». – («Я удалил все фото с моего компьютера»).

Для существительных женского рода, заимствованных из французского языка, характерным оказывается суффикс **-(e)n**: «*die Annonce*» - «*die Annoncen*», «*die Boutique*» – «*die Boutiquen*», «*die Visage*» – «*die Visagen*».

Далее проанализируем местоимения в немецком языке, употребляющиеся только в форме единственного числа.

В немецком языке встречаются местоимения, которые в зависимости от лексического значения, имеют только форму единственного числа: «**jede**», «**jeder**», «**nichts**».

«*Ich besitze zwei Zellen, die ich Studenten der Medresse unter der Bedingung abgetreten habe, daß jeder Mieter täglich für zwei Personen Pilaw kocht ...*» (S.A. Der Tod des Wucherers. Seite 48). - «Ман ду хучра дорам, хар кадоми онхоро ба ду муллобачча ба хамин шарт додам, ки онхо хар рӯз як оши палави дукаса мепазанд...») (Марги судхӯр, С.Айни сах 39). - («У меня две худжры, которые я сдавал ученикам медресе при условии, что каждый из них раз в день будет готовит плов на двоих»).

Другие употребляются в форме множественного числа: «**viele**», «**beide**», «**einige**».

«*Alle sehen den König erstaunt an*» (Wilhelm Hauff. Der kleine Muck, Seite 45). – «**Ҳама** бо ҳайрат ба подшоҳ нигаристанд» (Мукча. тарҷ. Бобо

Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978 саҳ 28). – ( «*Все с изумлением посмотрели на короля*»).

«... *ich sah den Muck ... von meinem Vater begleitet, der ihn ehrerbietig an der Hand hielt und an der Türe unter **vielen** Bücklingen sich von ihm verabschiedete ...* надарам бо эҳтиром дасту ӯро ба даст гирифта, ҳар замон таъзим ва хайрухуш мекунад» (Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978 саҳ 4). – ( «*Я увидел Мука... в сопровождении моего отца, который почтительно держал его за руку и попрощался с ним у двери под множеством поклонов*»).

«*Muck sah **viele** Hunde und Katzen hineingehen*» (Wilhelm Hauff. Der kleine Muck, Seite 56). – «*Мук сагу гурбаи **бисъёреро** дид, ки зӯр зада ба дарун мебаромаданд*» (Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 19789). – («*Мук видел, как внутрь входило множество собак и кошек*»).

«*Die Gier **einiger Menschen** nach Geld und Macht ist unersättlich*». - «*Ҳасади **баъзе одамон** нисбати пулу қудрат зиёд аст*». – («*Некоторые люди жадны до денег и власти*»).

В зависимости от отношения к понятию количества, следующие местоимения в немецком языке имеют форму только единственного числа - singularia tantum: а) выражающие понятие единичности «**jede**», «**jeder**» – «**все**»;

б) выражающие понятие множественности: «**alle**», «**beide**», «**jeder**» – «**все**», «**оба**», «**каждый**»; в) нейтральные по отношению к числу: «**wann**», «**wo**», «**welcher**» – «**когда**», «**где**», «**какой**».

«*So groß übrigens die scheinbare Verwirrung meiner Gefühle auch sein mochte, das Ergebnis war eindeutig: ich bewahrte mir jede Zuneigung, um mich ihrer zu bedienen, **wann** es mir paßte*». Camus, Albert. Der Fall. Seite 45). – «*Дар эҳсосотам ҳар қадаре норӯшанӣ бошад ҳам, моҳияташ маълум буд: маҳбубаву дӯстонам бо ман буданд, то ҳар гоҳе зарурат пайдо шавад, аз муҳаббаташон бархӯрдор шавам*». – («*Какова бы ни была путаница в моих*

чувствах, суть их была ясна: я удерживал подле себя своих возлюбленных и друзей для того, чтобы пользоваться их любовью, когда мне вздумается»).

«*Im Lande braucht er keinen, und wann reist er schon ins Ausland? Dazu noch bei der Devisensperre!*» (Remarque, Erich Maria. *Liebe Deinen Nächsten*, Seite 78). – «*Ў дар ватан барояи даркор нест, ба хориҷа бошад, аҳёнан меравад*». – («*На родине он ему не нужен, ну а за границей он бывает довольно редко*»).

«*Es war noch da, es hielt sich an den Nägeln, die geblieben waren, es stand auf dem bandbreiten Rest der Fußböden, es war unter den Ansätzen der Ecken, wo es noch ein klein wenig Innenraum gab, zusammengekrochen.*» (Rilke, Rainer Maria. *Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge*. Seite 90). – «*Вай нарафт, ба мехҳои боқимонда часпида, ба кунҷҳои танги фариҷо паҳи кард, дар кунҷҳое, ки фазои қаблии ҳуҷраро посбонӣ мекарданд, каминҳо гузошт*». – («*Она не уходила, она цеплялась за уцелевшие гвозди, жалась к узким краям полов, устраивала засады в углах, стерегших бывшее комнатное пространство*»).

«*Man transportierte sie nach New York, wo sie von dem bekannten Hotel Lexington aus operierten.*» (Norden, Albert. *So werden Kriege gemacht*, Seite 45). – «*Онҳоро ба Нью-Йорк оварданд, он ҷо дар меҳмонхонаи маъруфи «Лексингтон» манзил гузида, ба қор шурӯъ карданд*». – («*Их перевезли в Нью-Йорк, где они и начали действовать, разместившись в пресловутой гостинице «Лексингтон»*»).

В немецком языке для существительных характерна определённость / неопределённость, выражающаяся оппозицией определённого и неопределённого артикля. Артикль в немецком языке выступает не только компонентом аналитической структуры, но также является средством репрезентации грамматической категории числа имён существительных. Он также выступает как флективно-аналитическое средство.

Следовательно, основными способами репрезентации числа в немецком языке выступают: а) система падежных окончаний

единственного и множественного числа, которые различаются типом склонения; б) имена существительные, которые представлены группами слов или единичными словами; в) акцентные различия.

В немецком языке средством репрезентации категории *singularia tantum* выступают также морфологические формы имён существительных.

Теоретический анализ научной литературы, а также исследование фактического языкового материала позволяет выделить следующие типы образования *singularia tantum* в немецком языке.

**Первый тип.** Сильное склонение имён существительных с нулевой флекцией в именительном, винительном и частично в дательном падежах. Материально выраженное окончание, как правило, присутствует в родительном падеже: - *es* и является факультативным в дательном падеже: - (*e*). В данную группу также входят существительные слабого склонения с нулевой флексией, при этом следует заметить, что роль нулевого окончания у данного типа существительных весьма незначительна. Нулевая флекция у большей части слов данного типа склонения в именительном падеже.

Например: «*Nur das eine quälte ihn brennend deutlich, daß der Professor, dieser Mensch, der nach so wenig aussah, das Buch ganz offen im Zimmer liegen hatte, als sei es für ihn eine tägliche Unterhaltung*» (Musil, Robert . *Die Verwirrungen des Zöglings Törleß*, Seite 90). – «*Танҳо як чиз ӯро ба таври сӯзандаю ошкоро азоб меодод, ки дар пеши муаллим, гӯё инсонӣ начандон пурнуфуз, китоби мазкур дар як ҷойи ба назар намоёни хона мехобид ва гӯё ӯ ҳамарӯза сар аз хонданаи барнамедошт*». – («*Одно лишь мучило его обжигаяюще явственно, что у учителя, человека такого невысокого, казалось, полёта, книга эта лежала на виду в комнате, словно была его повседневным чтением*»).

«*Der Mensch hat die Produktivkräfte entwickelt, und nur er kann die Produktionsverhältnisse ändern*». (Soder, Gunter. *Studie zur rechtssozialistischen Ideology*, Seite 45) – «*Ин кас қувваҳои истеҳсолиро*



қувват баҳшидааст ва танҳо  $\bar{y}$  аз  $\bar{y}\bar{x}$ даи тағйир додани муносибатҳои истеҳсолӣ баромада метавонаду халос». – («Человек развил производственные силы, и только он может изменить производственные отношения»).

*«Es war das erste Mal, daß ich mir ein Taxi leistete, und wenn je ein Mensch ein Taxi verdient hat, dann war ich es an diesem Abend».* (Böll, Heinrich. Ansichten eines Clowns, Seite 89). – «Дар ин муддат бори аввал буд, ки ба таксӣ менишастам ва агар рӯзе ҳам касе ба таксӣ гирифтаи сазовор бошад, пас ин одам ҳамон шаб ман будам». – «За это время я первый раз позволил себе взять такси: в тот вечер я заслуживал его больше, чем кто-либо другой».

*«Basil hatte immer gewusst, dass der intelligente junge König Peter kein so leicht zu manipulierender Narr war wie Frederick, und unglücklicherweise führte das jetzt zu Problemen».* (Anderson, Kevin. Der Sternenwald, Seite 23) – «Бэзил аллақай медонист, ки Петери зирақро ба монанди Фредерики қўтоҳандеш бозӣ дорондан осон нест ва мутаассифона ин нукта мушкилоти зиёде эҷод мекард». - («Бэзил уже знал, что умным Петером не так легко манипулировать, как весьма недалёким Фредериком – и это, к сожалению, создавало массу проблем»).

В остальных случаях выступает флексия – **(e)** в именительном падеже и – **(en)** во всех косвенных падежах. При этом следует заметить, что существительные женского рода с нулевым показателем представлены во всех падежах единственного числа.

**Второй тип** образует конъюнктив. Данная система характеризуется трёхчастностью, а именно: корень+показатель конъюнктива – **e** + окончание. Важно заметить, что морфемная структура слов в системе конъюнктива довольно сложная. Особенно в связи с тем, что показатель конъюнктива и окончания трудно различимы, в большей или меньшей степени сливаются – тем более что система конъюнктива существует лишь на базе системы индикатива. Так, например, в форме первого лица единственного числа конъюнктива

показатель – *e*, вещественно совпадающий с показателем той же формы индикатива, не всегда воспринимается как модальный показатель в чистом виде, а вместе с тем здесь едва ли можно уловить наличие нулевого показателя. Также следует заметить, что в трёхчастной форме второго лица единственного числа «*du bauest*», показатель – *e* – вещественно совпадает с факультативным – *e* -, иногда выступающим в более развёрнутом варианте индикатива, например: **(du) red-e-st**:

«*Ach was, meine Liebe, du redest lauter Unsinn!*» rief der Senator und warf sich sehr ungeduldig zurück». (Remarque, Erich Maria. Arc de Triomphe, Seite 12) – «Ох, чонакам ҳарза (сафсата) гуфтанро бас кун! – хитоб кард сенатор ва бесаброна ба роҳаткурсӣ худро партофт». – («Ах, перестань, душенька, чепуху молоть! - воскликнул сенатор и нетерпеливо залез в кресло»).

«*Ich sagte (Unsinn). Und wenn du weiter so redest, nehme ich das nächste Flugzeug*» (Bukowski, Charles. Das Liebesleben der Hyäne, Seite 34). - «Ман ҳарза (сафсата) гуфтам, агар ту ҳам ҳарзагӯиро бас накунӣ, бо тайёраи аввалин ба хона бармегардам». – («Я сказала чепуху, и если ты будешь продолжать в том же духе, я сажусь на первый же самолёт домой»).

Исходя из многозначности показателя – *e* – даже его употребление в третьем лице единственном числе конъюнктива (*er red-e*) может восприниматься не только как построение корень+показатель конъюнктива+нулевое окончание лица, но и как построение корень+показатель, дистаксически выражающее как наклонение, так и лицо и аналогичное структуре первого лица единственного числа:

«*Aber vielleicht rede ich mir das auch nur ein*» (Nietzsche, Friedrich. Der Fall Wagner, Seite 56) – «Шояд ман худамро бовар кунондам». – («А может быть, я сама себя убедил»).

## 2.2. Прономинальные средства выражения категории единичности

### В немецком языке

Данный параграф посвящён прономинальной форме *Es* в немецком языке в структуре безличных конструкций с семантикой «соматического состояния». Безличные предложения с местоимением *Es* получили в немецком языке широкое распространение, например:

«*Ich sitze in meinem Zimmer bei der Lampe; es ist ein wenig kalt, denn ich wage es nicht, den Ofen zu versuchen; was, wenn er rauchte und ich müßte wieder hinaus?»* (Rilke, Rainer Maria. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge, 67). – «Ман дар хучраам дар назди лампа нишастаам; каме сард аст ва ман гайрати ба бухорӣ отаи афрӯхтанро надорам. Рафту дубора дуд кунаду боз ба кӯча баромадан лозим ояд?» – («Я сижу у себя в комнате подле лампы; немного холодно, я не решаюсь затопить печь. Вдруг снова начнёт чадить и снова придётся бежать на улицу?»); «*Es ist mir sogar reinlich*» «Ким-чӣ хел хиҷолатовар аст». - («Даже как-то неловко»); «*Es ist mir schade*». — «Афсӯс мехӯрам». - («Мне жаль»); «*Es ist mir fast egal, weil es kaum etwas bedeuten würde*» — «Бароям қариб, ки тафовуте надорад, зеро Худо медонад, ки ягон аҳамияте дорад ё не». – («Мне почти безразлично, потому что это едва ли могло бы что-то значить»); «*Es ist mir schon über von ihm*». — «Ба ҷонам зад». – («Он меня достал»); «*Es ist mir ein Bedürfnis zu sagen*». — «Нагуфта наметавонам» («я не могу не сказать»).

Важно заметить, что в германистике существуют разные позиции не только относительно безличных конструкций, но и в отношении прономинальной формы *Es*, в частности. Наиболее распространённой является точка зрения, согласно которой форма *Es* семантически подлинно выступает лишь в контекстах, где она заменяет существительное или может быть заменено им, то есть является нейтральным местоимением среднего рода единственного числа.

«*Es (diese Veranstaltung) wurde erstmalig in Zusammenarbeit mit der BBC Steuerberatungs- und Treuhandgesellschaft AG (BBC) organisiert und durchgeführt und soll zugleich Auftakt einer Veranstaltungsreihe in München sein*». – («Это мероприятие было впервые организовано в сотрудничестве с

консультационным обществом «BBC Steuerberatungs- und Treuhandgesellschaft AG» (BBC) и стало своего рода открытием целого ряда запланированных **мероприятий** в Мюнхене»), (Мангеймский корпус немецкого языка, 2013).

В других случаях *Es* выступает как формальный элемент:

1) является коррелятом субъектных и объектных конструкций:

«- Nun, begann Plinio etwas verwundert, und noch klang etwas Kränkung und Mißtrauen in seiner Stimme mit, **es ist ja erfreulich**, wenn wenigstens einem von uns meine Erzählung Spaß gemacht hat». (Hesse, Hermann. Das Glasperlenspiel, 90). - «Хайр, чи илоч, - бо ҳайрат оғоз кард Плинио, ки дар лаҳнаи ранҷишу шубҳа эҳсос мегардид, мамнунам, ки ҳикояти ман ҳадди ақал як касро хушҳол намуд». – («Что ж, – начал Плинио несколько удивлённо, и в голосе его ещё слышались обида и недоверие, – рад, что хоть одного из нас мой рассказ развеселил»).

«Deshalb **ist es auch umso erfreulicher** zu sehen, dass aus anfänglich regionalen „MiMi-Projektstandorten“ mittlerweile eine nahezu bundesweite Bewegung zur Verbesserung der Gesundheitschancen von Migrantinnen und Migranten geworden ist». (Мангеймский корпус немецкого языка, 2013). – «Аз ин лиҳоз махсусан боиси хушҳолист, ки аз ибтидои амалинамоиш лоиҳаи «MiMi» дар маҳалҷойҳо тадриҷан ҳаракате пайдо шуд, ки қариб тамоми Олмонро фаро гирифт ва он имконоти муҳочиронро дар солим мондан болотар мебарад». – («Поэтому особенно приятно видеть, что из поначалу региональных мест проведения проекта «MiMi» постепенно возникло движение, охватывающее почти всю Германию, которое повышает шансы мигрантов быть и оставаться здоровыми»).

2) *Es* выступает в качестве тематического коррелята субъекта в тех случаях, когда субъект репрезентирует важную информацию:

«Als Alternative gibt es Signalgeräte wie z.B. Trillerpfeifen oder kleine Alarmgeräte: Damit können Sie Aufmerksamkeit herstellen und Täter/innen für eine erste Schrecksekunde stoppen». (Мангеймский корпус немецкого языка,

2013). – «*Хуштак ё дигар воситаҳои техникии сигнали изтироб доданро ҳамчун алтернатива ба кор бубаред. Шумо ба ҳамин восита метавонед таваҷҷуҳи роҳгузаронро ҷалб намуда, дар лаҳзаи ҳалқунанда авбоширо боз доред*». – («*В качестве альтернативы воспользуйтесь свистком или другими техническими средствами подачи сигналов тревоги. Так вы можете привлечь внимание прохожих и остановить хулигана в решающий момент*»).

3) В глагольных предложениях *Es* выступает как эксплетивный (вставной) элемент, главным образом после глаголов конкретных семантических групп: а) существование; б) чувственное восприятие; в) явления природы:

*«X muß in einem der gemeinsamen Punkte der beiden geometrischen Örter liegen; es gibt höchstens acht Punkte, welche der Aufgabe genügen»*. (Adler, August. Theorie der geometrischen Konstruktionen, 45). – «*Нуқтаи Х бояд бо яке аз нуқтаҳои буриши ҳар ду мавзеи геометрӣ мувофиқат кунад. На камтар аз ҳафт нуқтае мавҷуд аст, ки талаботи супориширо қонеъ мегардонад*». – («*Точка X должна совпадать с одной из точек пересечения обоих геометрических мест. Существует не больше восьми точек, удовлетворяющих требованиям задачи*»);

*«Aber es gibt got tlob einige Hotels in Paris, die es mit dem Anmelden nicht so genau nehmen»*. (Remarque, Erich Maria. Arc de Triomphe, 56). – «*Аммо, хушбахтона, дар Париж ҳанӯз якчанд шуъбҳое боқӣ мондааст, ки барои бақайдгирӣ махсусан исрор намекунанд*». – («*Но, к счастью, в Париже осталось ещё несколько отелей, где на регистрации особенно не настаивают*»);

*«Einhundertachtzig Kilometer lang fuhr das Auto durch irische Schulkinder hindurch, und obwohl es regnete, viele von ihnen barfuß waren, die meisten ärmlich gekleidet: fast alle schienen fröhlich zu sein»*. (Böll, Heinrich. Irisches Tagebuch, 67). – «*Мошини мо дар байни анбӯҳи мактаббачагони ирландӣ яксаду ҳашиод километрро тай намуд ва гарчанде борон мерехт, бо вучуди он ки аксарият побараҳнаву қисмати беиштар либоси хуб*

надоштанд, қиёфаи ҳама қариб як хел – хушҳол буд». – («Сто восемьдесят километров проехала наша машина сквозь поток ирландских школьников, и, хотя лил дождь, хотя многие были разуты и большинство бедно одеты, вид почти у всех был весёлый»);

«*Es riecht nach Tau, und Hyazinthenduft weht über die Mauer herüber*». (Meyrink, Gustav. *Der Golem*, 90). – «Бӯйи шабнам меомад, аз деворҳо нақхати сунбул паҳн мешуд». – («Пахнет росой, из-за стены веет ароматом гиацинтов»);

«*Wenn es nach irgend etwas riechen könnte, dann nach Knoblauch aus dem Restaurant unten*» (Remarque, Erich Maria. *Die Nacht von Lissabon*, 34). – «Агар бӯйи чизе ҳам мебуд, пас фақат бӯйи сирпиёз буд, ки аз поён – аз тарабхона меомад». – («Если чем и может пахнуть, так только чесноком снизу, из ресторана»).

На наш взгляд, значительный интерес представляет семантико-синтаксический статус прономинальной формы *Es* в безличных конструкциях, так как данная проблема не является исчерпанной в немецком языке, хотя ей посвящено немало исследований [Bußmann 1990; Helbig 1994; Polenz 1988].

В немецком языке выделяют следующие подходы к статусу *Es* в безличных конструкциях:

1. Прономинальное местоимение *Es* в безличных конструкциях, когда отсутствует грамматический субъект (подлежащее) или при отсутствии семантического субъекта, выступает как формальная частица, лишённая семантики: «*Es friert mich*». – «Ман хунук мехӯрам». – («Я замерзаю»).

Данной позиции придерживается С.М. Кибардина. Согласно её точке зрения, прономинальное местоимение *Es* в подобных конструкциях выступает в качестве формального элемента, как средство актуального членения и служит рематизации субъекта. При этом субъект (тема) имеет форму косвенного падежа – *mich* [Кибардина 1986: 78]. Эту точку зрения поддерживает У. Энгель – сторонник теории валентности. У. Энгель

рассматривает *Es* как интегральную составную часть глагола [Энгель 1986: 180]. Следует заметить, что многие германисты рассматривают форму *Es* как лишнюю (избыточную) в немецком языке, так как в некоторых контекстах она препятствует пониманию содержания предложения [Agel 1993: 106].

2. Согласно следующему подходу, в некоторых конструкциях *Es*, как эксплетивная безличная форма, выступает грамматическим субъектом, выполняя синтаксическую и морфологическую функции. Х. Пауль отмечает, что в подобных конструкциях нельзя рассматривать прономинальное *Es* как что-то определённое [Пауль 1986: 47]. В предложениях типа: «*Es hungert*». – «*Vai gurugna ast*». – («Он голодает»); («она голодает»), продолжает автор, форма *Es* не несёт никакой смысловой нагрузки и такие предложения являются одночленными [Пауль 1986: 56]. Оспаривая эту позицию, Р. Полезн считает, что безличный глагол требует в предложениях такого типа пресуппозицию, то есть домысливания ситуации [Полезн 1970: 56]. Иная точка зрения у Г. Хельбига и Й. Буша относительно статуса *Es*. Местоимение *Es*, как отмечают авторы, является коррелятом существительного (логическим субъектом) в безличных предложениях с семантикой «соматическое состояние» или как формальный субъект.

А.В. Бондарко, В.М. Павлов, В.Г. Адмони рассматривают форму *Es* как грамматический субъект (подлежащее), имеющий статус компонента (актанта), то есть является источником репрезентации «соматических ощущений» [Бондарко 1996; Павлов 1992; Адмони 1986]. Придерживаясь данной точки зрения, мы также рассматриваем прономинальное местоимение *Es* как грамматический и семантический субъект.

Безличные конструкции в немецком языке обладают следующей спецификой: спрягаемая форма глагола «*sein*», «*werden*» + предикативное прилагательное. В данных конструкциях безличное *Es* является десемантизированным субъектом и при инверсии может быть опущено:

«*Es ist mir schade*». – «*Afсӯс мехӯрам*». - («*Мне жаль*»). Следующая особенность безличных конструкций – безличный финитный глагол или личный глагол с «безличной семантикой» в форме третьего лица единственного числа + подлежащее в форме *Es*, которое также может быть опущено при изменении порядка слов: «*Es fröstelt mich*». – «*Хунук мехӯрам*». – («*Мёрзну*»). – *Mich fröstelt es*.

Лексические единицы со значением «соматическое состояние» в безличных предложениях имеют форму датива и аккузатива: «*Mich friert es, wenn du so redest, sagte sie*». – «*Вақте ки ту чунин ҳарф мезанӣ, маро раъша фаро мегирад*». - «*Меня бросает в дрожь, когда ты так говоришь*».

Категория безличности в немецком языке, будучи структурно-синтаксическим явлением, тесно связана с категорией лица. В таких предложениях подлежащее может быть опущено, когда основную позицию занимает дополнение в форме датива или аккузатива, а прономинальное *Es* элиминировано. При этом семантический субъект присутствует. Исходя из данного положения, безличные предложения необходимо рассматривать при анализе функционально-семантических полей субъективности, либо при исследовании семантических категорий.

Следует заметить, что некоторые исследователи считают понятие «безличность» - условным, неточным, так как в односоставных предложениях «полной безличности в сказуемом нет. <...> Лицо как основная часть языковой мысли, свойственно ей по самой её природе» [Пешковский 1970: 56]. Следовательно, безличность – метафорическое понятие. Если вдуматься в семантику глагола, можно открыть «следы лица» [Пешковский 1970: 59]. Данная трактовка А.М. Пешковского может быть использована относительно других языков, например, в немецком языке: «*Mich friert*». – «*Ман хунук мехӯрам*». – («*Я замерзаю*»).

Таким образом, понятие «безличность» в приведённых выше предложениях является некорректным. Данные конструкции следует рассматривать как имплицитно-личные [Бисман 1988: 205].



Семантико-функциональная специфика безличных конструкций зависит от характера субъектно-объектных связей, которые происходят через безличный предикат, а также от предикативного признака с логическим и семантическим субъектом. Предикативным признаком, то есть семантическим субъектом, является тот, кто совершает сознательно или несознательно действие [Бондарко 1996: 222].

В безличных конструкциях немецкого языка с семантикой «соматическое состояние» имеется особый вид агенса – *EL*, который в подлежащих конструкциях выражается местоимением *Es*.

Понятие «субъект и подлежащее» связано с понятием «носитель предикативного признака», который включает подлежащее + синтаксические единицы, которые выполняют функцию преуцируемого компонента в структуре предложения [Бондарко 1992: 29].

В немецком языке «носитель предикативного признака» в безличных предложениях выражается следующим образом:

1) как отдельная словоформа (дискретная словоформа). В конструкциях такого типа – подлежащее выступает главным компонентом: «*Der Schnee fiel jetzt auch auf sein Gesicht, auf seine Augen und seinen Mund, aber er schmolz nicht*». (Remarque, Erich Maria. *Drei Kameraden*, 56). – «Акнун барф ба руяш, ба чашму лабонаш мерехт, вале об намешуд». – («*Теперь снег падал и на его лицо, на глаза и губы, но не таял*»).

2) Форма предиката при опущении подлежащего (элиминации подлежащего): «*Sie rührte sich und sah ihn an*». (Remarque, Erich Maria. *Liebe Deinen Nächsten*, 34). – «*Вай ларзид ва ба у нигарист*». – («*Она вздрогнула и посмотрела на него*»).

Как показал анализ языкового материала, «носитель предикативного признака» (НПП) обладает полевой структурой, ядром которого выступает подлежащее.

Каждый НПП выполняет две функции – структурную и семантическую. Структурная функция – роль, выполняемая данной

единицей (подлежащим) в формировании предикативных отношений. Семантическую функцию НПП выполняет содержательный элемент с предикативным признаком [Бондарко 1992: 30].

Главный фактор, который определяет, какой из компонентов в структуре предложения выступает в качестве семантического субъекта, а какой в качестве семантического объекта, согласно точке зрения А.В. Бондарко, - это реализация в речи реальной действительности – кем совершается действие, что или кто является объектом, испытывающим действие [Бондарко 1992: 33]. Например, *демиагенс*, который обозначает части тела или орган, подвергающийся воздействию соматического состояния и, будучи его источником, сочетает не только субъектную семантику, но и объектную, например: «*Ihre Beine schmerzten in hochhackigen Schuhen*». – «Пойхояи даруни туфлиҳое, ки пошнаи баланд доштанд, ба дард омада буд». - («У неё болели ноги в туфлях на высоких каблуках»).

В данной конструкции «ноги» – выступают источником боли, несмотря на очевидность субъектности, сами «ноги» – место локализации болевых ощущений. Демиагенсом чаще всего выступают те актаны, которые имеют посессивные свойства – притяжательные местоимения или датив принадлежности. Так, в следующем предложении: «*Wenn Ihr Kopf wehtut, nehmen Sie Ihre Medizin*». – «Агар саратон дард кунад, дору истеъмол кунед». - («Если голова болит, принимайте лекарство»). Лексема «*Kopf*» – «голова» выступает объектом воздействия соматического состояния (боли), распространяющейся с определённого органа на всего «человека». Такие соматизмы, как «*Kopf*», «*Haut*», «*Augen*», выполняют роль семантического демиагенса: «... *traten ihm die Tränen in die Augen und er ging traurend die Straße hinab...*» (Н.М., 167).- «Яков бо чаимони пурашк тани худро кашон-кашон аз бозор берун шуд» («Ю.А, 11). - («Яков с пухлыми глазами вытащил свое тело-кинжал с рынка»).

В безличных конструкциях при наличии процессуального предиката семантическим и структурным субъектом выступает человек: «*Sie saßen vor dem Kamin, er machte ein Feuer, weil beide zitterten*». – «Онҳо ҳар ду назди отаидони деворӣ нишаста буданд, зеро аз сардӣ меларзиданд». – «Они сидели перед камином, он разводил огонь, потому что оба дрожали».

В предложениях, состоящих из копулятивных (связочных) глаголов и адъективных предикатов со значением «соматическое состояние», основным компонентом выступает личный объект в форме датива, управляемый подлежащим: «*Fühlen Sie sich hinterher schlecht, wenn Sie hilfsbereit gewesen sind, dann sind Sie in eine Falle geraten!*» (Ehrhardt, Ute. Gute Maedchen kommen in den Himmel, Boese ueberall hin, 78). – «Рафту «кори хуб»-е карда бошед ва ё ба касе кӯмак кардеду худро нороҳат, бад ё монанди инҳо ҳис мекунед, пас шумо дар дом гирифтор гирифтор шудаед!» -( «Если вы, совершив «доброе дело» или оказав кому-то помощь, чувствуете себя неуютно, плохо и т.д., значит, вы попали в ловушку!»).

«*Es war eine Frage der Einstellung, wie beim Boxen - wenn man nicht mit dem Bewußtsein ranging, daß man ihnen etwas schuldig war, gehörte man da oben nicht hin*». (Meyrink, Gustav. Der Golem, 56). – «Ҳамин ки ба зинаи голибон қадам задед, бояд худро гунаҳкор ҳисобед, гӯё ки аз онҳо қарздор бошед, вагарна ин ҷойи ту нест».- )«Как будто залазишь на призовой ринг: надо чувствовать, что должен им что-то, иначе тебе тут не место»)). В последнем предложении подлежащим выступает прономинальное *Es*, которое, будучи формальным элементом, не является семантическим субъектом.

Согласно точке зрения В.М. Павлова, специфика субъектно-предикативных отношений в безличных конструкциях заключается в том, что семантика слов и их грамматические формы характеризуют безличные предикаты, как слово с денотатом «состояния» [Павлов 1988: 78]. В подобных конструкциях, отмечает В.М. Павлов, динамика

действия отсутствует. Безличные предикативные конструкции, включающие глагол «werden» с семантикой «изменение состояния», требуют субъект, совершающий действие, - прономинальную форму *Es*. Следовательно, *Es* выступает не только как синтаксический НПП, но и как семантический:

*«Wegen der Verringerung der Mannschaft mußte die Zahl der Posten auf den Mauern reduziert werden, und es wurden verschiedene Möglichkeiten ausprobiert, um mit geringeren Kräften einen fast ebenso effizienten Sicherheitsdienst zu garantieren».* (Белль, Генрих. Глазами клоуна, 56). – «Бо сабаби ихтисор кардани ҳайати шахсӣ зарур шуд, ки ҷойҳои навбатдорӣ тақсим карда шавад ва ҳама қорҳои имконпазир анҷом дода шуданд, то ки ба қувваи камтаре муҳофизати боэътимоде мисли пешин таъмин гардад». – («Из-за сокращения личного состава пришлось разредить караульные посты, и делалось всё возможное, чтобы меньшими силами обеспечить почти такую же надёжную охрану, как и прежде»);

*Vorwürfe nützen ja nicht viel, besonders wenn man ihre Ursachen in ihrer ganzen Bedeutung nicht begreiflich machen kann, aber gesagt müsse es doch werden, wieviel Kluge seiner Sache durch das Verhalten gegenüber dem Kanzleidirektor geschadet habe».* (Kafka, Franz. Der Prozess, 89). – «Албатта сарзаниши ба манфиат нахоҳад буд, хусусан агар ба одам фаҳмонда навашад, ки ба чӣ хотир маломат шудааст ва ба чӣ ҷурм ӯро муттаҳам мекунанд. Аммо ба ҳар ҳол гуфтан зарур аст, ки Клуге қорро ба манфиати онҳое ниҳоят бад кард, ки дар назди директори конселярия чунин муносибат карданд». – («Конечно, упрёки никому на пользу не идут, особенно если нельзя человеку растолковать, за что его упрекают и в чём винят, но всё-таки следует сказать, что Клуге чрезвычайно навредил делу тем, как он вёл себя при директоре канцелярии»).

Особого внимания требуют синтаксические конструкции с прономинальной формой *Es*: «*Unerwartetes Mitleid erfaßt mich; für Knopf und für mich*». (Remarque, Erich Maria. Der schwarze Obelisk, S 90). –

«Дилсӯзи гайришхтиёрӣ ҳам ба Кнопф ва ҳам ба худам пайдо шудааст». - («Мной овладевает неожиданная жалость и к Кнопфу и к себе»).

«*Wie Berge lastete es auf meinem Leben, und dennoch riß mich's fort!*» (Flaubert, Gustave. *Клуге Salambo*, 78). - «Аниқ аст, ки кӯҳҳо фишорам меоранд, аммо ба ҳар ҳол чизе ба дуриҳо мекашад!» - («Точно горы давили меня, и всё же что-то влекло меня вдаль!»).

«*So, wie es mir Herz und Vernunft vorschreiben*». (Hesse, Hermann. *Das Glasperlenspiel*, 67). – «Инак, ман ба фармони дилу ақлам». - («Так, как мне велят сердце и разум»).

Согласно точке зрения И.В. Царьковой и Г.А. Золотовой, данные конструкции нельзя рассматривать как «бесподлежащие», так как «*mir*» и «*mich*» в форме датива и аккузатива выполняют функцию субъекта-подлежащего [Золотова 1987; Царькова 1982].

Общеизвестно, что безличные конструкции свойственны всем индоевропейским языкам, за исключением бесподлежащих предложений, свойственных славянским языкам и немецкому, в частности, где субъектом-подлежащим выступает прономинальное местоимение *Es*, которое обладает не только семантическим, но и структурным аспектом [Duden. *Deutsches Universalwörterbuch A-Z*. Mannheim-Leipzig-WienZürich: Dudenverlag, 1996.: 996].

Наша позиция здесь несколько расходится с точкой зрения Г.А. Золотовой и И.В. Царьковой, которые отмечают, что прономинальное *Es* можно рассматривать как «семантически подлинный», если он имеет форму среднего рода единственного числа. Мы придерживаемся концепции В.Г. Адмони. Согласно автору, *Es* обладает полевой структурой особого типа. В отличие от «классического» поля, для которого характерно ядро и периферия, данное поле обладает двумя полюсами, между которыми располагаются все остальные конститuentы поля. В результате они становятся не периферийными, а промежуточными.

Исходя из множества функций, характеризующихся определённой упорядоченностью, В.Г. Адмони считает прономинальное местоимение *Es* категорией, имеющей в одном из своих полюсов форму личного местоимения третьего лица единственного числа с обобщённым значением. В данном направлении «крайним» случаем употребления формы *Es* является десемантизация, то есть *Es* занимает «пустое место» [Адмони 1986: 81]. Иными словами, происходит процесс «убивания» семантической формы *Es*.

Анализ языкового материала позволяет констатировать, что в безличных конструкциях со значением «соматическое состояние» прономинальная форма *Es* утратила такое свойство, как дейктичность – наличие отсылки к определённому речевому высказыванию. Сохранились такие признаки, как: неопределённость, интродуктивность – слабая определённость.

Несмотря на утрату некоторых местоименных характеристик, не следует рассматривать *Es* как десемантизированный компонент, так как им сохранены свойства имени. Мы имеем дело с вторичной номинацией в форме семантической транспозиции. В таких безличных конструкциях форма *Es* в какой-то степени сближается с существительным – приобретает предметную соотнесённость, или так называемую денотативность. Денотатом является источник, который находится вне или внутри организма человека, способствующий появлению «соматического состояния».

Проведённое нами исследование семантико-стилистической специфики безличных предложений с семантикой «соматическое состояние» позволяет заключить, что предложения типа «*Es friert mich*» являются безличными лишь условно, так как номинативный признак свойственен прономинальной форме *Es*, выполняющей функцию подлежащего в синтаксическом плане и выступающей семантическим объектом.

Исходя из концепции В.Г. Адмони, - *Es* обладает полевой структурой, сохранив свой именной статус. В качестве формального элемента прономинальное местоимение *Es* выступает лишь в конструкциях: «*wird mir kalt* или *es überläuft einen kalt*». В данных предложениях элемент *Es* полностью десемантизирован.

Как было отмечено выше, прономинальное местоимение *Es* свойственно немецкому языку и не свойственно таджикскому языку. Однако на материале таджикского языка нами была выявлена транспозиция прономинальных слов в безличных конструкциях.

Рассмотрим транспозицию прономинальных слов в безличных конструкциях таджикского языка.

Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал позволил выделить следующие транспозиции прономинальных слов в структуре безличных предложений.

Транспозиция происходит внутри грамматического разряда с одинаковой семантикой. Сюда мы включили вопросительно-относительные местоимения – «*чӣ тавр*», «*чӣ хел*», «*чӣ гуна*» – («какой») – «каково»: «*Нақшаҳои шумо чи хел?*» – («Каковы ваши планы?»); «*Шумо чӣ гуна ниятҳо доред?*» («Каковы ваши намерения?»), употребленными в безличных предложениях: 1. Безличные конструкции, включающие вопросительно-относительное местоимение «*чӣ тавр*» – («как»); 2. Безличные предложения с указательным местоимением «*ҳамин хел*», «*ҳамин гуна*», «*чунин*» – («таков»): «*Ба мо ҳамин хел одам лозим аст*». – («Нам такой человек нужен»).

В безличных конструкциях прономинальное сочетание «*чӣ тавр*» – «каково» выступает в качестве главного члена предложения и приобретает семантику «состояния человека»: «*Ҳеч чиз не, аҳволат чӣ тавр аст? – гуфт Ёдгор*». (С. Айнӣ. Дохунда, сах45). – («Ничего, как самочувствие? – сказал Ёдгор»).

Следующая транспозиция затрагивает семантические и грамматические разряды местоимений-наречий: «*вақте*», «*замоне*» –» *когда-то*»: *Вақте ки тулӯи субҳи азрақ бошад,*

*Бояд ба кафат ҷоми мураввақ бошад.*

*Гӯянд ба ҳама ҳол, ки май ҳақ бошад.*

*З-аввали рӯз то ба вақти завол*

*Гӯр мерафту шер дар дунбол.*

*Когда рассветный рассвет,*

*Должен быть в форме Кубка Мура.*

*Все говорят, что может быть правдой.*

*Z-начало дня до времени падения*

*Шел по могиле и следовал за Львом* (Фарҳанги забони тоҷикӣ: 1.саҳ 231).

### 2.3. Функциональные (синтаксические) средства выражения

#### категории единичности и множественности в сопоставляемых языках

В таджикском языке имена существительные выполняют в предложении функции всех членов предложения.

Наиболее распространённым способом синтаксического сочетания имени существительного являются изафетные конструкции, где существительные выступают не только в качестве определяемого слова, но и в роли определения. Например:

*«Сукути шаб комилан фаро мерасид. Садое аз атроф дигар барнамеомад ҷуз зузаи сағони велгард, ки гоҳ-гоҳе аз дур шунида мешуд. Дигар бороне намеборид ва раъду барқе низ барнамехост. Танҳо **торикии** гунг майле ба равшанӣ дошт. ... Шояд дар орзуи моҳе буданд, ки аз лобалои **абри сентябр** тасмими бурун омаданро дошт»* (Ю. Аҳмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, саҳ 129). – («Настой ночи полностью наступил. Звук из окружающей среды не возникал, кроме зузы собак велгарда, которую иногда можно было услышать издалека. И не будет дождя, и не будет



грома.. Только тупая тьма имела склонность к свету.. ... Возможно, мечтали о Луне, которая приняла решение приехать в Буруне из лобало облака сентабр»).

*«Баъди воқеаи дафтари муқовааи чармии қаҳваранг ва акси ягонаи ӯ, бечора, Бехзод гоҳе ҳафтаҳо наменамуд. Агар менамуд, саломаш аз дур буд»* (Ю. Ахмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, сах 129). – («После того, как его титульный офис был из коричневой кожи и его единственная фотография, бедный, Бехзод, иногда не появлялась в течение нескольких недель. Если бы это было так, его приветствие было бы издалека»).

*«Вақте дастархони муҷаррадиаширо пеши ӯ мегустард, ҳанӯз овозаш, дастонаш, шояд, пардаҳи дилаш низ меларзид. Ин ҳама эҳсос аз шодмони нигаҳонӣ буд»* (Ю. Ахмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, сах 130). – («Когда он шел перед ней за обедом в одиночестве, его голос, руки, возможно, завеса его сердца тоже дрожали. Это было все чувство радости сохранения»).

Более подробно рассмотрим функциональные средства выражения категории *singularia tantum* в сопоставляемых таджикском и немецком языках.

Синтаксическая специфика вещественных имён существительных таджикского языка проявляется в том, что в форме множественного числа данные существительные сочетаются с предикатом главным образом в форме единственного числа, при этом они выступают в роли субъекта. Например: *«Гӯитҳои бадан пора-пора шуда меафтод»* (Р. Чалил. Асарҳои мунтахаб, сах 78). – («Плоть тела распадается на куски»).

В приведенном предложении вещественное существительное *«гӯитҳо»* («мясо») выражает разновидность этого продукта и относится к сказуемому *«меафтод»* в единственном числе.

В предложениях предикат употребляется во множественном числе, если субъектом являются однородные вещественные существительные:

«Аз он ҷойҳо марги муш ва маъданҳои пурқимат ва рангҳои камъёб мебароянд» (Р. Чалил. Асарҳои мунтахаб, сах 89). В данном предложении вещественное существительное «маъданҳо» («руды», «ископаемые») в роли субъекта при предикате во множественном числе «мебароянд» выражается в форме множественного числа, так как обозначает виды металлов.

Следует заметить, что в таджикском языке имена существительные с семантикой «собирательности» - «мардум» («люди»), «лашкар» («войско»), «халқ» («народ») сочетаются с предикатом не только в форме множественного числа, но и в форме единственного числа:

«Баъд аз дидани ин гуна шаклу шамоили ин одам, дар дили ман гузаист: «шояд мардум на аз ҷиҳати калонии шикамаш, балки аз ҷиҳати он ки баъд аз тарошидани ришаш тамоми баданаш ба як шикамбаи калон монандӣ пайдо мекард, ба ӯ ин лақабро муносиб дуда бошанд»» (С. Айнӣ, Марги судхӯр, сах 9). - «*Wer weiß, vielleicht haben ihm die Leute den Spitznamen Ischkamba nicht nur des dicken Bauches wegen gegeben, sondern auch deshalb, weil er überhaupt einem Kamelpansen*» (Der Tod des Wucharers S.Aini, Seite 7). - «Увидев такую фигуру и внешний вид этого человека, мне пришло в голову: «может быть, люди посчитали это прозвище подходящим для него не из-за его большого живота, а потому, что после бритья бороды все его тело стало похоже на большой живот»».

«Мардуми Бухоро ҳамин касби Раҳими танбӯриро ба назар гирифта ва ба номи ӯ калимаи «Қанд» -ро илова карда, ӯро «Раҳими Қанд» мегуфтанд» (С. Айнӣ, Марги судхӯр, сах 26). - «*Diese Nebenbeschäftigung trug ihm den Spitznamen «Kand» (Kandis) ein, unter dem er in ganz Buchara bekannt war*» (Der Tod des Wucharers S.Aini, Seite 29). - «Бухарцы учли эту профессию Рахими Танбури и добавили к его имени слово «Сахар» и назвали его «Рахими Канд»».

*«Агар дар мардум тамиз мебуд ва санъатро мешинохтанд, ҳунармандро аз беҳунар фарқ мекарданд ...»* (С. Айнӣ, Марги судхӯр, сах 27). – *«Besüßen die Menschen Geschmack und verstünden sie? Die Kunst gebührend zu würdigen, sagte er ...»* (Der Tod des Wucharers S.Aini. Seite 30). – *«Если бы люди были чисты и знали искусство, они бы отличали искусных от неквалифицированных».*

Следует заметить, что в таджикском языке предикат в форме единственного числа редко сочетается с существительным с семантикой «собирательности, совокупности лиц» - «**мардум**» – «**народ**». Согласно точке зрения многих лингвистов, данное явление – новое в современном таджикском языке.

Собирательное существительное «**халқ**» – «**народ**» может сочетаться с предикатом, который имеет не только форму единственного числа, но и множественного, к примеру: «*Халқ чамъ шуд*» («*Народ собрался*»). – «*Халқҳо чамъ шуданд*» («*Собрались народы*»).

В классической литературе, если субъект выражен собирательным существительным «**лашкар**» – «**войско**», то предикат употребляется, как правило, в форме единственного числа, например:

*«Чун онҳо офтобзард ба он мавзеъ расиданд, аз таҷаллии қуллаҳои зиррину симини бурҷҳои маъбад ақл гум карданд. Чунон манзараҳое, ки ба ҳеҷ манзараву маъвои то ин вақт дидаи сарбозони сипоҳи Искандар ва сардорони лашкар ҳаммонанд набуданд. Тарзи биносозии бобулиҳо аз тарзи хонасозии юнониҳо ва мақдуниҳо ба қулӣ фарқ дошт»* [Национальный корпус таджикского языка 2009]. – *«Когда они достигли того места, они потеряли рассудок башен храма, украшенных золотом. Такие пейзажи, не похожие ни на одну из пейзажей, которые ранее видели **солдаты** армии Искандара и командиры Вавилонский стиль строительства совершенно отличался от греческого и македонского стиля домостроения».*

Существительные множественного числа, образующиеся формы посредством суффикса – **он**, требуют предиката в форме сказуемого во множественном числе:

«Подшоҳ аз ҳама аввал ба худ омад ва чапак зад. Ва дарҳол **тамоми издиҳом** аз ҳаяҷону шавқ гулгула карданд ... вақте ки подшоҳ аввалин шуда қарсақ зад, **анбӯҳи одамон** бо нидои хурсандона: ... **фарёд бардоштанд**» (Б.Ҳ., саҳ17). - «... als aber der König zuerst in die Hände klatschte, da jauchzte **die Menge**, und alle riefen...». - («Король первым пришел в себя и захлопал в ладоши. И тотчас же вся толпа взревела от волнения... когда король первым аплодировал, толпа закричала от радости»).

«... хусусан, Арбоб Рӯзиро, ки калонтарин **судхӯрони** деҳаҳои Сангсабз ва Бӯлмахӯрон буд, ба газаб овард» (С. Айнӣ, Марги судхӯр, саҳ 105) *Besonders ärgerte es den Arbob Rusi, den größten **Wucherer** der Dörfer Sangsabs und Bulmachuron* (Der Tod des Wucharers S.Aini. Seite 169). –

(« в частности, он разозлил Арбоба Рузи, который был крупнейшим придворным селений Сангсабз и Булмахолан»).

«Бинобар ин ўро **одамони сарватманд** дар тӯйҳо ва меҳмондориҳои пуртантанаи худ **даъват намекарданд**» (С. Айнӣ, Марги судхӯр, саҳ 24). – «**Die Reichen luden ihn deshalb nicht** zu ihren Hochzeiten oder Gastmählern **ein**» (Der Tod des Wucharers S.Aini. Seite 26). – («Именно поэтому **богатые люди** не приглашали его на свои свадьбы и приемы»).

«Азбаски нархи танбӯрнавозии ў назар ба навозанда ва **хонандагони** дигар хеле арзон буд, **муллобачагон** – талабагони мадраса ... дар базмҳои ҷамъияти ва шабнишинҳои худ беитарин ҳамин одамро **даъват карда мебуданд**» (С. Айнӣ, Марги судхӯр, саҳ 24). - «Da dieser Musiker märchenhaft wenig kostete, **holten die Studenten der Medresse gerade ihn sehr oft zu ihren Feiern**» (Der Tod des Wucharers S.Aini, Seite 26). – («Поскольку цена его игры на бубне была значительно дешевле, чем у других музыкантов и певцов, муллы - студенты медресе в светской обстановке - приглашали этого человека на свои публичные вечеринки»).

*«Шарикон дар он маҷлис маблағи мазкурро сарф намуда барои худ ва меҳмонони худ зиёфати миёнаҳолонае **тартиб доданд** ва танбӯрнавози ин шабнишинӣ Раҳими Қанд буд ва вазифаи газалхони ин базро сурудхонони ҳавасгор, ки бо истилоҳи мадраса онҳоро «савтӣ» **мегуфтанд** ва онҳо аз байни талабагон ба тарзи худомӯзӣ **расида баромада буданд, адо мекарданд**» (С. Айнӣ, Марғи судхӯр, сах 24). - «*Mit diesem Geld konnten die Studenten für sich und ihre Gäste ein bescheidenes Mahl bereiten und als Musiker Rahimi Kand einladen. Das Amt eines Sängers übten nacheinander alle aus, die es wünschten - sie wurden im Jargon der Medresse «Sawti» genannt* (Der Tod des Wucharers S.Aini, Seite 27). – ( «Участники того собрания потратили эту сумму и подготовили для себя и своих гостей вечеринку, барабанищиком этой вечеринки был Рахими Канд, а задачу пения газелей этой вечеринки выполняли певцы-любители, которых называли "савти" по термину медресе, и они были среди студентов-самоучек»).*

Субъект, выраженный собирательным именем существительным «**авлод**» - «**потомки**», употребляется с предикатом в форме единственного числа:

*«Пас бояд қарзи инсонии худро аз сидқи дил иҷро намуда, нисбати фарзандони худ ҳеҷ гоҳ бепарвоӣ зоҳир накунем. Мо аминем, ки агар волидон фарзандони худро бе назорат нагузоранд, ягон кӯдак гум намешавад ва бе ному нишон гайб зада, боиси таъвиши падару модар, аҳли **авлод**, ҷомеа ва давлат намегардад!»* [Национальный корпус таджикского языка 2019]. – («Поэтому мы должны искренне выполнять свой человеческий долг и никогда не проявлять равнодушия к нашим детям. Мы верим, что если родители не оставят своих детей без присмотра, ни один ребенок не потеряется и не исчезнет без имени, вызывая беспокойство у родителей, родственников, общества и государства!»).

Следует заметить, что отсутствие соотнесённости форм единственного числа с реальной единичностью в таджикском языке наблюдается при дистрибутивном употреблении форм единственного

числа существительных: «сағҳо давиданд, думро бардошта» (т.е. «сағҳо давиданд, ҳар як думашионро бардошта»). Примером синтаксического способа выражения единичности могут также служить сочетания таких прилагательных, как «ягона» – «одни» и местоимения «ҳар як» – «каждые» с именами существительными. Данные формы в количественном значении с существительными множественного числа не сочетаются: «ягона чангак» – («единственная вилка»); «як чарх» – («одно колесо»), «ҳар як шабонарузӣ» (– «каждую ночь»).

В современном таджикском языке наблюдается тенденция к согласованию в числе предиката с субъектом-подлежащим, выраженным неодушевлённым существительным в форме множественного числа. Более частые случаи согласования в числе предиката и неодушевлённого субъекта, выраженного конкретными, абстрактными, вещественными существительными, не являются случайным явлением.

Личные существительные в таких сочетаниях могут присоединять суффикс множественности, а также употребляться без него: «даҳ нафар шогирд» – «даҳ нафар шогирдон» – «десять учеников»; «ҳаҷдаҳ нафар аскар» – «ҳаҷдаҳ нафар аскарон» – «восемнадцать воинов»; «ду нафар гулом» – «ду нафар гуломон» – «два раба»; «се нафар ҷаллод» – «се нафар ҷаллодон» – «три палача». Оппозиция личных и неличных существительных таджикского языка проявляется также и в характере согласования в числе с глаголом. Например, субъект, выраженный существительным в форме множественного числа, согласуется с предикатом в числе: «Созандагон бо чаимони гурусна ба тугунчаи кушода истодаи пирамард нигоҳ мекарданд. Чубдорон вайро пешандоз карда, ба сӯи дарвоза тела доданд». – («Строители смотрели на колено старика. Охранники подтолкнули его к воротам»). Субъект, выраженный неличным существительным во множественном числе, может иметь предикат не только в форме множественного числа, но и в форме единственного числа: «Сутунҳои дуд ба ҳаво баланд мешудаанд. Танкҳо аз

*наздики камингоҳи Анваров мегузаитанд».* – («*Столбы дыма поднимаются в воздух. Танки проходили возле засады Анварова*»). [Национальный корпус таджикского языка 2000].

При субъекте, выраженном личным существительным в форме единственного числа, предикат иногда может употребляться во множественном числе для подчёркивания уважительного отношения к тому или иному лицу: «- *Устоди ман фармудаанд, ки ин дафтарро ба шумо расонам, - гуфт Абуали бо ҳаяҷон. Анварҷон расидем! – фарёд зад Аниса давон ба оиҳона*» (Шералӣ Мӯсо, Ҳикояҳо, сах 123). – («*Мой учитель приказал мне передать вам эту тетрадь, - взволнованно сказал Абуали. Мы доехали Анварджан! - кричала Аниса, убегая на кухню*»).

Говоря о синтаксических связях между числительными и существительными, следует отметить, что в сопоставляемых языках они различны. В таджикском языке существует довольно сложная система обозначения действия с одним (шумораи танҳо) или более чем одним (шумораи чамъ) его производителем (ба сифати амали амалкунанда баробар ба амали шахс ва ашё).

Имена числительные в таджикском языке не имеют формы множественного числа, за исключением тех случаев, когда принимают суффиксы имён существительных – *ҳо*, - *он*: «*даҳҳо*», «*садҳо*», «*ҳазорон*». В этом случае они квалифицируются как счётные существительные («*десятки*», «*сотни*», «*тысячи*» и т.п.).

Согласно нормам таджикского языка в данных конструкциях одушевлённые и неодушевлённые имена существительные употребляются в единственном числе.

Как было отмечено выше, синтаксические связи числительных и существительных в системе разноструктурных языков не совпадают. В частности, числительное *як* – *один* в таджикском языке сочетается с существительными только в единственном числе:

*«Як зани муштинаре, хомӯшу хаппаке. Ба қавле: «деҳ ки хӯрам, зан, ки мурам!»; Абрӯ чизе дарк карду аз фишори ханда арақи ба даҳон*

*гирифташиро бо як нуфи аҷиб берун андохт». (Ю. Ахмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, сах 71). – («Тихая женщина. Как говорится: «дайте мне есть, дайте мне умереть!»; Абру что-то понял и под напором смеха выплюнул водку, со странным пыхтением»).*

Таким образом, в современном таджикском языке можно выделить различные способы выражения категории единичности / множественности на синтаксическом уровне, отражающие в то же время разное соотношение количества и качества.

Различие в способах выражения единичности, множественности в синтаксических структурах обуславливается разной степенью качественной конкретизации количества.

Как известно, в системе языка грамматические единицы должны быть в достаточной мере ёмкими, чётко организованными и гибкими [Адмони 2003: 23].

Это проявляется прежде всего в создании разнообразных систем оформления слова как грамматической единицы с точки зрения формального выражения грамматических значений. В этой плоскости и различаются такие структуры, как изолирующая, агглютинирующая, флективная и аналитическая, которые при всей трудности их разграничения выступают вполне отчётливо и на которых мы поэтому специально останавливаться не будем.

Относятся эти структуры как к парадигматической, так и к синтагматической системе грамматического строя. Соответствующие формы, например, флективные, образуют, с одной стороны, непосредственно парадигматическую систему морфологических форм, а с другой стороны, синтагматический ряд в речевом потоке. В той или иной степени эти структуры, являясь непосредственно лишь видами построения слова, окрашивают весь грамматический строй соответствующих языков, воздействуя на строение таких синтаксических единиц, как словосочетание и предложение.



Однако из этого не следует, что к этим структурам сводится и ими обосновывается всё многообразие построения грамматических единиц во всех языках. При всей важности этих структур как способов организации взаимоотношения между лексическим и грамматическим значением слова, они лишь взаимодействуют с некоторыми другими структурными закономерностями, которые служат для обеспечения семантической ёмкости грамматических единиц, то есть для создания их цельности, их способности вместить значительное смысловое содержание при сохранении своего единства (внутренней связанности и отграниченности от соседних компонентов).

В немецком языке весьма многообразны средства, служащие для организации структурного единства предложения и словосочетания.

Важным способом организации развёрнутых синтаксических единиц является обязательная сочетаемость разрядов слов и форм слов. Вводимая в предложение форма слова иногда сама по себе ещё не может придать достаточной завершённости (автосемнатичности) всей конструкции в целом без прибавления к ней ещё какой-либо словоформы или нескольких словоформ. Особенно важна структурная недостаточность, когда она касается главных членов предложения (предикативного ядра), в первую очередь глагольного сказуемого, которое является «вершиной», организующим центром всего предложения. При этом следует заметить, что контекст и ситуация могут «разгрузить» предложение, позволяя «обойтись» без непосредственного включения в него соответствующей сочетающейся формы, поскольку обязательная проекция на неё именно как на некую форму уже содержится в той или иной из введённых в предложение форм, а своё реальное смысловое наполнение эта проецируемая форма получает из речевой ситуации или контекста. Для создания определённой схемы построения синтаксических единиц разные языки в соответствующих случаях используют специальные формы слова. Например, в немецком

языке существительное+определение в единственном числе в родительном падеже: «*Das Licht der Sonne*» – («Свет солнца»).

Немецкий язык также характеризуется портативностью словосочетаний. В группе существительного собранность и выделимость всей группы в целом достигается наличием рамки, образуемой самим существительным и артиклем и охватывающей все согласующиеся члены группы, а также постпозитивным примыканием к существительному всех несогласующихся членов. Подвижность этой группы, несмотря на ограниченную флективность существительного, в достаточной мере обеспечивается наличием монофлексии, то есть чётким выражением падежа в артикле или другом согласующемся члене группы, например: «*Dem alten Mann*» – («Старик»), или кооперированием грамматической выразительности флексии согласующихся членов группы, например: «*Dieser Hande*» – («Эта рука») чётко выраженное множественное число в форме самого существительного ограничивает многозначность «*dieser*» в женском роде, так что сочетание этих форм ясно выявляет значение родительного падежа.

Однако в большинстве случаев в немецком языке среди различных признаков того или иного грамматического ряда (построения) чётко выделяются признаки наиболее важные, доминирующие, которые придают этому ряду известную цельность, единство, даже при некотором расхождении между этими признаками и другими признаками данного ряда. Например, синтаксическая сочетаемость существительных *pluralia tantum* – «*Masern*», «*Kosten*» – «Копь», «запраты» настолько полно совпадают с обобщённым грамматическим значением существительных, обладающих падежными показателями, что принадлежность слов типа «*Masern*», «*Kosten*» к существительным совершенно очевидна.

Основными единицами синтаксических конструкций, на которые наслаивается та или иная «колонна» грамматических нагрузок, является в немецком языке не морфема, а форма слова. Это вызывается тем, что отдельные служебные морфемы в немецком языке в силу своей

многозначности выражают определённые грамматические значения, как правило, не сами по себе, а лишь путём их соотнесения с основой слова. В первую очередь это касается окончаний – *e*, – *en* и нулевого окончания. Существенную роль играет здесь также широкое развитие в немецком языке внутренней флексии, которая наиболее прямо ведёт к выражению тех или иных грамматических значений внутри самой основы. Например, в слове «*Wälder*» – «леса» множественное число выражается, конечно, показателем – *er*, но оно выражается также умлаутом в корне:

*«Die Funken, vom Winde fortgetragen, flogen weit umher. Auf den Bergen gerieten ganze **Wälder** in Brand, und um die Täler flammten Feuerkränze. (Flaubert, Gustave. Salambo, S 89). – «Тарошаҳои сӯхтаи стода, ки бод парешонашон мекард, ба дуриҳои атроф паҳн мешуданд, дар кӯҳҳо низ ҷангал месӯхт, водии атрофро аланга фаро гирифта буд». – («Горящие головни, уносимые ветром, разлетались далеко вокруг, и на горах горели леса, окружая долины венцом пламени»).*

*«Um den Krieg mit Nachdruck zu unterstützen, hatte Naravas seine **Wälder** erschöpft. Er hatte die jungen und die alten Tiere, die Männchen und die Weibchen genommen. Diese kriegerische Kraft seines Reiches erholte sich nie wieder». (Flaubert, Gustave. Salambo, S 56). – «Барои ба ҷанг тобовар шудан, Нар Гавас ҷангали худро ҳолӣ кард, филҳои тиру ҷавон, нару модаҳоро гирифт; қувваи ҳарбии қаламравӣ ӯ ба таври ислоҳнопазир шикаст хӯрда буд». – («Чтобы вынести войну, Нар Гавас опустошил свои леса, взял старых и молодых слонов, самцов и самок; военная сила его царства была безвозвратно сломлена»).*

Трудность чёткого разграничения «колонн» грамматических значений, опирающихся на основу слова и на его окончание, связана ещё с тем, что во многих случаях даже полная форма слова (основа+окончание) не даёт его чёткой грамматической характеристики, которая достигается лишь с помощью служебных слов и контекста. В таком сочетании, как «*dem lieben Freund*», или в таком предложении, как «*Wir lieben*», грамматические значения части речи (в обоих примерах),

падежа, числа и лица устанавливаются только на основании контекста. Окончание – *en* выражает непосредственно лишь значение множественного числа у глагола.

Общее количество значений в немецком языке, опирающихся на одну форму слова, может быть значительным. Так, форма «*Hunde*» в предложении «*Die Hunde bellen*» («*Собаки лают*») прямо или косвенно несёт следующие грамматические значения, выражая их путём «кооперирования» с другими формами, наличествующими в предложении: 1) синтаксическое значение подлежащего; 2) значение определённости; 3) значение мужского рода; 4) значение множественного числа, например:

«*Дар ҳавлӣ боз ду сағбача зиндагӣ мекарданд ...*» (Мукча. тарҷ. Бобо Ҳочӣ / В. Ҳауф. Д.: Маориф, - 1978саҳ 9). – «*Auch waren noch einige kleine **Hunde** im Haus*». – («Во дворе жили еще два щенка»).

«*Euer Suffet hat **die** gefräßigen **Hunde** ausgerottet!*» (Flaubert, Gustave. *Salambo*, Seite 45). – «Суффети шумо сағҳои пурхӯрро нест кардааст!» - («*Vas* суффет уничтожил прожорливых псов!»).

Также важно заметить, что сама структура слова используется в немецком языке как некая аналогия словосочетанию, участвуя в обеспечении портативности (гибкости, организованности, компактности) предложения.

Следует заметить, что ни один из изученных лингвистами языков, насколько мы можем судить (на основе сравнения таджикского и немецкого языков), не выявляет абсолютного подчинения своего грамматического строя какому-либо единому принципу такого рода.

Если определить основные противостоящие друг другу типы построения синтаксических единиц с точки зрения их портативности как напряжённые или ненапряжённые, то строй всех языков мира окажется сложной системой, сочетающей черты напряжённости и ненапряжённости – обычно при доминирующей роли либо одних, либо других черт, но без их абсолютизации.

## **Выводы по второй главе**

Результаты проведённого исследования в данной главе позволяют заключить следующее.

1. В немецком языке форма единственного числа имён существительных более употребительна в отличие от таджикского языка. Такое несовпадение в форме числа имён существительных объясняется различным содержанием категории числа имён существительных в обоих языках, различием словаря, распространением в таджикском языке аналитических форм.

2. Было установлено, что категория числа, исходя из способов выражения в сравниваемых языках, является морфологической категорией. Таджикский и немецкий языки характеризуются тем, что категория числа у существительных представляется грамматически независимой, то есть лексико-грамматической. У остальных частей речи (прилагательных, глаголов) – категория числа представляет собой синсематическое средство согласования.

3. Для каждого языка характерны свои грамматические средства выражения числа, репрезентирующие основные грамматические значения, что позволяет характеризовать различные предметы и явления окружающей действительности в количественном отношении. Установлена связь интернумерального понятия с грамматикой и лексикой, а именно: собирательность, вещественность и отвлечённость.

4. В таджикском языке предикация прономинальных контаминантов, в отличие от немецкого языка, не исследована, поэтому данная проблема остаётся открытой.

5. Типологическое расхождение проявляется также в том, что немецкий язык относится к языкам синтетическим, а таджикский – к аналитическим.

6. Сравнимые языки характеризуются тем, что конкретные, исчисляемые имена существительные обладают наибольшей мотивированностью категории числа. При этом в немецком языке были

выявлены случаи отклонения от идеального значения единичности и множественности категории числа: один предмет – множество предметов.

## **Г Л А В А – Ш**

### **Функционально-семантическое поле количественности в системе разноструктурных языков**

#### **3.1. Полевой анализ категории квантитативности в таджикском и немецком языках**

В современном языкознании проблема типологии языков связана с теорией языковых универсалий – закономерных соотношений между элементами языкового строя различных языков. Само понятие о закономерностях данного рода было сформулировано Л.В. Щербой [Щерба 1995: 123].

Отмечая необходимость сопоставительно-типологического исследования языков, Л.В. Щерба отмечал, что при этом может быть выявлена «взаимообусловленность» отдельных составляющих данных языков [Щерба 1995: 175]. В качестве примеров таких корреляций автор рассматривает зависимости как морфологического, так и фонологического свойства, например, связи между системами падежей и синтаксическая корреляция словопорядка, или соотношение избыточной системы согласных и слабое развитие вокализма, также данная корреляция проявляется между согласными, различающимися признаками – интенсивность и звонкость [Щерба 1995: 175].

Однако данную точку зрения оспаривает С.Д. Кацнельсон. Автор отмечал, что введённое Л.В. Щербой понятие «взаимообусловленность» представляется расплывчатым и нуждается в уточнении. Согласно С.Д. Кацнельсону, широко используемое в лингвистической науке понятие «универсалия» не лишено недостатков [Кацнельсон 2001: 85].

Важно отметить, что в философской науке понятие «взаимообусловленность» имеет значение, тесно связанное с лингвистической семантикой. При типологическом исследовании языков необходимо учитывать, что данный термин представляется запутанным, он обозначает далеко не то, что было принято называть «универсалиями» с момента возникновения универсальной грамматики [Кацнельсон 2001: 85].

Здесь нельзя не согласиться с С.Д. Кацнельсоном, который отмечал, что получившее широкое распространение в языкознании понятие «универсалия» не всегда способно устанавливать соотношения, которые свойственны многим языкам. Чаще всего универсалии характеризуют соотношения, которые действительны лишь для определённого круга языков. В последнем случае они выступают «универсальными» не как принадлежность к общему элементу языкового строя, безусловно, в ином значении, а именно: то, что закономерно и существенно для определённых языков [Кацнельсон 2001: 85].

Иная точка зрения у А.И. Смирницкого, который истинно «универсальными универсалиями» считает дефиниционные универсалии, устанавливающие то или иное тождество, исходя из специфики данного языкового строя. В качестве примеров таких универсалий автор приводит такие утверждения, как: «Каждый язык имеет свой словарь и свой грамматический строй», «Во многих языках наблюдается расхождение имени и глагола», «Всем языкам свойственны фонемы». Как видим, значимость приведённых выше универсалий представляется весьма незначительной [Смирницкий 1956: 101].

Большое значение имеют экспериментально выявленные универсалии, которые охватывают большое количество языков. Констатацией справедливости такого мнения служат следующие утверждения: «Во многих языках мира общее количество фонем колеблется от десяти до восьмидесяти». Логическая форма подобных универсалий существенным образом отличается от так называемых «дефиниционных универсалий», так как они должны устанавливать не связи, которые важны для того или иного языка, а выявлять общее для многих языков. Возможно, последующие исследования языков различного строя позволят конкретизировать понятие «универсалии», так как исчерпывающий охват языков всех времён в принципе невозможен.

В лингвистической литературе широкое распространение также получили «импликационные универсалии», которые устанавливаются для небольшого количества языков. Подтверждением наличия подобных универсалий являются следующие высказывания: «Если в системе языка существует форма двойственного числа, то есть и формы множественного и единственного числа», «Присутствие в языке специальных видовых и темпоральных форм свидетельствует о связи видовых форм глагола с темпоральными формами» [Смирницкий 1956: 101].

Таким образом, можно отметить, что благодаря выявлению универсалий можно установить те или иные закономерности, которые определяют строй языка. Естественным языкам свойственны следующие закономерности: 1. Глубинная закономерность, которую образует универсальный компонент языка – то есть является первичной функцией. 2. Поверхностная закономерность, которая образует идиоэтнический компонент. Методы универсалий необходимы при анализе идиоэтнических закономерностей.

Далее более подробно рассмотрим языковую понятийную категорию квантитативности.



Следует заметить, что термин «понятийная категория» был введен О. Есперсеном. В своем исследовании «Философия грамматики» он рассматривает понятийные категории, как «внеязыковые категории», которые зависят от случайных фактов естественных языков. Данные категории, согласно О. Есперсену – универсальны. Автор включает в данные категории пол, количество и т.д. [Есперсен 1958: 130].

Данная концепция О.Есперсена получила дальнейшее развитие в трудах И.И. Мещанинова. Согласно точке зрения И.И. Мещанинова, общие категории мышления отражаются в понятийных категориях. При этом отмечает автор: «Понятийные категории обладают языковой природой». Репрезентируясь в семантической структуре слова, в синтаксическом построении, а также в морфологическом оформлении слов, понятийные категории остаются языковыми категориями [Мещанинов 1978: 230].

Идеи И.И. Мещанинова и О. Есперсена получили дальнейшее развитие в исследованиях А.В. Бондарко. А.В. Бондарко объединяет такие понятия как: «функционально-семантическое поле» и «понятийная категория». Автор последовательно трактует данные категории как языковые, которые имеют как языковое содержание, так и выражение [Бондарко 1984: 45].

Значительный интерес представляет позиция Б.М. Балина, рассматривающий языковые понятийные категории как – рекуррентный смысл (в плане речевого функционирования), обладающие высокой степенью абстрактности, которые также выражают отношения между явлениями объективной действительности, сами называют эти явления. Данные категории полностью или частично универсальны, передаются в каждом языке системно, но различными способами в соответствии со спецификой языковой структуры [Балин 1972: 9].

Значимость данной концепции заключается в том, что она позволяет анализировать способы выражения одного и того смысла в

различных языках. Следовательно, можно утверждать, что языковая понятийная категория – универсальна.

Языковая понятийная категория отличается от поля тем, что она обладает интраязыковой и интерязыковой природой [Балин 1972: 10].

Следующая специфика языковой понятийной категории заключается в том, что она прослеживается практически в каждом распространенном предложении, так как является «языковым выражением объективной действительности» [Балин 1972:8].

Языковая понятийная категория характеризуется степенью обобщенности, то есть одни категории иногда могут входить в состав других категорий. Языковая понятийная категория количественности представляет собой одну из наиболее общих языковых понятийных категорий, на основании которой можно провести сравнительное исследование таджикского и немецкого языков. Исходя из того факта, что в каждом языке существуют: 1) грамматическая категория числа; 2) морфологический класс числительных (здесь следует отметить, что в таджикском языке числительное не достигло той степени абстрактности, что свойственно немецкому языку).

Согласно И.А. Бодуэн де Куртене, средствами языковой количественности являются числительные, грамматическая категория числа, собирательные имена существительные, языковое средство выражения пространственно-временной количественности, а также размер и направление [Бодуэн де Куртене 1963: 324].

Логическая классификация количественности была создана А.А. Холодовичем. Автор выделяет 12 типов множеств, которые в итоге были сведены в 6 типов антитез. «Пустое множество», «единичность» А.А. Холодович рассматривает как «подязыковое» множество [Холодович 1979: 190].

В категорию количественности входят как языковые категории, так и субкатегории. Она охватывает немало переходных и остаточных

явлений, которые не только осложняют, но и обогащают языковую систему, повышая избыточность речевой информации.

Согласно точке зрения Г. Пауля, в языке существует два явления, которые выражают квантитативность – грамматическое число и собирательные имена существительные [Пауль 1960:234].

Значительный интерес представляет также исследование Т.П. Ломтева. Ученый, исходя из семантики, разделяет квантитативность на следующие группы: 1) лексические единицы со значением «всеобщность» / «невсеобщность»; 2) лексемы со значением «полной мощности», «точной мощности множества». Данная классификация была проведена на материале русского языка [Ломтев 1972: 106].

Немало исследований, посвященных основным понятиям языковой количественности. Так, в частности, исследование В. Дресслера посвящено «отглагольной плюральности» и основывается на соотношении исходных языковых понятий – имен и глагола. Автор пытается выявить степень параллелизма разных оттенков квантитативности у существительного и глагола. В. Дресслер обращает внимание на значительное сходство имен и глагола. При этом автор отмечает, что имена более грамматикализированы, чем глагол. Глагольная квантитативность характеризуется большей глобальностью, которая может повлиять не только на целое предложение, но и на текст [Dressler 1968: 95].

Данный раздел нашего исследования посвящён полемому анализу существительных с семантикой квантитативности в таджикском и немецком языках.

Феномен множественности в сравниваемых языках представлен следующими двумя полями: 1) нулевое поле множественности и 2) поле наличия множественности. Последнее включает микрополя второго, третьего и т.д. порядка.

Сема «множественность» выполняет роль фона в семном составе лексических единиц, образующих поле квантитативности. Роль

спецификаторов выполняют семы, характерные для импликантов определённого микрополя.

Каждое микрополе обладает своими ядерными и периферийными языковыми средствами выражения «квантитативности». Ядром микрополя «множественность» в таджикском языке является суффикс множественного числа существительных «в чистом виде». При этом, следует заметить, что суффиксы множественного числа местоимений («моён», «шумоҳо», «киҳо»), будучи второстепенными, обладают дополнительной информацией. Приведём примеры из таджикской современной художественной литературы:

*«Аммо чӣ чизест, кӣ ўро бар ин лаҳзаҳо ба таҳаммулу андешаҳои сарбаста водор мекунад?! Ҳеҷ наметавонад онро дуруст таъхис бидиҳад»* (Ю. Аҳмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, сах 8). – (*«Но что же это такое, кто заставляет его терпеть эти мгновения и подобные мысли?! Никто не может дать правильный ответ»*);

*«Альон эҳсоси аҷиб ва мутазоде дар замираи талои меварзад. Киштии ҳаёлаи ўро ба дашту биёбонҳои беоб мекашад... Дуруст аст, ки охир ӯ ... Абрӯро, Абрӯи сабукхӯро дар ҳоле тарк кард, ки дилаи аз шавқи орзуҳои қавӣ дар тапидан буду пешорӯяи озараҳиши умед дар дурахшидан...»* (Ю. Аҳмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, сах 9). – (*«Странное и противоречивое чувство были в ее мыслях. Мысленно она тянулась к безводным равнинам и пустыням... Правда, наконец она оставила Абру, легкомысленного Абру, когда сердце ее билось страстью сильных мечтаний и сияла боль надежды»*).

В немецком языке ядром микрополя «множественность» выступает арктикль **Die**, суффиксы, а также умлауты корневых гласных. Все эти показатели множественного числа распределены между существительными разных родов неравномерно, поэтому форму множественного числа существительных нужно запоминать каждый раз, когда она встречается (грамматические средства выражения

множественного числа в сопоставляемых языках более подробно рассмотрены нами в предыдущей главе данного исследования).

Рассмотрим следующие примеры на материале немецкого языка.

«*In ein, zwei Stunden würden **die** Sorge und die Hetze wieder losgehen*» («*R. Erich Maria. Liebe deinen Nächsten*). – «Пас аз як-ду соат дубора тарсу думболагириҳо сар мешаванд». – («Через час-два снова начнутся **страхи** и преследование»).

«*Taanach legte ihr eine Bernsteinkette mit Delphinzähnen um den Hals, ein Amulett gegen **die** Angst*». (*F. Gustave. Salambo*). – «Таанах ба гардани ӯ занҷири қаҳрабо аз дандонҳои делфин ва тӯмори тарсро овехт». -

«Таанах надела ей на шею янтарную цепочку с зубами-дельфина, амулет от страха»).

«*Verschiedene innerpsychische Faktoren, Wünsche, **Ängste**, positive wie negative Qualitäten, können auf verschiedene Menschen projiziert und in ihnen erlebt werden*» (*B. Ellynor. Selbstbegegnung im Spiel. Einfuehrung in das Psychodrama*). – «Омилҳои мухталифи дохилиравонӣ, хоҳиш, ҳарос, ҳам сифатҳои мусбат ва манфӣ метавонанд ба одам таъсири ҳархела расонанд». - («Различные внутрисихические факторы, желания, страхи, как положительные, так и отрицательные качества, могут повлиять на людей по-разному»).

Как было указано выше, в таджикском языке ядро микрополя «множественность» составляют существительные во множественном числе – в немецком языке – артикль **Die** или умлауты **Ä, Ö, Ü**. Исключением в сравниваемых языках являются существительные с семантикой «собирательности», которые имеют значение квантитативности в единственном числе, а также контекстное употребление формы единственного числа в обобщённо-собирательном значении:

«Аммо ту як чизро бояд эҳсос кунӣ, танҳо як чизро, ки **одамӣ** ба дуне як бор меояд. Як бор, Беҳнона?!» «**Мардум** чӣ хоҳанд гуфт?» «Бигзор, ҳар чӣ гӯянд»; «Пас, беҳуда нагуфтаанд, ки **одамӣ** ба умед зинда. Оре ба

умед!» (Ю. Аҳмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, сах 53). – («Но вы должны знать, что человек приходит в мир только один раз. Однажды, Бехнона?!»;- «Что скажут люди?» – «Пусть говорят, что хотят». «Так вот, не зря говорят, что человек живет надеждой. Да, чтобы надеяться»).

Анализ языкового материала позволил установить, что существительные множественного числа в таджикском и немецком языках, сочетаясь с разными лексическими спецификаторами, могут обозначать:

1. **Определённое количество** («чанд қадам»-«несколько шагов», «аксар « – «большинство», «ду гурӯҳ» – («две группы»); «як ҷуфт» – («одна пара»); «ҳар дуяшон» – («оба»); «beide Freunde» – («оба друга»); «zehn Tische» – («десять столов») и др.). Приведем примеры:

«**Чанд қадами** қатъӣ бигузоиш. То остонаи дари хориҷ омад, ки аз шафати он ойинаи қаднамо меистод» (Ю. Аҳмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, сах 25). – («Сделайте несколько решительных шагов. Он подошел к порогу выходной двери, возле которой стояло зеркало»).

«**Аксар қашиоқ**, гурусна. Фикри пардохти пули газро надоранд. Танҳо раис меояд» (Ю. Аҳмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, сах 25). – («**Большинство** из них бедные, голодные. Они не хотят платить за газ. Приходит только председатель»).

«Ҷамоате, ки аз масҷид меомаданд, акнун ба **ду гурӯҳ** истода, назди истгоҳи автобус хархашае ба миен андохта буданд»;»**Ё** тани як куртаҷома ва **як ҷуфт** кӯҳнакафше сипарӣ кардани донишҷӯиашро?! Пас ... чиро?!»;»**Чун ду фарзанд** дорад фариштахӯ ва наберае малакӣ! Магар ин **се нирӯи** ахурой, ин **се занчирҳои** тиллоӣ аз банди дилу дастонаш гусаста хоҳад шуд?! Ҳаргиз! Бале, ҳаргиз!! (Ю. Аҳмадзода. Ишки духтари кулахпӯш, сах 30). – («Люди, вышедшие из мечети, теперь разделились на **две группы** и выстроились в очередь перед автобусной остановкой». И...

что?!"; "Как у него **двое детей** и внук! Сможет ли забыть их?! Никогда! Да, никогда!»).

«Акнун он **ду гурӯҳ** ва он **ду пархошгаре**, ки аз гиребони ҳам гирифта буданд, ба назар наменамуданд» (Ю. Ахмадзода. Ишқи духтари кулаҳпӯш, сах 46). – («Теперь нигде не было видно тех **двух групп** и тех **двух «ястребов**», которые дрались»).

«Das abendliche Beisammensein brachte die **beiden Freunde** jedoch bald in Verlegenheit» (Hesse, Hermann. Das Glasperlenspiel). – «Аммо вохӯриши бегоҳирӯзӣ базудӣ дӯстонро ба ҳаяҷон овард». - «Вечерняя встреча, однако, вскоре смутила **обоих друзей**»).

«Allein gelassen, blickten sich die **beiden Freunde** um» (H. Hermann. Das Glasperlenspiel). – «Дӯстон танҳо монда, ба **ҳамдигар** нигаристанд». – («Оставшись одни, **оба друга** оглянулись»).

«Wahrscheinlich waren die **beiden Freunde**» (H. Hermann. Das Glasperlenspiel). – «Эҳтимол **ҳар дуяшон** лӯст буданд». – («Наверное, они **оба** были друзьями»).

2. **Приблизительное количество** («қариб», «тақрибан», «тахминан», «etwa» – приблизительно):

«Дар ин миен **тақрибан** шаш моҳ гузашт» (Фарҳанги Забони Тоҷики Қ 2. сах 352). – («Приблизительно прошло шесть месяцев»).

«Gesprochen **etwa** eineinhalb Tage, bevor die Amerikaner Bonn eroberten» (B. Heinrich. Ansichten eines Clowns). – «**Тахминан** як рӯз пештар аз он ки амрикоӣҳои Боннро гирифтанд, гуфта шуд». - («Говорили **приблизительно** за день до того, как американцами был занят Бонн»).

«Er ist ein Mann von **etwa** fünfunddreißig Jahren, dunkel, mit einem schmalen Gesicht, dicht zusammenstehenden Augen und großen, abstehenden Ohren» (R. Erich Maria. Der schwarze Obelisk). – «Ин мард **тахминан** сиюпанҷ сол дошта, гандумгун, рӯйи борик, чашмони фурӯрафта ва гӯшҳои чапаре дошт». – («Это мужчина лет тридцати пяти, смуглый, с узким лицом, близко посаженными глазами и большими, оттопыренными ушами»).

3. **Неопределённо большое количество** («қадаме чанд» – «несколько шагов», «ҳама», «ҳамагӣ», «ҳамагон», «eine Menge von Menschen» – «множество людей»):

«Дар ин миен автобусе омад. **Қадаме чанд** дуртар аз онҳо истод. Ронанда фуруд омад» (Ю. Аҳмадзода, Ишки духтари кулахпӯш, сах 25). – («Тем временем подъехал автобус. Мужчина остановился в нескольких шагах от них. Водитель вышел»).

«Nur die Stadt wirkte verlassen; eine unbekannte Krankheit hatte sich über ganz Europa ausgebreitet, und niemand wußte, weshalb **so viele Menschen** starben» (С. Paulo. Elf Minuten). – «Фақат шаҳр нурра холи шуда буд: кадом як беморие дар Европа шиддат гирифта буд, касе сабаби марги **анбӯҳи одамонро** намедонист». – («Вот только город был совершенно пуст: неизвестная болезнь свирепствовала в Европе, и никто не знал, отчего умирает такое **множество людей**»).

4. **Тотальное множество** («бисёрӣ», «мачмӯъ», «зиёдӣ», «сершуморӣ», «фаровон» – «очень много»; «alle», «alle Tiere» – «все звери»):

«Бо ҳамин сабаб ба асли ҳамаи донишӯро роҳ меёбад. Дар ҳунари силоҳ шоиста шуд ва дар **мачмӯъ**, онҳо Баҳромро ба дарачаи Начмулямони расонд. Дар ин маврид аз ду масъала ёдовар шудан мехоҳем». [Национальный корпус таджикского языка 2009]. – («По этой причине он стремился к знанию. Преуспел в оружейном искусстве, и вообще Бахрома довели до ранга Наджмуламани. В данном случае хотелось бы отметить два вопроса»).

Следует заметить, что поле «нулевой квантитативности» отрицают многие лингвисты [Адмони 1986: стр 78]. На наш взгляд, анализ данного поля необходим, так как существует оппозиция «тотальная квантитативность» - «нулевая квантитативность», «единичность»- «нулевая квантитативность», «неопределённая квантитативность» - «нулевая квантитативность».



Ядро «нулевого поля» в немецком языке составляют лексические единицы отрицания: *«kein»*, *«nicht»* – «не», «нет». Данные лексические единицы не во всех контекстах имеют значение «нулевая квантитативность». Репрезентацией семы «нулевое множество» являются случаи, когда при перенесении в положительный контекст репрезентируются семы «единичность» и «квантитативность». Рассмотрим примеры:

«*He, ҳанӯз ҳуҷра наёфтал*» (Марги судхӯр А.С., саҳ 39). – «*Ich habe noch keine Zelle gefunden*» (*Der Tod des Wucharers S. Aini, Seite 48*). – («Я до сих пор не нашел себе комнату»).

«*Қориамакатон дар хона нестанд!*» (Марги судхӯр А.С., саҳ А.С., 34). – «*Unser Herr und Gebieter sind nicht zu Hause!*» (*Der Tod des Wucharers*) (*S. Aini, Seite 41*). – («Вашего дяди нет дома!»).

«*Бинобар ин ба шумо маслиҳат медиҳем, ки барои ба ҳавлиашон даромада бо он кас сӯҳбат кардан беҳуда овора нашавед*» (Марги судхӯр А.С., саҳ 34). – «*Deshalb raten wir Ihnen, sich keine unnötige Mühe zu machen und nicht erst zu versuchen, ihn zu Hause anzutreffen*» (*Der Tod des Wucharers S. Aini, Seite 41-42*). – («Поэтому мы советуем вам не создавать лишних хлопот и не пытаться встретиться с ним дома»).

В данном тексте репрезентируется сема «нулевое множество», так как в положительном – может быть репрезентирована сема «квантитативность».

Периферию данного поля образуют фразеологические средства, например: «*Wenn die Hunde mit dem Schwanz bellen*». – «Вақте ки сағҳо бо думи худ аккос мекунанд» («Когда собаки лают хвостом») (то есть «никогда»).

Поле «нулевой квантитативности» было выявлено нами в немецком языке. Ядро данного поля образуют конструкции с компонентами – *«kein»* (*er*), *«keinerfalls»* – «ни в коем случае», а также отрицательные местоимения – *«nichts»* – «ничто», *«niemand»* – «никто» :

«*Ich darf keinesfalls zu spät kommen*». — «Ман бояд ба ҳеҷ ваҷҳ дер накунам». - («Мне ни в коем случае нельзя опоздать»).

«*Das Thema: Traum und Telepathie können wir jetzt verlassen, ich habe Ihnen nichts mehr darüber zu sagen*» (F. Sigmund. Einführung in die Psychoanalyse). – «Ҳоло мавзӯи хоб ва як тараф мегузорем, ба шумо дигар гапи мегуфтагӣ надорам». – («Тему сна и телепатии мы можем оставить сейчас, мне больше нечего вам сказать об этом»).

«*Jedes Ding auf Erden ist nichts als ein ewiges Symbol in Staub gekleidet!*» (M. Gustav. Der Golem). – «**Ҳама** дар рӯйи замин як чизи аҷиб - ба монанди рамзи абади нӯшии аз гарду губор аст». - («Всё на земле не что иное, как вечный символ в одеянии из праха»).

Вышеперечисленные поля в сопоставляемых языках в определённых контекстах способны пересекаться. Так, в частности, существительные с семантикой «собирательности» могут входить в поле «единичности» и «квантитативности», так как в своей семантической структуре имеют компоненты «совокупность» и «множество». Например, немецкое слово «**Haufen**» может входить в структуру нескольких противоречащих друг другу полей.

Сравним: «**Haufen**» – «Куча», «груда»; «Множество», «большое количество»; «Толпа», «стая животных»; «Целая гора»; «Определённое количество», например::

«*In ein paar Wochen kommt ein Haufen neuer Rekruten*» (Ingo Schulze «Adam und Evelyn» Roman dtv (Deutschertaschenbuchverlag) 2010 München Seite 127). – «Баъди як-ду ҳафта издиҳоми дигари курсантҳо хоҳанд омад». - («Через пару недель придёт новая **толпа** курсантов»).

«*Ich werde mich der Mehrheit anschließen*» (Gabriele Wohmann «Ein unwiderstehlicher Mann / Erzählungen. Der Brüder Germany-1976. Seite 86).- «Набошад, мисли дигарон амал хоҳам кард». - («Тогда я поступлю, как **большинство**»).

«*Es gibt 18 Patienten auf der Station, und Sie brauchen eine Mehrheit, um die Ordnung zu ändern*» (Cornelia Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres

*Lebens. - München: Franz Schneekluth Verlag, 1996 Seite 988).* – «*Мо 18 бемор дорем, барои дигар кардани қоидаҳо бошад, аксарияти овозҳо лозиманд*». – («*У нас 18 пациентов, а для изменения правил нужно большинство голосов*»).

Определённое количество:

«*All das Gedränge und die merkwürdigen Gestalten, die da rumlaufen, erinnern mich zu sehr an Indien*» (Cornelia Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres Lebens. - München: Franz Schneekluth Verlag, 1996. Seite 1012). – «*Бо тамоми ин издиҳом ва қаҳрамонҳои аҷиб, ки дар атроф гаштугузур доштанд, ба ман хотираҳои Ҳиндустонро беиштар бедор карданд*». – («*Со всеми этими толпами и странными персонажами, разгуливающими вокруг, что слишком напоминает мне Индию*»).

«*Schon am zweiten Tage hatten die Karthager im Lager der Nomaden einen Haufen von etwa dreihundert Menschen bemerkt, die abgesondert blieben*» (F. Gustave. Salambo). – «*Карфагениҳо алақай рӯзи дуюм дар лагери кӯчманчиҳо тӯдаи иборат аз сесад нафареро пайҳас карданд, ки аз дигарон ҷудо шуда меистоданд*». – («*Уже на второй день карфагеняне заметили в лагере кочевников толпу примерно трёхсот человек, которые держались в стороне от других*»).

Стая животных:

«*Ein Schwarm blutdürstiger Fledermäuse fliegt durch das Dundeon*» (Cornelia Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres Lebens. - München: Franz Schneekluth Verlag, 1996., Seite 205). – «*Дар таҳхонаҳо селай кӯришанаракхунхӯрон парвоз мекарданд*». – («*По подземелью летала стая летучих мышей-кровопийц*»).

«*Ich habe genug Obst, um eine Horde Gorillas zu*» (Cornelia Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres Lebens. - München: Franz Schneekluth Verlag, 1996 Seite 408). – «*Ман ин қадар мева гирифтаам, ки бо онҳо як галла гориллаҳоро сер кардан мумкин аст*». – («*Я получил столько фруктов, что можно накормить стаю горилл*»).

*«Alle drückten mit der Linken den Schild auf ihren Helm und hielten die Ränder so dicht zusammen, daß sie wie ein **Haufen** großer Schildkröten aussahen».* (F. Gustave. Salambo). – «*Ҳама синарҳоро бо дасту чап ба тоскулоҳ чунон паҳи карда буданд, ки дар назар ба монанди сангпуштҳои калон менамуданд*». – «*Все прижали щиты к своим шлемам левой рукой, удерживая края так плотно, что они выглядели как куча больших черепах*».

Или слово «**Dutzend**» – «**дюжина**», будучи ядром микрополя «определённое большое количество», может выступать конститuentом микрополя «неопределённое большое количество»:

**Dutzend** – определённое количество.

*«Geben Sie mir zwei kleine Flaschen Kognak, alle Zeitungen und ein **Dutzend** Päckchen «Caporal»»* (R. Erich Maria. Arc de Triomphe). – «*Ба ман ду шиша коняк, рӯзномаҳо, кадоме, ки дошта бошед ва даҳ қуттӣ «Капорал» диҳед*». – («*Дайте мне две бутылки коньяка, газеты, какие у вас есть, и десять пачек «Капорал»*»).

Неопределённое количество:

*«Der **Volksmenge** nach zu urteilen warden Sie nicht viel Zeit bekommen».* (Gabriele Wohmann «Ein unwiderstehlicher Mann / Erzählungen. Der Brüder Germany-1976. Seite 38»). - «*Ба ин тӯда нигариста, чуни хулоса кардан мумкин аст, ки шумо вақти кам доред*». – («*Судя **по толпе**, у вас мало времени*»).

*«Ich sehe ein Küchenmädchen mit einigen **Dutzend** aufgetürmter Teller den Korridor entlang zum Speisezimmer schreiten»* (F. Sigmund. Einführung in die Psychoanalyse). – «*Зани косаву табақшиӯеро мебинам, ки бо даҳҳо табақ дар даст дар долон қадам мезад*». – («*Я вижу посудомойку, шагающую по коридору в столовую с десятками тарелок на руках*»).

Вышеизложенное положение позволяет констатировать, что категория множественности в сопоставляемых языках может реализовываться на следующих языковых уровнях:

1. **Грамматический уровень** (в таджикском языке – суффиксы множественного числа существительных и местоимений, в немецком языке – определённый артикль **Die** и умлауты **Ä, Ö, Ü**):

«*Охир шаби дароз чӣ ҳангомаҳое ба худ дошта буданд ва инак ба чӣ ҳоле афтадаанд, бечора, абрҳо...абрҳо*» (Ю. Аҳмадзода. Ишқи духтари кулахпӯш, 78); «*Гапу гапҷаҳои шаҳрро ҳама аз ӯ мепурсанд. Ҳатто рақами телефони шиносҳои дуру наздиқашонро низ*» (Ю. Аҳмадзода. Ишқи духтари кулахпӯш, сах 36). – («*Все спрашивают его о городских сплетнях. Даже номера телефонов их близких и дальних знакомых*»).

2. **Словообразовательный уровень** (суффиксы, словообразовательные компоненты):

«*Ҳама дар огуши офтоб... Офтоби оламтоб. ... аз синаи замин бухор бархоста.. ... бухор... Ин аст ҳадяи баҳор...*» (Ю. Аҳмадзода. Ишқи духтари кулахпӯш, сах 47). – («*Все было озарено солнцем..... ...пар поднимается из земли.. ...пар....Это дар весны*»).

«*Занҳои мевафурӯи ... якбора аз ҷой бархоста ба Яков дарафтанд*» (Ю. Аҳмадзода. Ишқи духтари кулахпӯш, сах 11). - «*Da erhoben sich die Nachbarinnen und fingen an zu schimpfen....*». – («*Женщины, торгующие фруктами... тотчас встали и пошли к Якову*»).

3) **Лексический уровень** (собирательные существительные → *тӯда*) - «*Haufen*» – «куча», местоимения – «*ҳама*», «*ҳамагӣ*», «*баъзе*», «*баъзеҳо*» – «некоторые», «*Menge*» – «множество», «*viele*» – «многие», «*einige*» - «некоторые», «*beide*» – «оба»; глаголы – «*бисёр шудан*», «*ҷамъ шудан*»; «*sich vergrößern*» – «увеличиваться», «*sich sammeln*» – «собирать»; наречия – «*дур-дур*», «*кушод-кушод*», «*гоҳ-гоҳ*», «*бисёр*», «*аҳъенан*»; «*тез-тез*»; «*selten, oft*» – «редко», «часто»). Рассмотрим примеры:

«*Хоча Ҳовз ба дарवेशону орифон сӯҳбат доштӣ ва аҳъенан ба сӯҳбати ҳуқком ва судур расидӣ*»; *Дар мамалаки ӯ номи дузд касе нашунидӣ; агар аҳъенан моли тоҷире ё фақире дузд мебурд, ... аз хазона ба вай расонидӣ*» (Фарҳанги Забони Тоҷикӣ. 1. Саҳ 122); «*Дарахтҳо кушод-*

кушод шинонда шудааст»- («Ходжа Хавз, ты беседовал с дервишами и мудрецами, а иногда вступал в беседу с правителем и вождем»; В его стране вы не слышали имени вора; если вор украл имущество купца или бедняка,... ты доставил ему его из казны»).

«Якчанд дақиқа вай дудила шуда монд» (Б.Ҳ., саҳ 9). *Er stand einige Augenblicke in Zweifel ...* («некоторые время он не был уверенном»).

4. **Лексико-синтаксический уровень** (перечисления, повторы (редупликация), сочетания – «майда-майда» – «медленно»; «ein Glas Tee» – « стакан чая»):

«Майда-майда қадам мондан» («идти гуськом»); «пурсида-пурсида Маккаро ёфтаанд» («Расспросами Мекку разыскали»); «пурсон-пурсон – Хуросон» («Язык до Киева доведёт»); «Майда-майда хеле шавад. Қатра-қатра селе шавад». – «Мало-помалу – много станет, капля по капле – поток»; «Қатра-қатра кӯле шавад, андак-андак хеле шавад.» – «Капля за каплей – образуется озеро, из немного получается многое». «Қатра-қатра чамъ шавад, дарё шавад». – («Капля по капле – образуется море»); «Кам-кам чун оҳуе дар ҳарос мехӯрад».

«Пасон дар истаконаш чой кашидам, ки қулте чанд бинӯшид. Ниҳоят шиорате кардам, ки бархост.» *Аз фароз даста-даста гулҳояш чидам. Ў менишаст ва аз он гулҳо чанбарае мебофт ва даври гардани булӯраш ҳамоил мекард»* (Ю. Аҳмадзода. *Ишқи духтари кулаҳпӯш*, 79); («После этого я налил ему в чашку чая, и он немного выпил. Наконец я сделал жест, чтобы встать». *Я собирал букеты. Он сидел, носил венок из этих цветов и носил стеклянное ожерелье на шее»*).

«Акнун он хӯшаҳои бодбурдаро мехост аз хирмани хаёлаш **дона-дона** бозчинад. Аммо ҳама гӯшу ҳуш. Бидуни ҳарфе» (Ю. Аҳмадзода. *Ишқи духтари кулаҳпӯш*, 75). («Теперь он хотел собрать гроздь ветра из своего воображаемого по частям. Но все уши и разум. Без слов»).

#### 5. **Внутренняя импликация:**

«*Sie nickte ihm zu und trippelte hinter ihm her*» (С. Albert. Die Pest). – «Вай сар ҷунбонда, зуд аз пасаш рафт».

«*Ein Dutzend kleiner schwarzer Gestalten trat aus der Kirche und trippelte der Stadt zu*» (С. Albert. Die Pest). – «Як туда суробҳои хурди сиёҳ аз калисо баромада ба ҷониби шаҳр ҳаракат карданд». («Дюжина мелких черных фигур вышла из церкви и подступила к городу»).

«*Als schmale Sichel schwimmst du wie ein Schiff ohne Mast durch den weiten Weltraum. Hütest die Schar der Sterne, wie ein hagerer Schäfer seine Herde*» (С. Albert. Die Pest). – «Ламифу мавзун, чуни киштии орзуҳо, монанди галера бе бодбон дар фазо ҳавасҳо шино мекуни ва худро мисли ҷӯпони ситорабоне тасаввур мекуни, ки рамаро мебонад". – («Изящная и стройная, словно корабль мечты, скользишь в пространстве, точно галера без снастей, и кажешься пастухом звезд, стерегущим стадо»).

«*Es gibt eine ganze Schar von ihnen*» (I.S., Seite 88). - «Он ҷо як тӯдаанд». – («Их там целая толпа»).

Как видно из приведённых выше примеров, в одно микрополе включены лексические единицы с различным набором семантических признаков.

Своеобразие языков также проявляется в том, что лексические единицы с семантикой «квантитативности» могут входить в микрополя, не имеющие семантики «количества». Так, например, в таджикском языке слово «**қариб**» (*приблизительное количество*), входит в микрополе «родство».

Важно заметить, что при полевом аспекте учитывается не только основное значение языковой единицы, но также принимается во внимание контекст и его влияние на семантику лексической единицы. Так, например, при исследовании лексических единиц с семантикой количества, являющихся компонентами сложных слов, акцент делается не только на синтаксическую связь, но при этом также учитывается семантика слова, словосочетания или предложения.

Исходя из данного положения в одно микрополе могут быть объединены совершенно разные конститuenty [Кунанбаева 1988: 123]. В немецком языке слова «*Feuerregen*» и «*Blumenmeer*» входят в одну группу на основе семантики «собирательности», которую они получают под влиянием первого компонента в результате метонимического переноса. В связи с этим, мы можем говорить о комплексном подходе при описании категории квантитативности, также легко выявить разноуровневые взаимодействия семантических признаков, которые составляют лексическую единицу. Это, на наш взгляд, основное преимущество полевого подхода при сопоставительном исследовании и сопоставлении языков.

Функционально-семантический аспект исследования языковых структур позволяет выявить языковые средства, посредством которых выражается «идея количества», то есть экстралингвистический фактор. При полевым подходе можно выявить степень «оязыковлeния» понятий «квантитативности» на разных уровнях конституирования, при котором превалирует экстралингвистический фактор, подчиняющий структуру языка. Следовательно, полевым подход можно считать многосторонним, так как проводится с учётом других мыслительных категорий.

### **3.2. Полевой анализ категории определённости в таджикском и немецком языках**

В сопоставительном аспекте исследований семантической сферы *singularia tantum* не уделялось достаточно внимания как самостоятельному системному образованию. Исследование семантической сферы *singularia tantum* проводилось исключительно в рамках грамматической категории единичности и множественности. Анализ функциональной специфики существительных *singularia tantum* с семантикой «определённости» в рамках таджикского и немецкого дискурса позволил выявить прагматическое многообразие микрополя «определённость» в коммуникативном пространстве.



Теория функционально-семантических категорий впервые была разработана А.В. Бондарко. Согласно точке зрения А.В. Бондарко, мыслительные категории репрезентируются в семантической структуре лексических единиц, связанные с языковыми средствами [Бондарко 1985: 56]. Исследованию концепции функционально-семантического поля посвящены работы немецких учёных К.Е. Зоммерфельд, Г. Михель, Г. Штарке.

Так как для нашего исследования актуален анализ существительных *singularia tantum* с семантикой «определённости» (функционально-семантический аспект), то, придерживаясь позиции Е.В. Падучевой, мы выбираем семантико-прагматический тип микрополя [Падучева 1985: 3-25].

Проблеме семантических полей посвящено немало работ как отечественных, так и российских исследователей [Ф.Х. Носирова, Н.И. Каримова, Т.М. Тагоева, У.А. Гадайбаева, Ш.Б. Рахимова, Ф.Ш. Салихов, М.М. Имомзода, М.А. Сидикова, Д.Х. Ахмедова, Ш.Б. Каримов; Ю.Н. Караулов, З.Н. Вердиева, А.И. Дмитриева, М.А. Куруськина, М.Г. Ковтунович, Л.С. Морозов, Т.В. Леонтьева, И.С. Парина, М.В. Всеволодова, О.Г. Алихина, Т.Д. Фомина, Т.И. Ретинская, А.В. Терентьева, Ю.В. Соколова, А.И. Зорин, Е.В. Пригодина, Л.С. Холкина, М.Д. Войкова, М.М. Дахмаева, Т.В. Романова, О.Д. Сурикова, И.А. Киселёва].

Дискурсивное исследование позволило установить, что значение «определённость» возникает в коммуникативном пространстве при условии, что адресант с целью отождествления предметов, явлений предлагает достаточное количество признаков и свойств.

В ходе анализа языкового материала нами были выделены следующие факторы идентификации значения «определённость»:

- 1) фактор единичности;
- 2) фактор конкретности;
- 3) фактор реальности.

Условием выделения прагматической ценности в сравниваемых языках выступает показатель известности предмета в коммуникативном акте.

Согласно правилам построения поля любого типа, необходимо установить, какие элементы образуют центр, какие – его периферию. Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс доминирующим конституентом поля считают языковую единицу: 1) наиболее специализированную для данного значения («определённости»); 2) передающую значение «определённости» однозначно; 3) используемую в контекстах систематически [Гулыга 1987: 6].

Согласно точке зрения В.Г. Адмони, основой любого поля является противопоставление «центр – периферия». Ядро поля представляет собой концентрацию свойств / качеств, а также полнота / максимальная интенсивность. А периферия поля – разряженность и ослабление указанных свойств / признаков [Адмони 1986: 69].

Ядро функционально-семантического поля, как отмечает А.В. Бондарко, должна образовать морфологическая категория, если она есть среди компонентов анализируемого поля. В морфологической категории сосредоточены индивидуальные языковые средства выражения. Будучи «замкнутой системой», морфологическая категория представляет собой комплекс отличительных семантических свойств / признаков [Бондарко 1985: 125].

Вопрос о семантике и природе категории определённости весьма сложен. Показательно в этом отношении мнение В.Г. Адмони о многообразии и пестроте передаваемых артиклем значений, ведущих к невозможности выделения их постоянных инвариантов [Адмони 2003: 67]. Тем не менее, выделение как категориального, так и реализующих его вариантных значений имеет, помимо чисто теоретического, также большое практическое значение, так как правила употребления артикля до сих пор отличаются в нормативных грамматиках значительной противоречивостью и трудны для усвоения.

В общем плане семантику артикля можно представить себе как идентификацию предмета в определённой ситуации в качестве единственно мыслимого элемента некоторого предметного класса, представляемого как известного или неизвестного адресату речи [Адмони 2003: 70]. Как своеобразный актуализатор имени в отдельном высказывании значение определённости, таким образом, в известной мере сближается со значением числа, что проявляется в максимальной дифференциации соотносительных значений артикля у конкретных существительных. Использование артикля при абстрактных, вещественных, собирательных и собственных именах довольно противоречиво.

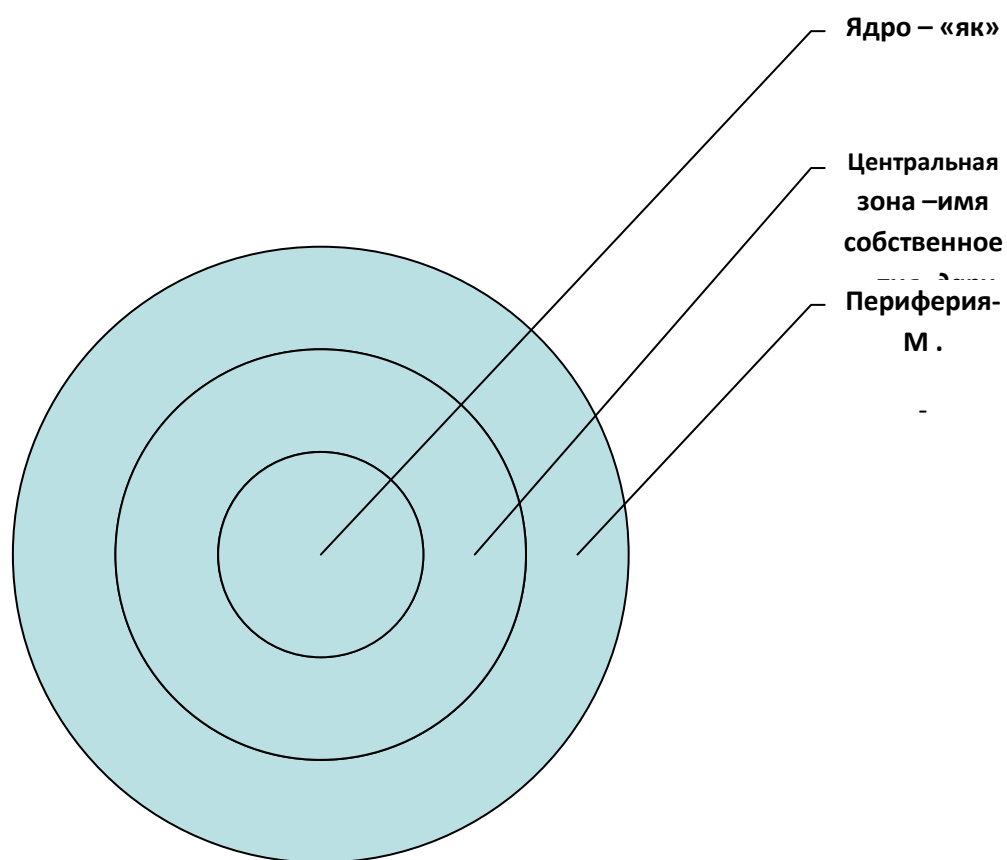
Приступая к анализу семантического поля определённости, следует подчеркнуть, что передаваемое соотносительными формами артикля значение определённости – неопределённости есть лишь своеобразная реализация некоторого универсального значения, определяемого как выделение и идентификация, связанные «... с вводом в речевое сообщение «новых», то есть ранее не упоминавшихся, предметов» [Адмони 2003: 67]. Значение идентификации предметов представлено и в так называемых безартиклевых языках, однако средства его выражения здесь менее регулярны, не образуют поля грамматической категории, хотя и объединяются в определённую систему. Наиболее известными из таких средств являются: указательные местоимения, частицы, порядок слов, интонация. Эти средства представлены и в артиклевых языках, но сгруппированы они вокруг морфологического ядра.

Вследствие этого универсальное содержание категории определённости в артиклевых языках грамматически чётко оформлено, а организуемое этим содержанием поле более чётко структурировано, чем в безартиклевых языках.

Анализ языкового материала позволил выделить ядро семантико-прагматического микрополя «определённость» в таджикском языке –

числительное «**як**» – «**один**», так как обладает высоким прагматическим потенциалом, также покрывает все качества / свойства семантической сферы «определённость» - конкретность, индивидуальность.

В таджикском языке микрополе с семантикой «определённость» имеет трёхмерную структуру. Ядро поля образует числительное «**як**» – «**один**». Центральную зону составляют лексические единицы единственного числа с семантикой «собираемости» («**пул**», «**дару девор**»), а также – имя собственное. Периферию составляют местоимения.



« – Алҳақ. Дуне ҳамчунин аст. Ҳарчанд ба **як** тир гардад, он низ ду сар дорад: ҳам ин.... ҳам он» (Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулаҳпӯш,

сах 67); – («– Альхак. Мир тоже. Несмотря на то, чтобы стать пулей, у него также есть две головы: обе эти.... это тоже»);

*«Дигар бо табассум фароҳу мармуз ва як навъ виқор афзуд: Мо низ ... ҳамеша гӯш ба фармонашон...»* (Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулаҳпӯш, сах 67); – («Еще один с улыбкой загадочный и своего рода вибратор добавил: Мы тоже... всегда слушаем их приказания...")

*«Яке олуда кас бошад, ки шаҳреро биелояд, Чу аз говон яке бошад, ки говонро кунад рихин»* (Рӯдакӣ). – («Один грязный оскверняет целый город, Подобно тому, как из-за одной коровы целое стадо обвиняют в поносе»);

*«Якero гуфтанд: «олими бе амал ба чӣ монанд?» Гуфт: «ба занбӯри беасал».* – («Наука (теория) без практики – бесполезные усилия»);

*«Як шох, ки мевае диҳад тар, Беҳтар зи ҳазор боғи бебар»* (Хусрав Дехлавӣ). –

(«Одна ветвь, что даст свежий плод, лучше тысячи садов, не дающих плодов»).

*«Шакарпошаи зи як паллаасту аз дигар фҷалосангаи»* (Рӯдакӣ). – («Из одной чашки сыплет сахар, а из другой – пращные камни». *«Қасди Исоро аз Мӯсо гирифтанд»* – («Прогневался на Ису, а накинулся на Мусу», то есть виноват один, а отвечает другой»);

*«Хари Исо агар ба Макка равад, Чун биёяд, ҳанӯз хар бошад»* (Саъдӣ). – («Иисуса, хоть в Мекку пойдёт, придёт всё равно (останется ослом»); *«Аз Лукмон-ҳаким пурсиданд, ки кадом биност, ки ҳаргис хароб намешавад?»* – Гуфт: «Адл». – («У мудрого Лукмона спросили: какое здание никогда не разрушится? Он ответил: «Справедливость»)

В немецком языке на основе анализа языкового материала было установлено: ядро микрополя «определённость» образует определённый артикль, покрывающий всю семантическую сферу определённости, конкретности. Микрополе «определённость» в немецком языке имеет четырёхмерную структуру: ядро поля, центральная зона, переходная зона и периферия.

Центральную зону образуют неопределённый артикль, указательные местоимения, количественные числительные, наречия, глаголы «*feststellen*», «*bestimmen*». Переходную зону составляют модальные лексические единицы – «*bestimmt*», «*sicherlich*», «*genau*», «*natürlich*,» неопределённые местоимения единственного числа. Периферию образуют притяжательные местоимения и дробные числительные.

Языковые средства, входящие в переходную зону, обладают низким эффектом воздействия на адреса при обозначении определённости и самый низкий эффект влияния у конstituентов периферийной зоны.

Приведём примеры:

«*Höre ich etwa solche Scherze von Ihnen zum erstenmal?*» (S.A. Der Tod des Wucherers., Seite 19). – « ... ман ин гуна ҳазлҳои ҷиддинамои шуморо **акнун** нашунидаам». ( Марғи судхӯр А.С., саҳ 17)- (« разве в первые я слышу от вас потобные шутки») (Смерть ростовщика, С.Айни стр 29)

Слово «**акнун**» можно перевести на русский язык как – «в первый раз».

«*Es war das erste Mal, daß ich mir ein Taxi leistete, und wenn je ein Mensch ein Taxi verdient hat, dann war ich es an diesem Abend*». (В. Heinrich. Ansichten eines Clowns). – «Дар ин муддат бори аввал буд, ки ба такси менишастам ва агар рӯзе ҳам касе ба такси киро кардан сазовор бошад, пас ин одам ҳамон шаб ман будам». – («Это был первый раз, когда я взял такси, и если когда-либо человек заслуживал такси, то в тот вечер это был я»).

Глаголы «**feststellen**», «**bestimmen**»:

«*Wenn Sie sich an die Kunststücke der Mnemotechnik erinnern, so werden Sie mit einigem Befremden feststellen, daß man Namen infolge derselben Zusammenhänge vergißt, die man sonst absichtlich herstellt, um sie vor dem*

*Vergessen zu schützen*». (F. Sigmund. Einführung in die Psychoanalyse ). – «Агар шумо дастовардҳои мнемотехникаро ба хотир дошта бошед, пас бо андаке хиҷолатзадагӣ ба хотир меоред, ки номҳоро дар натиҷаи ҳамон робитаҳое, ки ба хотири фаромӯши нашуданишон нияти сохтани онро доред, ба гӯшаи фаромушӣ месупоред». – («Если вы вспомните достижения мнемотехники, то с некоторым смущением обнаружите, что вы забываете имена в результате тех же связей, которые вы намеренно создаёте, чтобы защитить их от забвения»);

«*Man kann bei Else Woltersheim verstärkte gesellschaftsfeindliche Tendenzen feststellen, die zu mildern nicht einmal Konrad Beiters gelingt*». (B. Heinrich. Die verlorene Ehre der Katharina Blum). – «Дар Элза Волтерсхайм тамоюли тақвиятёбандаи хусуматноки ҷамъиятиро зоҳир кардан мумкин аст, ки фурӯ нишондани он ҳатто ба Конраду Байтерс даст намеред». – («У Эльзы Вольтерсхайм можно обнаружить усилившиеся общественно враждебные тенденции, смягчить которые не удаётся даже Конраду Байтерсу»).

Модальные лексические единицы с семантикой «утверждения» - «*bestimmt*», «*sicherlich*», «*genau*», «*natürlich*»:

«*Obwohl sie genau wußte, daß seine Vorstellungen vom schnellen Geld ("Ich komme dann nur noch, um die Tageseinnahmen abzuholen.") völlig an der Wirklichkeit vorbeigingen. Sie konnte ihm nicht widersprechen*» (E. Ute. Gute Maedchen kommen in den Himmel, Boese überall hin). – «Бо вучуди он ки аниқ медонист, ки тасаввуроти ӯ дар бораи пулҳои бедарди миён («Набошад ман фақат барои он меоям, ки пули савдои рӯзона бигирам») аз ҳақиқат дур аст. Ӯ бо онҳо розӣ шуда наметавонист». – («Хотя она точно знала, что его представления о быстрых деньгах ("Тогда я приеду только для того, чтобы забрать дневную выручку") далеки от реальности, она не могла не согласиться с ним»);

«*Dagegen habe ich stets großen Wert darauf gelegt, daß meine Schüler ihre Achtel und Sechzehntel hübsch genau zählten*» (H. Hermann. Das Glasperlenspiel). – «Аз тарафи дигар ман ҳамеша ба он беиштар тавачҷуҳ

зоҳир мекардам, ки шогирдонам ҳаштум ва шонздаҳуми худро нисбатан аниқтар ҳисоб кунанд». – («С другой стороны, я всегда уделял большое внимание тому, чтобы мои ученики довольно точно подсчитывали свои восьмые и шестнадцатые»).

Наречия «*nie*», «*nach links*», «*nach rechts*», «*immer*», «*niemals*» – «**никогда**», «**влево**», «**вправо**», «**всегда**», «**никогда**»:

«*Mir waren **nie** vergönnt, Zellen zu kaufen*» - *antwortete er. «Ich besaß von klein auf kein Bargeld und besitze noch heute keins»* (S. A *Der Tod des Wucharers, Seite 47*). – («Мне **никогда** не разрешали покупать клетки», - ответил он. «Когда я был маленьким, у меня не было денег, и их нет до сих пор»).

«Ман ҳуҷраи зархарид надорам, - гуфт *ӯ* бо оҳанги қиддӣ ва илова намуд, - **зотан** ман зар, яъне пули нақд **надорам**» (Марги судхӯр А.С., сах 39). – («Самому мне никогда не доводилось покупать худжры, объяснил он. - у меня отроду не было и нет наличных денег»).

«*Kori-Ischkamba sah nicht **nach links** und nicht **nach rechts***» (Der Tod des Wucharers, Seite 15). – «Аммо Қоришикамба на ба чинифурӯи нигоҳ мекард ва на ба нонфурӯи» (Марги судхӯр А.С., сах 15). – («Кори-Ишкамба не смотрел ни налево, ни направо»).

«- **Ҳеч вақт** ёфт намешаванд ...» (Марги судхӯр А.С., сах 35). – «*Hier können Sie unseren Herrn und Gebieter **niemals** antreffen*» (S.A *Der Tod des Wucharers, Seite 42*). «Здесь вы их никогда не сможете найти».

«*Ich sah ihr, weiß ich noch, fast neugierig zu; es kam mir vor, als könnte sie Dinge, die ich sie nicht gelehrt hatte, wie sie da unten so eigenmächtig herumtastete mit Bewegungen, die ich **nie** an ihr beobachtet hatte*» (R. Rainer Maria. Die Aufzeichnungen des Malte Laurids Brigge). – «Ман ба *ӯ* менигаристам, бо шавқ дар ёд дорам; чунин менамуд, ки *ӯ* кореро карда метавонад, ки барояш наомӯхтаам, зеро вай худписандона дар поён кофтуков мекард, мӯйинаҳоро бо ҳаракатҳое ламс мекард, ки ҳеч гоҳ аз *ӯ* мушоҳида накарда будам». – («Я смотрел на неё, помню, почти с



любопытством; мне казалось, что она может делать то, чему я её не учил, так как она так самодовольно шарила там, внизу, ощупывала мех движениями, которых я **никогда** не наблюдал за ней»).

Неопределенный артикль **Ein** :

«In **einer** bedeutenden Stadt meines lieben Vaterlandes, Deutschlands, lebte vor vielen Jahren **ein** Schuster mit seiner Frau, schlicht und recht». – «Буд набуд, дар **як** замони қадим кафшдӯзе буд. Фридрих ном дошт. Ҳамроҳи занаш Ханна дар **яке** аз шаҳрҳои бошукӯҳи Олмон зиндагонӣ мекард» (Ю.Аҳмадзода *Ишқи духтари кулаҳнӯи, саҳ 2*). – («Много лет назад в городе моей родины, Германии, сапожник жил со своей женой просто и честно»).

«**Eines** Morgens, als die Frau Ahavzi ausgegangen war ...». – «**Як нагоҳӣ** вақте, ки кампир дар хона набуд ...» (Б.Ҳ., саҳ 12). – («Однажды утром, когда миссис Ахавзи вышла...»).

Неопределённый артикль немецкого языка **ein** не всегда переводится на таджикский язык как слово «**як**» – «**один**», также к существительному присоединяется неопределённый артикль **-e**, приобретая форму неопределённости в таджикском языке. Следующие примеры могут служить в качестве доказательства сказанного:

«**Рӯзе** аз рӯзҳо бо он дӯстам дар лаби ҳавзи Девонбеги шаҳри Бухоро, ки ягона сайронгоҳи он шаҳр буд, саёҳат карда мегаштем ...» (Марғи судхӯр А.С., саҳ 8). – «**Eines** Tages ging ich mit diesem Freund in der Nähe des Dewonbegi – Teiches spazieren, dem einzigen Ort in Buchara, wo man sich erholen kann» (S.A Der Tod des Wucharers, Seite 7). – («Однажды я гулял с этим другом возле пруда Девонбеги, единственного места в Бухаре, где можно отдохнуть»).

«... ҳатман барояш **чизе** тӯҳфа мекарданд: магар шоҳаи гуле, ё кулчақанде, ё камтарак пуле» (Ю.Аҳмадзода *Ишқи духтари кулаҳнӯи, саҳ 2*). – «... und selten kam er von einem solchen Gang zurück ohne **eine schöne**

*Blume oder ein Stückchen Geld oder Kuchen*. – («...и он редко возвращался с такой прогулки без красивого цветка, денег или торта»).

«Занам **оуначае** дошт, ки намедонам куцое гузошт» (Ю. Ахмадзода *Ишқи духтари кулаҳпӯш*, сах 14). – «*Meine Frau hat ein Spiegelchen, ich weiß aber nicht, wo sie es verbogen*». – («У моей жены есть зеркало, но я не знаю, где она его оставила»).

Притяжательные местоимения единственного числа «**mein**», «**dein**», «**sein**», «**ihr**»:

«*Doch ich nenne zwei, drei Zellen mein eigen, die mir mein selliger Vater vererbt hat*» (Der Tod des Wucharers, Seite 47). – «Дуруст аст, ки ду-се хучра дорам. Аммо онҳо ба ман аз падари марҳумам мерос мондаанд» (Марги судхӯр А.С., сах 39). – («Но две-три кельи я называю своими, которые мне передал мой блаженный отец»).

«*Ich ging in mein Zimmer und holte eine Flasche Kognak und ein Glas*» (R. Erich Maria. Drei Kameraden). – «Ман ба хучраи худам рафта, як шиша коняк ва чоме гирифтам». – («Я пошёл в свою комнату и достал бутылку коньяка и бокал»);

«*Wie mein Vater zu sagen pflegte: »Aufgabe des Soldaten ist es, den Feind zu bekämpfen und ihn nicht bloß anzufurzen*». (Ambler, Eric / Schmutzige Geschichte). – «Тибқи маъмул, падарам мегуфт: «Кори сарбоз бо душман ҷангидан аст, на ба тарафи ӯ гузаштан». – («Как, бывало, говорил мой отец: «Солдатская работа – сражаться с врагом, а не **пердеть** в его сторону»).

Дробные числительные:

«*Nein, auf so etwas gehe ich nicht ein! Da verlöre ich ein Viertel des Einkommens, das mit die Tjubetekas einbringen*» – sagte Kori-ischkamba (Tod des Wucharest, Seite 20). – «Не, ин кор ба ман баробар намеояд ва дар он вақт ман қариб **чоряки** пули тоқиҳоро аз даст медиҳам, - гуён Қоришишкамба рафтан хост» (Марги судхӯр А.С., сах 18). – («Нет, я не

буду вдаваться в подобное! Я потеряю **четверть** дохода, который приносят тибетейки", - сказал Коршикамба»).

"*Ich werde diese Flasche zu **einem Drittel** mit "Amor und Psyche" füllen*". (S. Patrick. Das Parfum: Die Geschichte Eines Morders). - «*Ин обдонро дар сеяки «Амур ва Психея» ёд дорам*». – («*Я наполню эту флягу на треть «Амуром и Психеей»*»).

Как следует из вышеизложенного, генетическая и функциональная связь артикля с указательными местоимениями ведёт к тому, что он иногда включается в семантическое поле указательности (дейксиса). Однако из-за малой выразительности указательной функции у артикля следует, скорее, говорить о возможности различного отображения универсальной семантики идентификации, считая её реализацию в соотносительных формах артикля вариантом, связанным преимущественно с морфологическим уровнем. Именно в этом случае выражаемая соотносительными формами артикля категория определённости образует центр семантического поля идентификации и выделения.

По строению центр поля определённости чётко членится в немецком языке на ядро (как мы в этом убедились выше), конституируемое формами артикля в их первичном значении (совмещение значений определённости и темы у определённого артикля, неопределённости и ремы – у неопределённого), и пояс форм во вторичных значениях (например, значение ремы у определенного артикля в предложениях типа «*Da kam der Dekan*» – «*декан омад*» («*декан пришёл*»)) или значение определённости у неопределённого артикля в предложениях типа «*Das ist ein Tisch*», – «*ин миз аст*» («*это стол*»); «*Ich habe einen Bruder*» – «*манн бародар дорам*» («*у меня есть брат*»)).

Как показали результаты исследования, в немецком языке семантический центр делится на два микрополя: определённости – темы и неопределённости – ремы; при этом во втором выделяются зоны

утвердительного и отрицательного артикля (соответственно «*ein*» и «*kein*»).

Выделенные микрополя представлены и на периферии поля определённости. Периферийные средства обнаруживают при этом различную связь с функциями идентификации и разграничения темы и ремы.

Синтаксические средства (порядок слов и интонация) служат актуальному членению высказывания и вместе с артиклем образуют в немецком языке достаточно сложные комбинации, обеспечивающие передачу весьма тонких оттенков значений.

Что касается лексико-грамматических средств (местоимений), то, в отличие от синтаксических, они заменяют артикль и, подобно ему, обычно сочетают значения определённости-неопределённости соответственно со значениями темы-ремы. Переход от центра поля к периферии оказывается в этом случае постепенным из-за омонимии артикля и ряда местоимений, обусловившей толкование артикля как местоимения в отдельных случаях его употребления (например, возможность перевода и коррелятивный характер «*das*» в предложении «*Ich will dir das Haus zeigen, in dem ich geboren bin*». – «Ман мехоҳам хонаеро, ки ман таввалуд шудам ба ту нишон диҳам» («Я хочу показать тебе дом, где я родился»).

Здесь нельзя не согласиться с А.С. Зеленецким, который отмечал: «решать вопрос об отнесённости той или иной единицы к классу артикля или же местоимений, основываясь на её обязательном или же соответственно факультативном характере» [Зеленецкий 1997: 121]. Это означает, что во всех случаях, когда употребление при существительном единиц типа «*der*» и «*ein*» обязательно, диктуется нормами языка, следует говорить об артикле.

Как показало исследование, конститuentы периферии поля определённости местоимения достаточно чётко распределяются по микрополям. К микрополю определённости-темы принадлежат

указательные местоимения в атрибутивном употреблении («*der*», «*die*», «*das*»; «*dieser*», «*diese*», «*dieses*»; «*jener*», «*jene*», «*jenes*»). К микрополю неопределённости – ремы относятся соответственно неопределённые местоимения (в первую очередь: «*ein*», «*eine*», «*ein*»; «*irgendein*», «*irgendeine*», «*irgendein*»), часть которых («*mancher*», «*etlicher*», «*alle*», «*viele*», «*wenige*») являются также неопределёнными числительными. Тем самым в своей периферийной части поле определённости перерастает в поля указательности (микрополе определённости-темы) и числа (микрополе неопределённости-ремы).

Крайнюю периферию поля определённости образуют определение существительного как чисто лексического средства (их использование не исключает употребления артикля, хотя и обуславливает выбор его форм). По большей части они связаны с микрополем определённости-темы, хотя некоторые контекстные условия вызывают неопределённость сопровождающего существительного прилагательного, который оказывается в этом случае ремой.

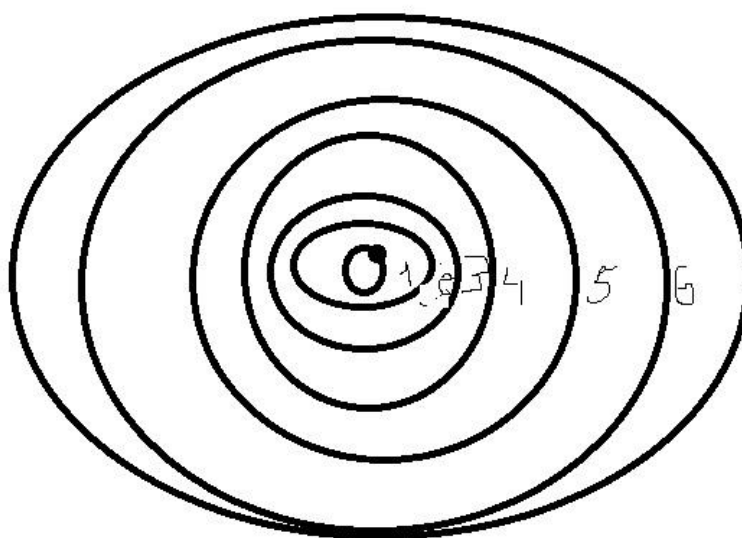
Описанное объединение довольно разнородных средств вокруг артикля как центрального конституента поля определённости является характерологической особенностью артиклевых языков, к каковым относится немецкий, существенно отличающей их от языков безартиклевых, в частности, таджикского.

В безартиклевых языках универсальная семантика идентификации имени реализуется средствами, лежащими на периферии поля определённости артиклевых языков. Так, ведущими способами членения высказывания в таджикском языке является порядок слов и интонация. При этом следует заметить, что большая свобода порядка слов в таджикском языке по сравнению с немецким языком, несомненно, связана с отсутствием в нём артикля и частично компенсирует его. Следовательно, наличие артикля и степень свободы словопорядка могут осмысляться как обратно коррелирующие признаки и тем самым имеют важное значение для характерологии языков.

Средства передачи значений указательности (дейксиса) и количественной неопределённости в таджикском языке в принципе аналогичны существующим в немецком языке. Однако степень соприкосновения этих значений из-за отсутствия грамматической категории определённости в таджикском языке меньше, а сами языковые средства носят преимущественно лексический характер, то есть грамматикализация их минимальна. Иными словами, таджикский и немецкий языки различаются своим отношением к языку-эталону; наличие центральной зоны в немецком языке обуславливает представленность здесь практически всех узлов от 1-го до 6 – го, тогда как средства таджикского языка охватывают узлы 3 – 6, не достигая морфологического уровня.

Суммируя изложенные соображения, можно построить достаточно наглядный графический образ: 1 – ядро поля, 2 – формы во вторичных значениях (1 и 2 вместе – центр поля), 3 – синтаксические средства, 5 – лексико-грамматические средства, 6 – лексические средства (3, 4, 5, 6 вместе – периферии поля).

В этой схеме различные языковые средства отображаются соответствующими концентратами, составляющими, за исключением ядра, определённые пояса поля.



Наиболее близок артиклю в таджикском языке постпозитивный послелог – *ро*, указывающий на известность имени. Например, «*китоберо хондам*» – («*прочитал книгу*»). Значение определённости совмещено при этом со значением темы, так что параллелизм с определённым артиклем весьма значителен.

Многогранность поля «определённость» в системе разноструктурных таджикского и немецкого языков обусловлена многозначностью языковых средств, репрезентирующих семантику «определённость». В таджикском и немецком языках языковые средства показывают разный уровень прагматической информации, связанной с позицией адресанта и ситуацией общения.

Разнообразие элементов поля «определённость» указывает на маркированный характер положительного противочлена оппозиции определённость / неопределённость и необходимость рассматривать «определённость» как релевантный фактор в коммуникативном пространстве.

### **Выводы по третьей главе**

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать следующее.

1. При анализе одного или сравнения нескольких языков необходимо выявить языковые универсалии, которые являются основой исследования языков.

2. Полевой подход выступает эффективным способом описания категорий квантитативности и определённости в системе разноструктурных языков.

3. Понятия, сформировавшиеся в сознании о конкретном участке действительности, проходят этап языковой объективизации. Итогом объективизации являются лексикализованные и грамматикализованные языковые единицы.

4. Многообразие элементов микрополя «определённость» в таджикском и немецком языках выступает доказательством прагматической актуальности репрезентации семантики определённости в дискурсе.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным содержанием категории числа в системе разноструктурных языков, каковыми являются сопоставляемые нами в данной диссертационной работе таджикский и немецкий языки, выступает противопоставление семантики «единичности» и «множественности».

Средством номинации неисчисляемых понятий, чуждых идее счёта, выступают в сопоставляемых языках лексические единицы *singularia tantum* из разряда имён существительных собирательных, вещественных и отвлечённых (абстрактных).

Анализ фактического материала позволил установить, что существительные в форме *singularia tantum* могут обладать полной парадигмой числа, то есть иметь не только форму единственного числа, но и в определённых контекстах форму множественного числа.

В таджикском и немецком языках отвлечённые имена существительные характеризуются тем, что форма единственного числа



является для них актуальной, исходя из семантики данной категории слов. В сравниваемых языках наблюдается процесс абстракции, то есть отвлечения или абстрагирования, заключающийся в движении от конкретной семантики к абстрактной.

Вещественные и отвлечённые имена характеризуются противопоставлением единичности / множественности.

Употребляясь в форме *pluralia tantum*, имена вещественные обозначают различные сорта, виды веществ. Форма числа влияет на семантику существительных.

Спецификой собственных имён существительных является употребление их главным образом в форме единственного числа, за исключением тех случаев, когда они имеют нарицательное значение, становясь эпонимами. Сближение имени собственного с именем нарицательным идёт по линии включения в его содержательную структуру характеристик, основанных на наиболее устойчивых и ярких ассоциативных связях имени.

Было установлено, что заимствованные слова в сопоставляемых таджикском и немецком языках имеют форму единственного числа.

Достаточно часто используемыми компонентами фразеологических единиц в таджикском языке являются сингулятивы – единичные имена существительные.

Главные расхождения форм единичности и множественности были выявлены при сравнении грамматических средств выражений в сравниваемых таджикском и немецком языках.

Для собирательных существительных в таджикском языке характерны словообразовательные суффиксы *-ї (-гї)*, *-от (-вот, -чот)*, *-ин, -ур(а)*. Следует заметить, что некоторые собирательные имена существительные не имеют морфологических признаков.

Наиболее распространённым суффиксом со значением собирательности в таджикском языке является суффикс – *ї (- гї)*, а в немецком - суффикс *-schaft*.

В таджикском языке существуют собирательные существительные, которые имеют только форму *singularia tantum*, обозначая множество предметов: «*халқ*» – «народ», «*мардум*» – «люди», «*тӯда*» – «куча», «*груда*», «*кабудӣ*» – «зелень» и др.

В таджикском предложении при подлежащем, выраженным собирательным существительным, глагол-сказуемое может стоять в единственном числе: «*Оилаи вай калон аст*». – «Его семья – большая». «*Халқ интизор аст*» – «Народ ждет».

Именами единичными в таджикском языке называются прежде всего специфические образования имён существительных с суффиксами **-ак**, обозначающие единичный предмет, выделенный из совокупности таких же однородных предметов, например: «*нахӯд*» («горох»)- «*нахӯдак*» («горошек»), «*чормағз*» («орех») – «*чормағзак*» («орешек»), «*барф*» («снег») – «*барфак*» («снежинка»).

В таджикском языке используются арабские заимствованные слова, множественное число которых образованы внутренней флексией, к примеру: «*мактаб*» («школа») – *макотиб* (школы), «*олим*» («ученый») – *уламо* («ученые»).

В таджикском языке существительные, заимствованные из арабского языка, образуют формы множественности путем внутренней флексии и суффиксов **-от** ( **-ёт, -ат, -ят**), **-ин** и «ломаного множественного»: «*муаллимин*» – «учительство», «*ахборот*» – «новости». В современном таджикском языке «ломаное множественное» считается архаичным и употребляется крайне редко: «*уламо*» – «ученые», «*мударрис*» – «преподаватели».

В таджикском языке некоторые вещественные существительные имеют формц только единственного числа, в частности, существительные, обозначающие плоды, злаки, продукцию животноводства, материалы и др.: «*ангур*» – «виноград», «*гандум*» – «пшеница», «*гӯшт*» – «мясо», «*шир*»- «молоко», «*тилло*» – «золото», «*мармар*» – «мрамор», «*ангиштсанг*» – «уголь».

От прилагательных таджикского языка типа «нав», «зард», «балад» посредством суффикса – *ӯ (-гӯ)* образуются абстрактные существительные в форме *singularia tantum*, например: «навгонӣ» - «новизна», «зардӣ» – «желтизна», «баладӣ» – «высота».

В таджикском языке грамматическая категория числа глагола, будучи опосредованной, выражается с помощью личных окончаний. Глагольные лексемы со значением «одноактный способ действия», обозначают действие, совершаемое один раз, образуются при помощи суффикса –*ид* : «парид» - «полетел», «чаҳид» – «прыгнул».

Для некоторых местоимений таджикского языка свойственна только форма единственного числа («кӣ», «чӣ»), при этом они могут обозначать и несколько предметов («киҳ», «чиҳ»).

В отличие от немецкого языка, в таджикском языке отсутствует формальный показатель формы множественного числа имён существительных, которые употребляются в сочетаниях с именами числительными.

Суффиксами немецкого языка, характеризующими абстрактные имена, относящиеся к категории *pluralia tantum*, являются: *-tat*, *-heit* – *keit*.

В немецком языке раздельность выражения грамматических значений (граммем) числа и падежа наглядно прослеживается в форме дательного падежа множественного числа »*Nacht-e-n*».

В немецком языке для выражения семантики множественности используется комплекс языковых средств: суффиксы, внутренняя флексия (умлауты), артикль.

Суффиксами немецкого языка, характеризующими абстрактные имена существительные, которые употребляются в форме *singularia tantum* являются: *-te*, *-ie*, *ische - liche*, *-e*, *-isch*, *-tion*, *-en*, *-schaft*, *-heit*, *-ung*.

В немецком языке собирательные существительные образуются с помощью суффиксов *-heit*, *-urn*, *-turn*, *-schaft*, *-ei*, *-volk*, *-werk*, *-ling*, *-zeug*: «*Menschheit*», «*Freundschaft*», «*Bevölkerung*», «*Nahzeug*», «*Schuhwerk*».

Собирательные имена существительные, относящиеся к категории *singularia tantum* в немецком языке, также часто образуются с помощью префикса *ge-*, иногда при этом добавляется суффикс *-e*: «*Gedränge*», «*Gequieke*».

В немецком языке встречаются местоимения, которые в зависимости от лексического значения, имеют семантику только единственного числа: «*jede*», «*jeder*», «*nichts*», «*untenderen*».

Семантико-функциональная специфика прономинальной формы в безличных конструкциях немецкого языка зависит от характера субъектно-объектных отношений, которые устанавливаются через безличный предикат, а также от предикативного признака с логическим и семантическим субъектом. Предикативным признаком, то есть семантическим субъектом, является тот, кто совершает сознательно или несознательно действие.

В таджикском языке проблема предикации прономинальных контаминантов остаётся открытой.

Наиболее распространённым способом сочетания слов в таджикском языке являются изафетные конструкции, в которых существительные выступают не только в качестве определяемого слова, но и в роли определения («соати тилло» - («золотые часы»); «дили модар» - («материнское сердце»).

Синтаксическая специфика вещественных имён существительных таджикского языка проявляется в том, что в форме множественного числа данные существительные сочетаются с предикатом главным образом в форме единственного числа, при этом они выступают в роли субъекта.

Существительные с семантикой «совокупности лиц», образующиеся в таджикском языке посредством суффикса *-он (-ён)*, требуют предиката в форме множественного числа: «*Мардону занон имруз хеле фаъл буданд*» («*Мужчины и женщины сегодня были очень активны*»).

Немецкий язык также характеризуется портативностью (лаконичностью) словосочетаний. В группе существительного собранность и выделимость всей группы в целом достигается наличием рамки, образуемой самим существительным и артиклем и охватывающей все согласующиеся члены группы, а также постпозитивным примыканием к существительному всех несогласующихся членов.

Полевой подход выступает эффективным способом описания квантитативности и определённости в системе разноструктурных языков.

Понятия, сформировавшиеся в сознании о конкретном участке действительности, проходят этап языковой объективизации. Итогом объективизации являются лексикализованные и грамматикализованные языковые единицы.

Многообразие элементов микрополя «определённость» в таджикском и немецком языках выступает доказательством прагматической актуальности репрезентации определённости в дискурсе.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абакумов, С.И. Избранные труды по общему языкознанию / С.И.Абакумов. – Тула, 1987. –126с.
2. Абрамов, Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков / Б.А.Абрамов. – М.: Владос, 2001. – 342 с.
3. Абрамов, Б.А. Функционально-семантический подход при сопоставительно-типологическом изучении грамматических категорий глагола / Б.А.Абрамов // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука. 1987. – С.113-122.
4. Адмони, В.Г. Теоретическая грамматика немецкого языка. Строй современного немецкого языка / В.Г.Адмони. – М.: Просвещение. 1986. – 104с.
5. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис слов современного немецкого языка / В.Г.Адмони. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1955. – 392 с.
6. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка / В.Г.Адмони. – М.: Издат. центр «Академия», 2003. – 128 с.
7. Авалиани, Ю.Ю. К характеристике некоторых залоговых форм в современном таджикском языке (в сравнении с курдским языком) / Ю.Ю.Авалиани // Труды Самаркандского гос. ун-та им. А.Навои. Новая серия. Вып.269. – Самарканд, 1975. – С.2-20.

8. Азарх, Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю.С.Азарх. М.: Наука. 1984. – 247 с.
9. Азимова, М.Н. О сопоставительно-типологическом изучении таджикской фразеологии / М.Н.Азимова // Лингво-методологические вопросы преподавания иностранных языков. – Душанбе: Дониш, 1982. – 115 с.
10. Азимова, М.Н. Сопоставительный анализ фразеологических параллелей английского и таджикского языков / М.Н.Азимова. – Душанбе, 1999. – 115с.
11. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологическое исследование фразеологической системы таджикского и английского языков / М.Н.Азимова. – Душанбе, 2006. – 242 с.
12. Акуленко, В.В. Категория количества в современных европейских языках / В.В.Акуленко. – Киев: Наукова Думка, 1990. – 283с.
13. Акуленко, В.В. Англо-русский и русско-английский словарь "ложных друзей переводчика" / В.В.Акуленко; сост. В.В.Акуленко, С.Ю.Комиссарчик, Р.В.Погорелова, В.Л.Юхт; под общ. рук. [и с предисл.] доц. В.В.Акуленко. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 384 с.
14. Акуленко, В.В. Поле неопределенно большого количества в современных немецком и русском языках / В.В.Акуленко // Категория количества в современных европейских языках / отв. ред. В.В.Акуленко. – Киев: Наукова думка, 1990. – С.106-131.
15. Алексеев, П.В., Панин, А.В. Философия / П.В.Алексеев, А.В.Панин. – М.: Проспект, 2003. – 608 с.
16. Алехина, М.И. Определенность-неопределенность предмета как контекстуальная категория / М.И.Алехина // Русский язык в школе. – 1974. – №5. – С.81-85.
17. Алехина, А.И. Семантические группы во фразеологии современного английского языка / А.И.Алехина. – Л.: Учпедгиз, 1969. – 150 с.
18. Амосова, Н.Н. О синтаксической организации фразеологических единиц / Н.Н.Амосова // Учен. зап. / ЛГУ. Серия филологических наук. №301. Вып. 60. – Л.: Изд. ЛГУ, 1961. – С.7-14.
19. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии: автореф. дис. ... д-ра фило.наук / Амосова Наталия Николаевна. – М., 1962. – 47 с.
20. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Н.Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 208 с.
21. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д.Аракии. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.

22. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В.Д.Аракин. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2000. – 256 с.
23. Арзуманов, С.Д. Русско-таджикский словарь / С.Д.Арзуманов, Х.А.Ахрори, М.Бехбуди и др. – М.: Русский язык, 1985. – 1280 с.
24. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка / И.В.Арнольд. – М.: Просвещение, 1973. – 303 с.
25. Арнольд, И.В. Основы научных исследований в лингвистике / И.В.Арнольд. – М.: Высш. Школа, 1991. – 140 с.
26. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл / Н.Д.Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383с.
27. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д.Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С.389-390.
28. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л.Архангельский. – Р/на Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. – 315 с.
29. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
30. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – М.: сов.энциклопедия, 1969. – 608с.
31. Бабаев, Э. Оценочное значение образных сравнительных оборотов в современном английском и таджикском языках / Э.Бабаев // Исследование по лексикологии и фразеологии. – М., 1976. – 296 с.
32. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш.Балли. – М.: Язык и жизнь, 2003. – 393с.
33. Баранов, А.Н., Дубровский, Д.О. Идиоматичность и идиомы / А.Н.Баранов, Д.О.Дубровский // Вопросы языкознания. – 1966. – №5. – С.34-45.
34. Бархударов, Л.С. Язык и перевод / Л.С.Бархударов. – М.: Наука, 2006. – 239с.
35. Бачаев, М. Фразеологияи забони тоҷикӣ дар асари тарҷумавӣ / М.Бачаев // Газетаи муаллимон. – Душанбе, 1966. – №6.
36. Бекмурадов, М. Семантический анализ строительной терминологической лексики в таджикском и английском языках / М.Бекмурадов. – Душанбе: Матбааи хаём, 2000. – 200 с.
37. Блох, М.Я. Вопросы изучения грамматического строя языка / М.Я.Блох. – М.: МП ИИ им. В.И.Ленина, 1976. – 107 с.
38. Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я.Блох. – М.: Высш. шк., 2004. – 239 с.



39. Бодуэн, де Куртенэ И.А. Количественное, в языковом мышлении / Бодуэн де Куртенэ И.А. // Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.2. – С.312-316.
40. Бондарко, А.В. О взаимодействии языковых уровней в рамках; функционально-семантической категории / А.В.Бондарко // Уровни языка и их взаимодействие: тезисы научной конференции (4-7 апреля 1967 г.). – М.: М-во высш. и сред. спец. обр-я СССР, 1-й Моск. госуд. пед. ин-тут иностр. яз. им. М.Тореза, 1967. -С.32-35.
41. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В.Бондарко. – М.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. – 255 с.
42. Бондарко, А.В. Грамматическое значение и смысл / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – 176 с.
43. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В.Бондарко. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. – 136 с.
44. Бондарко, А.В. К теории функциональной грамматики / А.В.Бондарко // Проблемы функциональной грамматики / отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1985. – С.16-29.
45. Бондарко, А.В. Семантические категории в аспекте сопоставительных исследований / А.В.Бондарко // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С.26-37.
46. Бондарко, А.В. Вступительные замечания / А.В.Бондарко // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А.В.Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С.161-162.
47. Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: итоги и перспективы / А.В.Бондарко // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всероссийской научной конференции (г.Санкт-Петербург, 26-28 сент. 2001 г.). – СПб.: Наука, 2001. – С.7-8.
48. Брусенская, Л.А. Категория числа в русском языке (структурно-семантический и коммуникативно-функциональный аспекты) / Л.А.Брусенская. – Ростов на/Д.: Изд-во Ростовск. пед. ин-та, 1992. – 112 с.
49. Будагов, Р.А. Язык и культура / Р.А.Будагов. – М.: Добросвет, 2001. – 2008с.
50. Букреева, Е.И. Грамматическая категория числа в современных английском и русском языках / Е.И.Букреева // Категория количества в современных европейских языках / отв. ред. В.В.Акуленко. – Киев: Наукова думка, 1990. – С.55-105.

51. Булатова, Л.Н. Еще о грамматическом статусе категории числа существительных в русском языке / Л.Н.Булатова // Проблемы структурной лингвистики 1981 / отв. ред. В.П.Григорьев. – М.: Наука, 1983. – С.120-130.
52. Булыгина, Т.В., Крылов, С.А. Категория / Т.В.Булыгина, С.А.Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. Н.В.Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.215-216.
53. Булыгина, Т.В., Крылов, С.А. Понятийные категории / Т.В.Булыгина, С.А.Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.385-386.
54. Валгина, Н.С., Розенталь, Д.Э. Современный русский язык / Н.С.Балкига, Д.Э.Розенталь и др. – М.: Высш. школа, 1971. – 512 с.
55. Ван Валин, Р.Д. Референциально-ролевая грамматика / Р.Д.Ван Валин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. – М.: Прогресс, 1982. – С.376-410.
56. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А.Вежбицкая; пер. с англ. А.Д.Шмелева, под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Язык русской культуры, 1999. – Т.ХII. – 776с.
57. Виноградов, В.А. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.А.Виноградов. – М.: Высш. школа. 1972. – 616 с.
58. Виноградов, В.А. Число / В.А.Виноградов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н.Ярцевой. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С.583-584.
59. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В.Виноградов. – М.; Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. – 783 с.
60. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Лексикология и лексикография / В.В.Виноградов // Избр. Труды. – М.: Наука, 1977. – 161 с.
61. Виноградов В.С. Введение в переводоведение / В.С.Виноградов. – М.: Изд-во РАО, 2001. – 224 с.
62. Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе / С.Влахов, С.Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 350 с.
63. Вопросы теории художественного перевода: сб. статей. – М.: Худ. лит-ра, 1971. – 254с.
64. Воронцова, Г.Н. Очерки по грамматике английского языка / Г.Н.Воронцова. – М.: Изд-во литер, на иностр. яз., 1960. – 400 с.
65. Гак, В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г.Гак // Проблемы функциональной грамматики / отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1985. – С.5-15.

66. Гак, В.Г. К проблеме сопоставительно-типологического анализа речевого акта и текста / В.Г.Гак // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С.37-48.
67. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г.Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
68. Гак, В.Г. Национально-культурная специфика метонимических фразеологизмов / В.Г.Гак // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С.260-268.
69. Галкина-Федорук, Е.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология / Е.М.Галкина-Федорук. – М.: Учпедгиз, 1958. – 411с.
70. Гальперин, И.Р. Текст, как объект лингвистического исследования / И.Р.Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
71. Ганиев, А. Глагольные фразеологические единицы современного афганского языка (Опыт классификации структурно-семантических типов) // Научные труды Ташкентского госуниверситета. Вып.433. – Ташкент, 1973.
72. Гаффоров, Р. Услубшиносӣ / Р.Гаффоров, С.Хошимов, Б.Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1995. – 191 с.
73. Гаффоров, Р. Ибораҳои фразеологӣ дар забони тоҷикӣ / Р.Гаффоров // Маориф ва маданият. – 1963.
74. Головин, Б.В. Введение в языкознание: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов / Б.В.Головин. – М.: Просвещение, 1987. – 286с.
75. Голуб, И.Б. Стилистика современного русского языка Лексика. Фоника / И.Б.Голуб. – М.: Высш. школа, 1976. – 208 с.
76. Гордон, Е.М., Крылова, И.П. Грамматика современного английского языка / Е.М.Гордон, И.П.Крылова. – М.: Высш. школа, 1974. – 336с.
77. Гулыга, Е.В., Шендельс, Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е.В.Гулыга, Е.И.Шендельс. – М.: Просвещение, 1987. – 184 с.
78. Гухман, М.М. Понятийные категории, языковые универсалии и типология / М.М.Гухман // Вопросы языкознания. – 1985. – №3. – С.3-12.
79. Дегтярев, В.И. Категория числа в славянских языках / В.И.Дегтярев. – Ростов-н/Д: Изд-во Рост, ун-та, 1982. – 320 с.
80. Дегтярев, В.И. Собирательность и категория числа в истории славянских языков / В.И.Дегтярев // Вопросы языкознания. – 1982. – №4. – С.92-101.

81. Дегтярев, В.И. Содержание грамматической категории числа / В.И.Дегтярев // Известия Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. №2. – Ростов-на/Д., 1976. – С.72-79.
82. Джамshedов, П.Д. Семантика вида глагола в русском, таджикском и английском языках / П.Д.Джамshedов. – Душанбе, 1989. –173с.
83. Дубенец, Э.М. Современный английский язык. Лексикология / Э.М.Дубенец. – М.; СПб.: Изд-во ГЛОССА / КАРО, 2004. – 192 с.
84. Ермакова, Е.Е. Философия / Е.Е.Ермакова. – М.: Высш. шк., 2000. – 272 с.
85. Еселевич, Н.Э. Из истории категории собирательности в русском языке / Н.Э.Еселевич. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1979. – 160 с.
86. Есперсен, О. Философия грамматики / О.Есперсен. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 408 с.
87. Ефимов, В.С. Практика перевода с немецкого на русский язык. Лексические и грамматические проблемы / В.С.Ефимов. – М.: Валент, 2009. – 192 с.
88. Жигадло, В.Н. Современный англ. язык (теоретический курс грамматики) / В.Н.Жигадло, И.П.Иванова, Л.Л.Иофик. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 349 с.
89. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П.Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 158 с.
90. Загоруйко, А.Я. О так называемой неполной или частичной конверсии в современном английском языке / А.Я.Загоруйко // Уч. зап. кафедр англ., нем. и франц. языков Ростовск. пед. ин-та. – 1958. – С.15-32.
91. Зеленецкий, А.Л. Сравнительная типология немецкого и русского языков / А.Л.Зеленецкий. – М.: Просвещение, 1983. – 240 с.
92. Зеленецкий, А.Л. Теория немецкого языкознания / А.Л.Зеленецкий. – М.: Академия, 1997. – 400с.
93. Зимняя, И.А. Психологический анализ перевода как специфического вида речевой деятельности / И.А.Зимняя // Теория перевода и научные основы подготовки переводчиков. – М., 1975. – Ч.1. – С.30-34.
94. Зиндер, Л.Р., Строева-Сокольская, Т.В. Современный немецкий язык / Л.Р.Зиндер, Т.В.Строева-Сокольская. – М.: Наука, 1986. –415с.
95. Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А.Золотова. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
96. Иванова, И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И.П.Иванова, В.В.Бурлакова, Г.Г.Почепцов. – М.: Высш. шк., 1981. – 285 с.

97. Ившин, В.Д. Синтаксис речи современного английского языка (Смысловое членение предложения) / В.Д.Ившин. – Ростов-на/Д.: Изд-во «Феникс», 2002. – 320 с.
98. Ильиш, Б.А. Современный английский язык / Б.А.Ильиш. – М., 1948. – 347с.
99. Иорданский, А.М. Существительные *pluralia tantum* в русском языке / А.М.Иорданский // Уч. зап. Владимирск. пед. ин-та. – Владимир, 1956. – С.90-99.
100. Исаченко, А. Опыт типологического анализа славянских языков / А.Исаченко. – М.: Наука, 1986. –156с.
101. Кальной, И.И., Сандулов, Ю.А. Философия для аспирантов / И.И.Кальной, Ю.А.Сандулов. – СПб.: Лань, 2003. – 512 с.
102. Катермина, В.В. Лексикология английского языка / В.В.Катермина. – М.: Флинта, 2010. – 81 с.
103. Каушанская, В.Л., Ковнер, Л.Р. Грамматика английского языка / В.Л.Каушанская, Л.Р.Ковнер. – Л., 1963. – 288с.
104. Кашина, И.В. Мир в зеркале оксюморона / И.В.Кашина // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 2013. – Т.155, кн.5. – С.206-212.
105. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления/ С.Д.Кацнельсон. – М.: Яз. славян, культуры, 2001. – 851 с.
106. Кацнельсон, С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д.Кацнельсон. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 297 с.
107. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д.Кацнельсон. – М.: УРСС, 2002. – 215 с.
108. Кибардина, С.М. Категории субъекта и объекта и теория валентности / С.М.Кибардина // Категории субъекта и объекта в языках различных типов. – Л.: Наука, 1982. – С.23-24.
109. Клименко, Н.А. Сопоставительный анализ полей неопределенно большого количества в английском и русском языках / Н.А.Клименко // Категория количества в современных европейских языках / отв. ред. В.В.Акуленко. -Киев: Науковадумка, 1990. – С.131-145.
110. Кондаков, И.И. Логический словарь-справочник / И.И.Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.
111. Коммисаров, В.Н. Лингвистика и перевод / В.Н.Коммисаров. – М.: Наука, 1981. – 176с.
112. Краснянская, И.В. Сопоставительный анализ фразеологических единиц современного английского и русского языков и проблема лакунарности /

- И.В.Краснянская // Английская филология. – Краснодар, 1976. – 75 с. – С.63-75.
113. Кочергина, В.А. Введение в языковедение. Основы фонетики-фонологии. Грамматика / В.А.Кочергина. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
  114. Кошечая, И.Г., Дубовский, Ю.А. Сравнительная типология английского и русского языков / И.Г.Кошечая, Ю.А.Дубовский. – Мн.: Высш. школа, 1980. – 272 с.
  115. Кошечая, И.Г. Теоретическая грамматика английского языка / И.Г.Кошечая. – М.: Акад. изд-во МЭГУ, 1994. – 182 с.
  116. Кошечая, И.Г. Типология английского и русского языков / И.Г.Кошечая. – М.: Акад. изд-во МЭГУ, 2000. – 152 с.
  117. Кубрякова, Е.С. Когнитивный взгляд на природу частей речи / Е.С.Кубрякова // Словарь. Грамматика. Текст: сб. статей. – М., 1996. – С.143-151.
  118. Кубрякова, Е.С. Понятие морфемы в современных грамматических исследованиях за рубежом / Е.С.Кубрякова // Морфема и проблемы типологии. – М.: Наука, 1991. – С.150-176.
  119. Кубрякова, Е.С. Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) / Е.С.Кубрякова // Изв. АН СЛЯ. – М., 1997. – Т.56, №3. – С.22-31.
  120. Кузнецов, А.М. Поле / А.М.Кузнецов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.380-381.
  121. Кунин, А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии / А.В.Кунин // Англо-русский фразеологический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – С.1253-1263.
  122. Кунин, А.В. О фразеологических сращениях в современном английском языке / А.В.Кунин // ИЯШ. – 1953. – №3. – С.24-30.
  123. Лаптева, О.А. Дискретность или континуальность / О.А.Лаптева // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Международной научной конференции. Т.1. – М.: Филология, 1995. – С.294-295.
  124. Левицкий, В.В. Семантика и фонетика / В.В.Левицкий. – Черновцы.: М-во высш. и сред. спец. обр-я УССР, Черновиц. гос. ун-т, 1973. –103с.
  125. Литвинов, П.П. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией / П.П.Литвинов. – М., 2000. – 446с.

126. Лопатин, В.В. Оценка как объект грамматики / В.В.Лопатин // Русский язык: проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М.: Наука, 1992. – С.70-75.
127. Лопатин, В.В. Словообразование имен существительных. Существительные со значением собирательности / В.В.Лопатин // Русская грамматика. – М., 1980. – Т.1. – С.133-142.
128. Маджидов, Х. Заимствование фразеологических единиц из русского языка в таджикский / Х.Маджидов // Русский язык и литература в таджикской школе. – 1981. – №2. – С.20-23.
129. Маджидов, Х. К вопросу о классификации фразеологических единиц современного таджикского языка / Х.Маджидов // W1V Всесоюзная научная конференция по иранской филологии: тезисы докладов. – Ташкент, 1964. – С.19-20.
130. Маджидов, Х. Некоторые вопросы фразеологии современного таджикского языка / Х.Маджидов // Сборник работ аспирантов. Серия филологических наук. Вып.4. – Душанбе, 1966. – С.74-75.
131. Маевская, Н.И. О собирательных существительных / Н.И.Маевская // Русский язык в школе. – 1968. – №6. – С.92-95.
132. Марковский, И.К. Слова со значением «неопределенной множественности» в современном русском языке / И.К.Марковский // Филологические науки. – 1974. – №4. – С.77-85.
133. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А.Мейе. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
134. Мельчук, И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И.А.Мельчук // Вопросы языкознания. – 1960. – №4. – С.73-80.
135. Молоткова, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И.Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
136. Мингазова, Н.Г. Категория числа имен существительных в английском языке: монография / Н.Г.Мингазова. – Казань: КФУ, 2012. – 103 с.
137. Мещанинов, И.И. Понятийные категории в языке / И.И.Мещанинов. – М.; -Л.: Изд-во Акад. наук СССР в Мск., 1945(а). – 340 с.
138. Мещанинов, И.И. Проблемы развития языка / И.И.Мещанинов. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1975. – 351 с.
139. Мещанинов, И.И. Члены предложения и части речи / И.И.Мещанинов. – М.; -Л.: Изд-во Акад. наук СССР в Мск., 1945(б). – 322 с.
140. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, таджикского и русского языков / М.Назирова. – Душанбе, 2009. – 134с.

141. Нерознак, В.П. О трех подходах к изучению языков в рамках синхронного сравнения (типологический характерологический – контрастивный) / В.П.Нерознак // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку / отв. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1987. – С.5-26.
142. Ожегов, С.И. О структуре фразеологии, Лексикология, лексикография, культура речи / С.И.Ожегов. – М., 1987. – 206 с.
143. Ощепкова, В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии / В.В.Ощепкова. – М. СПб.: ГЛОССА-КАРО, 2006. – 336 с.
144. Павлов, В.М. Субъект в безличных предложениях / В.М.Павлов // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость. – СПб.: Наука, 1992. – С.71-100.
145. Панфилов, В.З. Типология грамматической категории числа и некоторые вопросы ее исторического развития / В.З.Панфилов // Вопросы языкознания. – 1976. – №4. – С.18-38.
146. Панфилов, В.З. Философские проблемы языкознания (Гносеологические аспекты) / В.З.Панфилов. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
147. Пейсиков, Л.С. Лексикология современного персидского языка / Л.С.Пейсиков. – М.: Изд. МГУ, 1975. – 203 с.
148. Пейсиков, Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка / Л.С.Пейсиков. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – 199 с.
149. Перцов, Н.В. О роли корпусов в лингвистических исследованиях / Н.В.Перцов // Корпусная лингвистика – 2006: материалы Международной научной конференции. – СПб., 2006. – С.227-245.
150. Пешковский, А.М. Избранные труды / А.М.Пешковский. – М.: Просвещение, 1959. – 252с.
151. Плотникова, В.А. Морфологические категории существительного. Категория числа / В.А.Плотникова // Русская грамматика. Т.1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – С.471-474.
152. Попова, Е.В. Влияние лексико-семантического фактора на формирование значения неопределенного множества у имен существительных / Е.В.Попова // Семантика языковых единиц: материалы IV Международной научной конференции. Т.II. – М., 1998. – С.36-38.
153. Потенба, А.А. Из записок по русской грамматике. – 3-е изд. / А.А.Потенба. – М.: Учпедгиз, 1958. – 534с.



154. Потебня, А.А. Об изменении значения и заменах существительного / А.А.Потебня // Из записок по русской грамматике. Т.3. – М.: Просвещение. 1968. – 551 с.
155. Прокопович, Е.Н. Употребление в литературном языке существительных с обобщенно-собирательным значением / Е.Н.Прокопович // Русский язык в школе. – 1966. – №4. – С.29-32.
156. Расторгуева, В.С., Керимова, А.А. Система таджикского глагола / В.С.Расторгуева, А.А.Керимова. – М., 1964. – 290с.
157. Ревзин, И.И. Структура языка как моделирующей системы / И.И.Ревзин. – М.: Наука, 1978. – 287с.
158. Реформатский, А.А. Лингвистика и поэтика / А.А.Реформатский. – М.: Наука, 1987. –262с.
159. Реформатский, А.А. Число и грамматика / А.А.Реформатский // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987. – С.76-87.
160. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика / Я.И.Рецкер. – М.: Наука, 1974. – 451 с.
161. Рубинчик, Ю.А. Основы фразеологии персидского языка / Ю.А.Рубинчик. – М.: Наука, 1981. – 275 с.
162. Рубинчик, Ю.А. Фразеология иранских языков: состояние и проблемы изучения / Ю.А.Рубинчик // Труды Самарк. гос. ун-та; Н.С. №227. – Самарканд, 1976. – Вып.7. – С.34-43.
163. Руденко, Д.И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д.И.Руденко. – Харьков: Изд-во «Основа», 1990. – 298 с.
164. Руденко, Д.И. Количественность и семантика имени / Д.И.Руденко // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А.В.Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С.181-214.
165. Руденко, Д.И. Понятие «класс» и модальность «оценки» в семантике языка / Д.И.Руденко // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1983. – Т.42, №2. – С.151-162.
166. Складаревская, Т.Н. Языковая метафора в словаре / Т.Н.Складаревская // Вопросы языкознания. – 1987. – №2. – С.58-65.
167. Смирницкий, А.И. Лексикология английского языка / А.И.Смирницкий. – М., 1956. – 226 с.
168. Смирницкий, А.И. Синтаксис английского языка / А.И.Смирницкий; под ред. В.В.Пассека; предисл. О.А.Смирницкой. – М.: ЛКИ, 2007. – 285с.
169. Солганик, В.А. Лексика газеты. Высшая школа / В.А.Солганик. – М., 1987. – 12 с.

170. Соболева, П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П.А.Соболева. – М.: Наука, 1980. – 295 с.
171. Соболева, П.А. Число существительных как грамматикословообразовательная категория / П.А.Соболева // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст / отв. ред. Н.Ю.Шведова. – М.: Наука, 1984. – С.66-75.
172. Солнцев, В.М. Вариантность / В.М.Солнцев // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С.80-81.
173. Солодуб, Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках / Ю.П.Солодуб // Вопросы языкознания. – 1982. – Вып.2. – С.106-114.
174. Солодуб, Ю.Д. О двух типах безэквивалентной соотнесенности фразеологизмов различных языков / Ю.Д.Солодуб // Филологические науки. – 1992. – №2. – С.98-101.
175. Соссюр, Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Соссюр Ф. де. – М.: Прогресс, 1990. – 280 с.
176. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Соссюр Ф. де.; пер. с франц. А.М.Сухотина; под ред. и с прим. Р.И.Шор. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
177. Спиркин, А.Г. Основы философии / А.г.Спиркин. – М.: Политиздат, 1988. – 592 с.
178. Сташайтенс, В.П. Абстрактная лексика на материале старобелорусских письменных памятников XV-XVII веков / В.П.Сташайтенс. – Вильнюс: Периодика, 1973. – 184 с.
179. Супрун, А.Е. Общая характеристика семантики количественности / А.Е.Супрун // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А.В.Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С.162-170.
180. Тагиль, И.П. Грамматика немецкого языка / И.П.Тагиль. – М.: Каро, 2021. 357 с.
181. Таджиев, Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке / Д.Т.Таджиев. – Сталинабад, 1955. –72с.
182. Тахохов, Б.А. Изучение фразеологических единиц русского языка в таджикских группах вузов / Б.А.Тахохов. – Душанбе, 1977. – 111 с.
183. Теленкова, М.А. Имя существительное / М.А.Теленкова // Современный русский язык. – М.: Айрис-пресс, 1997. – С.180-191.

184. Теленкова, М.А. Имя числительное / М.А.Теленкова // Современный русский язык. – М.: Айрис-пресс, 1997. – С.210-214.
185. Телия, В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В.Н.Телия // Логика, методология, философия науки: тезисы докладов. – М.; -Обнинск, 1995. – С.118-137.
186. Трубицина, И.А. Общая характеристика имен существительных со значением в современном русском языке / И.А.Трубицина. – М.: Наука, 1986. – 89с.
187. Тукова, Т.В. Омореферентность форм собирательности и единственного числа имен существительных русского языка / Т.В.Тукова // Филологические науки. – 1992. – №4. – С.88-95.
188. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А.А.Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 239 с.
189. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А.Уфимцева. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 208 с.
190. Федоров, А.В. Введение в теорию перевода: (лингвистич. проблемы). – 2-е изд., перераб. / А.В.Федоров. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1958. – 374 с.
191. Федоров А.В. Основы общей теории перевода / В.В.Виноградов. – М., 1968. – 400с.
192. Фелицына, В.П., Прохоров, Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В.П.Фелицына, Ю.Е.Прохоров. – М., 1988. – 272 с.
193. Фозылов, М. Коротко об опыте составления фразеологического словаря таджикского языка / М.Фозылов // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей. – Баку, 1968. – С.66- 69.
194. Фомина, М.И. Современный русский язык. Лексикология / М.И.Фомина. – М.: Высш. школа, 1978. – 256 с.
195. Фролов, И.Т. Введение в философию: учебник для вузов: в 2-х ч. / И.Т.Фролов. – М.: Политиздат, 1989. – Ч.2. – 639 с.
196. Хомский, Н. Язык и мышление. Язык и проблемы знания / Н.Хомский. – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А.Бодуэна де Куртена, 1999. – 252 с.
197. Чейф, У.Л. Значение и структура языка / У.Л.Чейф; пер. с англ. Г.С.Щура, послесл. [С.Д.Кацнельсона](#). – 3-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 426с.
198. Шахматов, А.А. Лингвистическое наследие. Учение о частях речи / А.А.Шахматов. – М.: Ленанд., 2021. – 270с.

199. Шелякин, М.А. О единстве функционального и системного описания грамматических форм в функциональной грамматике / М.А.Шелякин // Проблемы функциональной грамматики / отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука. 1985. – С.37-49.
200. Шендельс, Е.И. Грамматика немецкого языка / Е.И.Шендельс. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
201. Шептулин, А.П. Категории диалектики / А.П.Шептулин. – М.: Высш. шк. 1971. – 280 с.
202. Шиппан, Т. Фразеология немецкого языка / Т.Шиппан. – М.: Наука, 1986. – 50с.
203. Широкова, А.В. Морфология имени во флективных и флективно-агглютинативных языках / А.В.Широкова. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1988. – 92 с.
204. Широкова, А.В. Сопоставительная и описательная лингвистика / А.В.Широкова. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1987. – 133 с.
205. Широкова, А.В. Сопоставительная типология разноструктурных языков (фонетика, морфология) / А.В.Широкова. – М.: Добросвет. 2000. – 196 с.
206. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н.Шмелев. – М.: Наука, 1986. –280с.
207. Шухардт, Г. Избранные статьи по языкознанию / Г.Шухардт. – М.: Высшая школа, 1950. – 292 с.
208. Щерба, Л.В. О частях речи в русском языке / Л.В.Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
209. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В.Щерба. – М.: ЛКИ, 1995. – 432 с.
210. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С.Щур. – М.: Наука, 1974. – 256 с.
211. Эдельман, Д.И. Поле количественности и категория единичного / общего / Д.И.Эдельман // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / под ред. А.В.Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – С.170-181.
212. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
213. Якобсон, Р.О. Избранные работы / Р.О.Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460с.
214. Якобсон, Р. Лингвистика и теория связи / Р.Якобсон // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. – 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1965. – С.435-444.

215. Ярцева, В.Н. Контрастивная грамматика / В.Н.Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 112 с.
216. Яранцев, Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии / Р.И.Яранцев. – М., 1981. –304с.

**б) диссертации и авторефераты:**

217. Абдуллоева, М.Н. Категория числа в таджикском и русском языках (именные части речи): дис. ... канд. филол. наук: 661 / Абдуллоева Мавлюда Наджимиддиновна. – Душанбе, 1971. – 213 с.
218. Азимова, М.Н. Сопоставительный анализ соматической лексики и фразеологии таджикского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Азимова Матлюба Нуриддиновна. – Душанбе, 1997. – 19с.
219. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в русском и английском языках и вопросы создания русско-английского фразеологического словаря: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Арсентьева Елена Фридриховна. – М., 1993. – 34 с.
220. Бабаев, Э. Образные сравнительные обороты в современном английском и таджикском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Бабаев Эргаш. – М., 1977. – 24 с.
221. Булановская, Т.А. Особенности образования нарицательных имен от географических наименований (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04, 10.02.20 / Булановская Татьяна Александровна. – М., 1999. – 20 с.
222. Вахрушева, М.И. Морфотемный анализ собирательных существительных (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Вахрушева Марина Ивановна. – Ульяновск, 1999. – 19 с.
223. Вовк, В.Н. Фразеологизированные единицы со значением неопределенного множества в современном английском языке (в сопоставлении с украинским): автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04 / Вовк Вера Николаевна. – Киев, 1976. – 22 с.
224. Высоцкая, И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Высоцкая Ирина Анатольевна. – Ростов-н/Д., 2002. – 21 с.
225. Высоцкая, И.А. Русское собирательное имя в лингвопрагматическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Высоцкая Ирина Анатольевна. – Ростов-н/Д., 2002. – 155 с.

226. Гатаулинова, Л.Р. Роль цветообозначений в концептуализации мира: на материале фразеологизмов английского, немецкого, французского, русского и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гатаулинова Лилия Равильевна. – Уфа, 2005. – 259с.
227. Грицко, М.И. Глагольные фразеологизмы русского, английского и французского языков в сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Грицко Мария Игоревна. – Новосибирск, 2005. – 150с.
228. Грянкина, Е.С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка. На материале русских английских фразеологизмов в буквальном переводе: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Грянкина Елена Сергеевна. – Барнаул. 2004. – 216с.
229. Дегтярев, В.И. Развитие лексико-грамматических классов собирательных и вещественных имен существительных в русском языке XI-XVII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дегтярев Владимир Иванович. – Ростов-н/Д., 1965. – 30 с.
230. Джалилов, Х. Структурно-семантические особенности и синтаксические функции фразеологических единиц в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Джалилов Хувайдулло. – Душанбе, 1976. – 52 с.
231. Ерошкина, Н.А. Существительные со значением собирательности: на материале слов, обозначающих совокупность людей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ерошкина Нина Александровна. – М., 2000. – 185 с.
232. Зиньков, А.Д. Сравнительное исследование адвербиальных ФЕ в современных западногерманских языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зиньков Анатолий Данилович. – М., 1976. – 16 с.
233. Иванова, О.П. Русские наречные фразеологизмы и их соответствия в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иванова Олимпиада Петровна. – Новосибирск, 1979. – 22 с.
234. Икономиди, И.Я. Фразеологические единицы с национально-специфичным компонентом значения в русском и новогреческом языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Икономиди Ирина Яковлевна. – Краснодар, 2005. – 241 с.
235. Коммисаров, В.Н. Проблемы лингвистического анализа перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Коммисаров Виллен Наумович. – М., 1975. – 51 с.
236. Косякин, А.М. Категория числа имен существительных в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Косякин Александр Михайлович. – М., 1962. – 16 с.

237. Котова, З.И. Собираемые существительные в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Котова Зоя Ивановна. – Л., 1964. – 15 с.
238. Лазарева, Б.Т. Фразеологические сращения в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лазарева Бэлла Тихоновна. – М., 1955. – 16 с.
239. Лешкова, О.О. Функционально-семантическая категория собираемости в польском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.03 / Лешкова Ольга Олдржиховна. – М., 1984. – 246 с.
240. Лихошвай, Т.В. Синонимия форм числа и собираемости имен существительных русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лихошвай Татьяна Владимировна. – Днепропетровск. 1986. – 195 с.
241. Марченко, О.Н. К вопросу о связи лексического значения слова со структурой, в которой это значение реализуется: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 663 / Марченко Ольга Николаевна. – М., 1971. – 24 с.
242. Марчук, Ю.Н. Об алгоритмическом разрешении и лексической многозначности (исследование автоматического контекстологического словаря): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Марчук Юрий Николаевич. – М., 1968. – 20 с.
243. Миськевич, Г.И. Словообразовательная категория собираемых имен существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.660 / Миськевич Галина Иустиневна. – М., 1970. – 28 с.
244. Нарзикулов, А. Особенности французско-узбекского художественного перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 664 / Нарзикулов Асрор. – Л., 1969. – 27 с.
245. Петровская, О.П. Категория собираемости имен существительных в современном украинском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Петровская Ольга Петровна. – Киев, 1973. – 25 с.
246. Попова, Е.В. Формирование и развитие значения неопределенного множества у имен существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Попова Елена Владимировна. – Таганрог, 1996. – 25 с.
247. Салямов, Г. Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода: Принципы перевода пословиц, поговорок и идиом с русского на узбекский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Салямов Гайбулла. – Новосибирск, 1979. – 22 с.
248. Саидов, Р. Фразеология таджикской народной поэзии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.08 / Саидов Рахим. – Душанбе, 1995. – 35 с.

249. Симашко, Т.В. Анализ метафорического высказывания в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 0.02.01 / Симашко Татьяна Васильевна. – М., 1980. – 25 с.
250. Симонова, К.Н. Функционально-семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Симонова Карина Николаевна. – Ростов-н/Д, 2003. – 202 с.
251. Скнар, В.Ф. Глагольные соматические фразеологизмы современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Скнар Владимир Филиппович. – Нежин, 1978. – 25 с.
252. Спиридонова, Т.А. Категории собирательного и совокупного множеств в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Спиридонова Тамара Алексеевна. – М., 1990. – 25 с.
253. Тагаева, Т.М. Количественные отношения в английском и таджикском языках: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Тагаева Табассум Музафаровна. – Душанбе, 1987. – 299 с.
254. Татарина, Т.И. Категории вещественности и собирательности имени существительного в современном русском языке в сопоставлении с белорусским: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Татарина Татьяна Ивановна. – М., 1987. – 16 с.
255. Телегин, Л.А. Морфонологическая структура суффиксальных производных на *-ion* в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 663 / Телегин Лев Александрович. – Ташкент, 1970. – 199 с.
256. Телегин, Л.А. Безаффиксальная транспозиция и ее влияние на процессы деривации в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Телегин Лев Александрович. – Самарканд, 1992. – 259 с.
257. Темникова, И.Г. Собирательные существительные в древнеанглийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Темникова Ирина Геннадьевна. – Кемерово, 1997. – 20 с.
258. Фролова, Л.И. Категория собирательности имен существительных в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фролова Л.И. – Л., 1950. – 20 с.
259. Чельцова, Л.К. Форма множественного числа существительных как объект лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Чельцова Людмила Константиновна. – М., 1976. – 26 с.

#### **в) источники:**

260. Айнӣ, С. Дар хусуси забони адабии тоҷик / С.Айнӣ // Рохбари дониш. – 1929. – №4. – С.23-25.



261. Айнӣ, С. Куллиёт / С.Айнӣ // Айнӣ С. Луғати нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик. – Душанбе, 1976. – Ҷ.12. – С.13-558.
262. Арзуманов, С.Д. Забони тоҷикӣ / С.Д.Арзуманов. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 415с.
263. Ахмедова, Ҷ. Шаклҳои феълӣ бо ёридиҳандаи “истодан” дар забони ҳозираи тоҷик / Ҷ.Ахмедова. – Сталинобод, 1961. – 123с.
264. Ахрорӣ, Х. Сухбат аз санъати тарҷума / Х.Ахрорӣ // Садои Шарқ. – 1984. – №5. – С. 117-128.
265. Бузургзода, Л. Материалҳо ба грамматикаи забони тоҷикӣ / Л.Бузургзода. – Инқилоби маданӣ, 1937. – №1. – С.7-13.
266. Ғаффоров, Р. Забон ва услуби Раҳим Қалил / Р.Ғаффоров. – Душанбе : Дониш, 1966. – 116 с.
267. Ғаффоров, Р. Шеваи ҷанубии забони тоҷикӣ / Р.Ғаффоров. – Душанбе : Дониш, 1979. – 271 с.
268. Ғиёс-ул-луғот . – Душанбе: Адиб, 1987. – Ҷ.1-2. – 416 с.
269. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1977. – 372с.
270. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1986. – Ҷ.2: Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – 372 с.
271. Зеҳни, Т. Санъати сухан / Т.Зеҳни. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 396 с.
272. Исмоилов, И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик / И.Исмоилов. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 87с.
273. Калонтаров, Я.И. Таджикские половицы и поговорки по аналогии с русскими / Я.И.Калонтаров. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 536с.
274. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Х.Карим / Б.Камолиддинов. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 321 с.
275. Камолиддинов, Б. Ҳусни баён / Б.Камолиддинов. – Душанбе: Маориф, 1989. – 291 с.
276. Капранов, В.А. Луғати мухтасари синонимияи русӣ-тоҷикӣ / В.А.Капранов. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 319 с.
277. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ. – Душанбе: Ирфон. 1988. – 250 с.
278. Мачидов, Ҷ. Осори воқеияти қадимаи эронӣ дар фразеологияи муосири тоҷик / Ҷ.Мачидов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2002. – №4. – С.63-77.
279. Маъсумӣ, Н. Забони адабии тоҷикӣ дар ибтидои қарни XX / Н.Маъсумӣ // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – №2. – С.25-42.
280. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н.Маъсумӣ. – Сталинабад: Нашр. дав. Тоҷ., 1959. – 294 с.
281. Муҳаммадиев, М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ / М.Муҳаммадиев. – Душанбе: Маориф, 1993. – 233 с.

282. Ниёзмухаммедов, Б.Н. Очеркҳо оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик. Нашр. дав. адабиёти таълими-педагогии Вазорати маорифи РСС Тоҷикистон / Б.Н.Ниёзмухаммедов. – Сталинобод, 1950.
283. Ниёзмухаммедов, Б.Н. Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик / Б.Н.Ниёзмухаммедов. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 195с.
284. Ниёзӣ, Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ / Ш.Ниёзӣ. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 186 с.
285. Нуров, А. Фарҳанги осори Ҷомӣ / А.Нуров. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 233с.
286. Рустамов, Ш.Ш. Забон ва замон / Ш.Ш.Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 231 с.
287. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форси миёна / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
288. Саймиддинов, Д. Тафовути ғуишҳои забони толишии Гилон / Д.Саймиддинов // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – №3. – С.15-32.
289. Халилов, А. Ҳиссаҷаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик / А.Халилов. – Душанбе, 1977. – 117с.
290. Халимов, С.С. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик / С.С.Халимов. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 231 с.
291. Ҳалимов, С. Дар бораи сифатҳои сохта ва мураккаби умумичузъ ва ё ҳамкомпонент. Иранская филология / С.Ҳалимов. – Душанбе, 1966.
292. Шоҳаҳмад, А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ / А.Шоҳаҳмад. – Душанбе: Маориф, 1996. – 368 с.
293. Шукуров, М. Ҳар суҳан ҷоёву ҳар нуқта мақоме дорад / М.Шукуров. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 187 с.

**г) на иностранном языке:**

294. Agel, V. Ist die Dependenzgrammatik wirklich am Ende? Valenzrealisierungen, Subjekt und die Grenzen des syntaktischen Valenzmodels / V.Agel // Zeitschrift für germanistische Linguistik. – 1993. – Vol.21, №1. – P. 1-126.
295. Alexander, L.G. Longman English Grammar / L.G.Alexander. – Harlow: Pearson Education Limited, 2005. – 374 p.
296. Allan, K. Nouns and Countability / K.Allan // Language. – 1980. – Vol.56, №3. – P.541-567.
297. Barker, C. Group Terms in English: Representing Groups as Atoms / C.Barker // Journal of semantics. – 1992. – №9. – P.69-93.
298. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H.Bußmann. – Stuttgart: Kroner, 1990. – 2 völlig neu bearb. Aufl. – 904 p.

299. Helbig, G. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. Buscha / G.Helbig. – Leipzig; Berlin; München: Verlag Enzyklopadie, 16. auflage, 1994. – 503 p.
300. Paul, H. Deutsche Grammatik. 4. Syntax: zweite Hälfte / H.Paul. – Halle: M. Niemeyer, 1986. – 425 p.
301. Polenz, Peter von. Deutsche Satzsemantik. Grundbegriffe des Zwischen-den-Zeilen-Lesens / Polenz Peter von. Deutsche Satzsemantik. – Berlin; New York: de Gruyter, 1988. – 2 durchges. aufl. – 389 p.
302. Fleischer, Michael. Das System der deutschen Kollektivsymbolik. Eine empirische Untersuchung / Fleischer Michael. – Bochum, 1987. – 326p.
303. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of the English language / D.Crystal. – Cambridge: Cambridge university press, 2003. – 499 p.
304. Celce, M. The Duality of Collective Nouns / M.Celce // English language teaching. – 1970. – №2. – P.164-169.
305. Celce-Myrcia, M., Larsen-Freeman, D. The Grammar book / M.Celce-Myrcia, D.Larsen-Freeman. – Boston, 1983. – 655 p.
306. Evans, V. FCE Use of English 1 / V.Evans. – Swansea: Express Publishing, 1998. – P.145.
307. Ganshina, M.A., Vasilevskaya, N.M. English grammar / M.A.Ganshina, N.M.Vasilevskaya. – M.: Higher school publishing house, 1964. – 547 p.
308. Gillon, B.S. Towards a common semantics for English count and mass nouns / B.S.Gillon // Linguistics and philosophy. – 1992. – №15. – P.597-639.
309. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles. Part 1. Syntax / O.Jespersen. I vol. – Heidelberg, 1914. – 486 p.
310. Longman dictionary of contemporary English LDCE 1: Special Edition. – L.: Longman group limited, 1992. – Vol 1. – 626 p.; Vol 2. – 1229 p.
311. Longman dictionary of contemporary English LDCE 2. – Harlow: Pearson Education limited, 2001. – 1668 p.
312. Lyons J. Semantics / J.Lyons. – Cambridge, 1977. – 897 p.
313. Macmillan English dictionary for advanced learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.
314. Walter, Jung. Grammatik der deutschen Sprache / Walter Jung. – Leipzig, 1967. – 518с.

**д) Интернет-источники:**

315. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [rus-corpus.org](http://rus-corpus.org)
316. Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [tajik-corpus.org](http://tajik-corpus.org)

317. Der grammatische Bau der Sprache [Electronic resource]. – Access mode: <http://lingtown.ru/blog/german/94.html>
318. Deutsch Online [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.deutsch-uni.com.ru/gram/index.php>
319. Mein-deutschbuch.de – Online Deutsch lernen [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.mein-deutschbuch.de/index.php?site=home>
320. Theoretische Grammatik der deutschen Sprache [Electronic resource]. – Access mode: <https://lib.nspu.ru/umk/9dee711530fc455a/t1/index.html>
321. Vorlesungen in der theoretischen Grammatik [Electronic resource]. – Access mode: <http://gendocs.ru/v8744/>
322. [www.ids-mannheim.de/serviceCOSMAS](http://www.ids-mannheim.de/serviceCOSMAS)

**е) литературные источники:**

323. Айнӣ, С. Қуллиёт / С.Қуллиёт. – Сталинобод, 1958. –337с.
324. Айнӣ, С. Марги судхӯр / С.Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 2010. –220с.
325. Аминзода, М. Баҳори дил / М.Аминзода. – Душанбе, 1964.
326. Аҳмадзода, Ю. Ишқи духтари кулаҳпӯш / Ю.Аҳмадзода. – Душанбе: Адиб, 2010. – 255с.
327. Дехотӣ, А. Паёмҳои дустӣ / А.Дехотӣ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 255с.
328. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 551с.
329. Икромӣ, Ҷ. Муҳаббат / Ҷ.Икромӣ. – Душанбе: Ирфон, 1982.
330. Кароматуллоҳи, М. Дар орзуи падар / Кароматуллоҳи Мирзо. – Душанбе: Адиб. – 2009.
331. Қиёмов, Ш. Талоши бахт / Ш.Қиёмов. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 44с.
332. Мирзоев, А. Биноӣ / А.Мирзоев. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 140с.
333. Муҳаммадиев, Ф. Сози Мунаввар / Ф.Муҳаммадиев. – Душанбе, 1969. – 273с.
334. Муҳаммадиев, Ф. Тирихокхӯрда / Ф.Муҳаммадиев. – Душанбе: Ирфон, 1975.
335. Наимӣ, К. Рӯзи равшан / К.Наимӣ. – Душанбе: Ирфон, 1985.
336. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома / А.Фирдавсӣ. – Душанбе: Адид, 2007. – 480с.
337. Ҳауф, В. Мукча / В.Ҳауф; тарҷ. Бобо Ҳочӣ. – Душанбе: Маориф, 1978. – 32с.
338. Ҳауф, В. Афсонаҳо / В.Ҳайф; тарҷ. Н.Шозедов, М.Раҳимова. – Душанбе, 2007. – 88 с.
339. Ҳауф, В. Биникадуча. (Афсона) / В.Ҳауф; тарҷ. Ю.Аҳмадзода. – Душанбе: Истикбол, 2013. – 32 с.
340. Улугзода, С. Асарҳои мунтахаб. Ҷ.2 / С.Улугзода. – Душанбе, 1969. – 367с.

341. Чалил, Р. Одамони ҷовид / Р.Чалил. – Душанбе: Ирфон, 1982. –249с.
342. Beyer, Herst und Annelies. Sprichwörterlexikon. Sprichwörter und sprichwörtliche Ausdrücke aus deutschen Sammlungen vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart / Beyer, Herst und Annelies. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984. – 707р.
343. Böll, Heinrich. Ansichten eines Clowns / Böll Heinrich. – Stuttgart München-Düsseldorf: Ernst Klett Verlag, 1997. – 281р.
344. Brentano, K., Lore Lay / Берлинраут, Р.Л., Напольская, М.А. Хрестоматия по немецкой литературе / К.Вrentano, Lore Lay / Р.Л.Берлинраут, М.А.Напольская. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1947. – 269 р.
345. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H.Bußmann. – Stuttgart: Alfred Kröner Verlag, 1990. – 904s.
346. Camus, Albert. Die Pest / Camus Albert. – Moskau: Verlag «Für fremdsprachige Literatur», 1989.
347. Cornelia, Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres Lebens / Cornelia, Wusowski. – München: Franz Schneekluth Verlag, 1996. – 1161 s.
348. Der Tod des Wucherers. – Berlin, 1966. Verlag Kultur und Fortschritt.
349. Deutsche Novellen des 19. Jahrhunderts, 2. Auflage. – Moskau: Verlag «Für fremdsprachige Literatur», 1959. – 658 s.
350. Duden, Deutsches Universal wörterbuch A-Z. – Mannheim-Leipzig-WienZürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 s.
351. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / bearb. von W. Pfeifer. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1993. –1665s.
352. Heinemann, M. Kleines Wörterbuch der Jugendsprache. 1 Aufl / M.Heinemann. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1989. – 122 s.
353. Frey, Ch. Deutsche Sprichwörter für Ausländer / Ch.Frey, A.Herzog, A.Michel, R.Schütze. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1979. – 119 s.
354. Geflügelte, Worte. Der Zitatenschatz des deutschen Volkes / Geflügelte Worte. – Büchmann, 1995. – 485 s.
355. Givon, T. Functional and Grammar / T.Givon. – Amsterdam: Benjamins, 1995. – S.50.
356. Goethe, J.W. Faust / J.W.Goethe. – Aufbau-Verlag; Berlin; Weimar, 1975. – 139s.
357. Hoppe, F. Pigafetta / F.Hoppe. – Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 1999. – 189s.
358. Kirfel, W. Die fünf Elemente insbesondere Wasser und Feuer. Ihre Bedeutung für den Ursprung altindischer und altmediterraner Heilkunde / W.Kirfel. – Walldorf-Hessen, 1951. – 243 s.

359. Kluge, F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F.Kluge; bearb. von Elmar Seebold. – Berlin, 1995. – 921s.
360. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H.Küpper. – Stuttgart München-Düsseldorf: Ernst Klett Verlag, 1997. – 959 s.
361. Lenz, S. Deutschstunde Roman / S.Lenz. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1995. – 448 s.
362. Martens, K.K., Lewinson, L.S. Deutsche Literatur vom Mittelalter bis zu Goethe und Schiller / K.K.Martens, L.S.Lewinson. – Moskau: Verlag «Proswestschenije», 1967. – 316 s.
363. Meyers Lexikon A-Z in einem Band. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1980. – 1056 s.
364. Pfeifer, W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / W.Pfeifer. – Berlin: Akademie Verlag GmbH, 1993. – 1665 s.
365. Sakowski, H. Verflucht und geliebt / H.Sakowski. – Berlin, 1981. – 481s.
366. Thompson, S.A. On addressing functional explanation in linguistics // Language and communications / S.A.Thompson. – 1991. – №11. – S.93-96.

#### **ж) словари:**

367. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Аквариум, 1995. – 387с.
368. Фарҳанги забони тоҷикӣ. – М.: Совет. энцикл, 1969. –955с.
369. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1963. – Т.1. – 952 с.; Т.2. – 850с.
370. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома». – Душанбе: Адиб. 1988. – 211 с.
371. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ / зери таҳрири С.Д.Холматова, С.Солехов, С.Каримов). – Душанбе: Дониш, 2004. – 814 с.

#### **ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ**

- А.С. – Садриддин Айни «Марги судхур». Душанбе, 2011, ТЧБ «Истикбол». 156 с.
- Т.А. – Tschingis Aitmatow “DerweisseDampfer”. Verlag Volkund Welt Berlin, 1977.
- 217 (переведено от) После сказки. Белый пароход. М.: Изд. «Молодая гвардия», 1970.
- Т.В. – Der Tod des Wucherers. Berlin 1966. Verlag Kultur und Fortschritt (256 S)
- Т.а.б. – Тазкираи адабиёти бачагон. Иборат аз панҷ чилд. Чилди 2. Душанбе: Маориф, 1980. 368с.
- М.С. – Сайера Махмудова.

- Н.Ш. – Ҳауф В. Афсонаҳо / тарҷ. Н.Шозедов, М.Раҳимова / В.Ҳауф. Душанбе: РТСУ, 2007. 88 с.
- Ю.А. – Ҳауф В. Биникадуча. (Афсона) / тарҷ. Юсуфҷон Аҳмадзода / В.Ҳауф. Душанбе: Истиқбол, 2013. 32 с.
- Б.Ҳ. – Ҳауф В. Мукча / тарҷ. Бобо Ҳоҷӣ / В.Ҳауф. Душанбе: Маориф, 1978. 32 с.
- Н.В. – Heinrich Boll. Der blasse Hund. – Köln: Verlag Kiepenhauer & Witsch, 1995. 206 s.
- D.D. – Dorris Dorrie. Bin ich schon? Zürich: Diogenes Verlag, 1995. 346 s.
- Т.Н. – Thomas Hürlimann. Fräulein Stark. Zürich: Ammann Verlag, 2001. 192 s.
- J.K. – Elfride Jelinek. Die Klavierspielerin. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1986. 285 s.
- M.F. – Max Frisch. Homo Faber. Frankfurt / Main: Suhrkamp Verlag, 1977. 203 s.
- В.К. – Bernhard Kellermann. Das blaue Band. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1972. 418 s.
- I.K. – Ingard Keun. Das Mädchen, mit dem die anderen Kinder nicht verkehren dürften. Moskau: Verlag Progress, 1982. 211 s.
- I.N. – Ingrid Noll. Roslein rot. Zürich: Diogenes Verlag, 1998. 273 s.
- R.E. – Reiner Maria Rilke. Erzählungen. Frankfurt/Main: Insel Verlag, 1982. 435 s.
- R.M. – Luise Rinser. Mirjam. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH, 1987. 332 s.
- S.V. – Bernhard Schlink. Der Vorleser. Zürich: Diogenes Verlag, 1997. 207 s.
- S.L. – Johannes Mario Simmel. Liebe ist die letzte Brücke. München: Drömersche Verlaganstalt Th. Knaur, 2000. 592 s.
- C.W. – Cornelia Wusowski. Elisabeth I: Der Roman ihres Lebens. – München: Franz Schneekluth Verlag, 1996. 1161 s.
- S.Z. – Stefan Zweig. Maria Stuart. Frankfurt/Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. 470 s.
- M.U. – Mann H. Der Untertan. Roman. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1974. 476 s.
- R.D. – Remarque E.M. Drei Kameraden / E.M.Remarque. Aufbau-Verlag GmbH, Berlin, 1998. 398 s.
- S.O. – Anna Seghers “Auswahl” “Das Obdach”. М., 1950. S.104.
- S.J. – Anna Seghers “Auswahl” Janek (aus dem Roman “Die Gefahrten”). М., 1950. S.104.
- W.S. – Gabriele Wohmann. Ein unwiderstehlicher Mann / Erzählungen. Die Schwestern Germany, 1976. 141 s.
- W.B. Gabriele Wohmann. Ein unwiderstehlicher Mann / Erzählungen. Der Brüder Germany, 1976. 141 s.

W.H. – Gabriele Wohmann. Ein unwiderstehlicher Mann / Erzählungen. Heimlich Germany, 1976. 141 s.

I.B. – Inneborg Bruns. Als Vater aus dem Krieg heimkehrte. Frankfurt am Mein, 1991. 204 s “Fischer Taschenbuch Verlag”.

A.C. – Agatha Christie “Die Morde des Herrn ABC” Kriminalroman: Bern-München-Wien. 188 s.

I.S. – Ingo Schulze “Adam und Evelyn” Roman dtv (Deutschertaschenbuchverlag). München, 2010. 315 s.